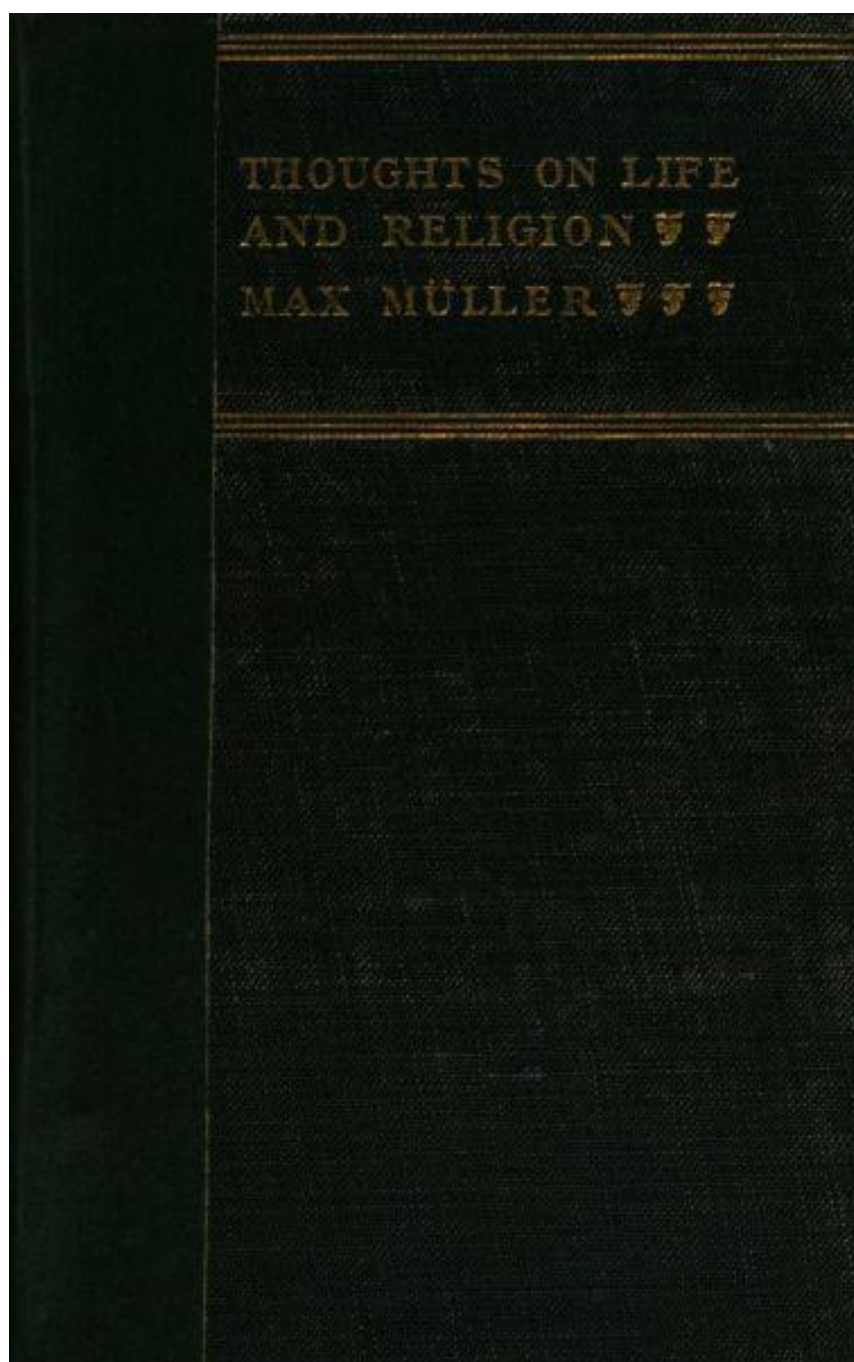

Размышления о жизни и религии. Выводы из трудов достопочтенного профессора Макса Мюллера

Ф. Макс Мюллер

Электронная книга проекта "Гутенберг", содержащая размышления о жизни и религии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мысли о жизни и религии

Author: Ф. Макс Мюллер

Редактор: G. A. M.

Дата выхода: 13 марта 2014 г. [Электронная книга № 45122]
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Мэрилинда Фрейзер-Канлифф, Дэвид Гарсия и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print Project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" МЫСЛИ О ЖИЗНИ И РЕЛИГИИ " ***

МЫСЛИ О ЖИЗНИ И РЕЛИГИИ

МЫСЛИ О ЖИЗНИ И РЕЛИГИИ

Вывод из трудов ДОСТОПОЧТЕННОГО ПРОФЕССОРА МАКСА МЮЛЛЕРА

ЕГО ЖЕНОЙ

ТРЕТЬЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Лондон

АРЧИБАЛЬД КОНСТЕБЛ И
КОМПАНИЯ LTD.

1907

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга была подготовлена в соответствии с пожеланием, выраженным многими известными и неизвестными почитателями творчества моего мужа, которые желают иметь в переносном виде отрывки, которые особенно понравились им в различных его произведениях, а также в "Жизни и письмах".

Я воспользовался этой возможностью, чтобы добавить выдержки из частных писем и из сочинений, которые он оставил незаконченными, которые иначе не стали бы известны никому, кроме его собственной семьи или нескольких близких друзей.

Тем, кто читал "Жизнь и письма", не нужно говорить, что Макс Мюллер с самых ранних лет жил в твердом убеждении, что в этой жизни все разумно устроено и "все для нашего настоящего блага, хотя мы не всегда это видим и хотя мы не можем рискнуть постичь мудрость, направляющую наши шаги по жизни".

Для других его непоколебимое доверие, показанное в этих отрывках, может быть откровением, поскольку он редко говорил на подобные темы. Это доверие придавало ему сил в горькой борьбе его юности, учило смирению в те годы, когда самое заветное желание его сердца казалось недостижимым, поддерживало его позже, когда смерть отняла у него тех, кого он нежно любил, и поддерживало его во время его последней долгой и удручающей болезни.

Я искренне желаю, чтобы эта небольшая книга помогла и утешила многих, подвергшихся подобным испытаниям, и укрепила тех, чей путь сейчас простирается перед ними, как солнечная аллея, навстречу горестям, которые почти наверняка ожидают их по мере продвижения по жизни.

Georgina Max Müller.

11 июня 1905 г..

Содержание

	СТРАНИЦА
Искусство жизни,	1
Прекрасное,	4
Библия,	6
Дети,	12
Христос, Логос,	13

Христианство,	21
Смерть,	34
Божество,	44
Божественное,	57
Сомнения,	60
Эволюция религии,	66
Вера,	70
Отцовство Бога,	73
Будущая Жизнь,	74
Бесконечное,	87
Знание,	96
Язык,	99
Жизнь,	103
Любовь,	121
Человечество,	129
Разум или Мысль,	132
Чудеса,	135
Музыка,	138
Природа,	139
Мрак,	142
Старость,	143
Религия и Вероисповедания,	145
Откровение,	184
Ригведа,	189
Наука,	190
Самость,	192
Печаль и страдание,	198
Душа,	208
Теософия,	215
Истина,	217
Воля Божья,	222
Чудо,	226
Слова,	228
Работа,	230
Мир,	233

ИСКУССТВО ЖИЗНИ

Научиться понимать друг друга - великое искусство жизни, а "соглашаться с разногласиями" - лучший урок сравнительной науки о религии.

Силезский конский табун.

Существует более высокий вид музыки, которому мы все должны научиться, если хотим, чтобы наша жизнь была гармоничной, красивой и полезной. Между молодыми и старыми есть определенные промежутки, которые должны быть, которым суждено быть, без которых жизнь была бы монотонной; но из этих промежутков и разнообразия истинное искусство жизни знает, как создать совершенную гармонию.... Даже великая печаль может стать благословением, уводя часть наших привязанностей из этой жизни в лучшую ... о котором, это правда, мы ничего не знаем, но от которого, когда мы видим мудрость и любовь, лежащие в основе этой жизни, мы можем надеяться на все. Мы созданы для того, чтобы надеяться и доверять, а это часто гораздо труднее, чем видеть и знать.... Величайшее из всех искусств - это искусство жизни, а лучшее из всей музыки - гармония духов. Есть много маленьких правил, которым нужно научиться, чтобы придать нашей жизни гармонию и мелодичность, но основным басом должна быть любовь.

Жизнь.

Одна вещь необходима превыше всего, чтобы жить в мире с людьми, то есть, по-латыни, *Humanitas*, по-немецки, *Menschlichkeit*. Это трудно описать, но это значит требовать от других как можно меньше - ни услужливости, ни благодарности, и в то же время делать все возможное, чтобы доставить удовольствие другим, не ожидая, что они всегда это обнаружат. Поскольку люди состоят из противоречий, они тем более благодарны и дружелюбны, чем меньше видят, что мы ожидаем благодарности и дружелюбия. Даже у наименее культурных людей есть свои положительные стороны, и будет не только намного лучше, но и гораздо интереснее, если кто-то потрудится выявить лучшие стороны и мотивы людей, а не худшие и самые эгоистичные.... Жизнь - это искусство, и более сложное, чем санскрит или что-либо еще.

Жизнь.

Мы становимся главным образом теми, кто мы есть, скорее через других, чем через самих себя, и счастлив тот человек, чей жизненный путь ведет его только к хорошим людям и сводит его с хорошими людьми. Как часто, осуждая других, мы забываем о влиянии, под которым они выросли. Как можно ожидать от ребенка правдивости, когда он видит, как слуги, да часто и родители, практикуют обман. Сколько детей слышат от тех, на кого они равняются, выражения, принципы и разумные правила жизни, которые сознательно или бессознательно оказывают влияние на молодую жизнь ребенка. И все же, как мало любящего самоанализа мы выносим в своих суждениях.

СР.

Если вы хотите быть в мире с самим собой, не возражайте против войны со всем миром.

СР.

ПРЕКРАСНАЯ

Является ли Прекрасное вне нас, или оно скорее внутри нас? То, что мы называем сладким и горьким, - это наша собственная сладость, наша собственная горечь, ибо ничто не может быть сладким или горьким без нас. Разве не то же самое и с Прекрасным? Мир подобен богатой шахте, полной драгоценной руды, но каждый человек должен сам проанализировать руду, прежде чем он узнает, что является золотом, а что нет. Что же тогда является пробным камнем, по которому мы оцениваем Прекрасное? У нас есть пробный камень для обнаружения хорошего. Все бескорыстное - хорошо. Но — хотя ничто не может быть прекрасным, кроме того, что в том или ином смысле является благом, не все, что является благом, также прекрасно. Что же тогда является тем, что, добавленное к благу, делает его прекрасным? Это великая тайна. Для нас это так же важно, как и для Платона. Должно быть, мы созерцали Прекрасное в мечтах детства или, может быть, в прошлой жизни, и теперь мы ищем его повсюду, но никогда не можем найти — по крайней мере, никогда снова во всей его яркости и полноте, никогда таким, каким мы помним его однажды, как видение полузабытого сна. Не все мы помним один и тот же идеал — некоторые бедняги вообще ничего не помнят.... Следовательно, идеал прекрасного находится внутри нас, это все, что мы знаем; как он туда попал, мы никогда не узнаем. Это, конечно, не из этой жизни, иначе мы могли бы определить это; но это лежит в основе этой жизни, иначе мы не смогли бы это почувствовать. Иногда это встречает нас как улыбка Природы, иногда как взгляд Бога; и если что-то и доказывает, что есть великое прошлое и великое будущее, Запредельный, высший мир, скрытая жизнь, так это наша вера в Прекрасное.

Чипсы.

БИБЛИЯ

Вина наша, а не их, если мы намеренно неправильно интерпретируем язык древних пророков, если мы упорствуем в понимании их слов только во внешнем и материальном аспекте и забываем, что до того, как язык санкционировал различие между конкретным и абстрактным, между чисто духовным и грубо материальным, намерение говорящих охватывало как конкретное, так и абстрактное, как материальное, так и духовное, способом, который стал для нас довольно странным, хотя он продолжает жить в языке каждого истинного поэта.

Наука о религии.

Канонические книги дают отраженный образ только реальных доктрин основателя новой религии; образ всегда размытый и искаженный средой, через которую ему приходилось проходить.

Наука о религии.

Ветхий Завет стоит на более высокой этической ступени, чем другие священные книги, — он, конечно, не проигрывает в сравнении с ними. Я всегда так говорил, но люди мне не верили. Тем не менее, все, что показывает подлинно исторический и человеческий характер Ветхого Завета, было бы чрезвычайно полезно в любом смысле и ни в коем случае не повредило бы тому высокому характеру, которым он обладает.

Жизнь.

Если мы однажды научились быть милосердными и разумными в толковании священных книг других религий, нам будет легче научиться быть милосердными и разумными в толковании нашей собственной. Мы больше не будем пытаться навязывать буквальный смысл словам, которые, будучи истолкованы буквально, должны утратить свой истинный и изначальный смысл; мы больше не будем интерпретировать Закон и Пророков так, как если бы они были написаны на английском языке нашего века, но будем читать их в истинно историческом духе, подготовленными ко многим трудностям, не обескураженными многими противоречиями, которые, будучи далекими от опровержения подлинности, становятся для историка древнего языка и древней мысли сильнейшим подтверждающим доказательством возраста, подлинности и подлинной правды древних священных книг. Давайте только относиться к нашим собственным священным книгам не более и не менее милосердно, чем к священным книгам любых других народов, и они вскоре вернут себе то положение и влияние, которыми они когда-то обладали, но которые искусственные и неисторические теории последних трех столетий почти уничтожили.

Наука о религии.

Изучающие религиоведение могут рассматривать Ветхий Завет только как строго историческую книгу рядом с другими историческими книгами. Он не может претендовать ни на какие привилегии перед судом истории, более того, претендовать на такую привилегию означало бы на самом деле лишить его высокого положения, которое он по праву занимает среди самых ценных памятников далекого прошлого. Но авторство отдельных книг, составляющих Ветхий Завет, и, в особенности, даты, когда они были написаны, являются предметом острых споров не среди критиков, враждебных религии, а среди теологов, которые рассматривают эти вопросы в самом независимом, но в то же время самом искреннем и беспристрастном духе. Благодаря такому подходу многие трудности, которые в прежние времена тревожили умы вдумчивых богословов, были устранены, и Ветхий Завет занял свое законное место среди наиболее ценных памятников древности.... Но это было возможно только при одном условии, а именно, что к Ветхому Завету следует относиться просто как к исторической книге, готовой подвергнуться всем испытаниям исторической критики, которым подвергались другие исторические книги.

Лекции Гиффорда, II.

То, что изучающий историю непрерывного роста религии тщетно ищет в книгах Ветхого Завета, — это последовательные этапы развития религиозных концепций. Он не знает, какие книги он может считать более древними или более современными, чем другие книги. Он тщетно спрашивает, насколько религиозные идеи, отраженные в некоторых из этих книг, могут быть связаны с древней традицией, насколько с умом новейшего автора. В книге Исход iii. Бог открывается Моисею не только как всевышний, но и как единственный Бог. Но теперь компетентные ученые говорят нам, что Исход не мог быть записан раньше, чем, вероятно, через

тысячу лет после Моисея. Как же тогда мы можем полагаться на это как на точное изображение мыслей Моисея и его современников? Совершенно справедливо было сказано, что "почти невозможно поверить, что народ, который был освобожден от суеверий во время Исхода и которого все это время учили воспринимать Бога как единый вселенский Дух, существующий только в истине и праведности, был найден во времена Иосии, почти девятьсот лет спустя, погрязшим во всех суевериях". Тем не менее, если бы писания Ветхого Завета^[1] были одновременны событиям, о которых они рассказывают, это регрессивное движение пришлось бы признать. Большинство из этих трудностей устраняются или значительно уменьшаются, если мы примем результаты современной еврейской науки и вспомним, что, хотя Ветхий Завет может содержать очень древние традиции, они, вероятно, не были записаны до середины пятого века до нашей эры и, возможно, были изменены и смешаны с идеями, относящимися ко времени Ездры.

Лекции Гиффорда, II.

Можем ли мы, изучающие язык, и особенно восточные языки, интерпретировать язык Ветхого Завета как примитивный и как восточный язык или нет? Можем ли мы, или не можем, как истинно верующие, увидеть сквозь завесу, которую человеческий язык всегда набрасывает на самые священные тайны души, и вместо того, чтобы низводить величие испытания Авраама и веру Авраама до уровня простого сверхъестественного события, распознать в нем настоящее испытание человеческой души, настоящую веру друга Божьего, веру без штормовых ветров, без землетрясений и пожаров, веру в тихий голос Бога?

СР.

Действительно ли необходимо снова и снова повторять то, о чем так часто и хорошо говорили буддисты, что акт творения совершенно непостижим для любого человеческого понимания, и что, если мы вообще говорим о нем, мы можем делать это только антропоморфно или мифологически?

СР.

ДЕТИ

Все кажется таким ярким и совершенным, и, кажется, передо мной открывается совершенно новая жизнь в этом любимом маленьком ребенке. Она помогает мне смотреть вперед, на такое далекое расстояние, и открывает совершенно новый взгляд на собственное предназначение и обязанности на земле. Это нечто новое, ради чего стоит жить, воспитывать вверенную нам человеческую душу и приспособлять ее к ее истинному дому за пределами этой жизни.

Жизнь.

Я сомневаюсь, что можно слишком высоко оценивать жизнь там, где речь идет о воспитании детей. Это единственная великая работа, доверенная нам, она формирует истинную религию жизни. Нет ничего малого или неважного в формировании следующего поколения, которое должно продолжить работу там, где мы должны оставить ее незаконченной. Ни одна душа не

может быть пощажена — каждый важен, каждый может быть причиной бесконечного добра или бесконечного зла на веки вечные.

СР.

ХРИСТОС, ЛОГОС

Объяснение *Логоса* в греческой философии намного проще, чем принято считать. Нужно только не забывать, что для греков мысль и слово были неразделимы, и что один и тот же термин, а именно *Логос*, выражал и то, и другое, хотя они отличали внутренний *Логос* от внешнего. Это одно из самых замечательных отклонений человеческого разума - воображать, что может существовать слово без мысли или мысль без слова. Эти два понятия неразделимы; одно не может существовать или даже быть задумано без другого.

Силезский конский табун.

Почти во всех религиях Бог остается далеким от человека. Я говорю почти во всех религиях, ибо в брахманизме высшей целью признается единство, а не союз человеческой души с Брахмой. Это единство с Божеством, наряду с феноменальным различием, Иисус выразил частично через *Логос*, частично через Сына. Нет ничего более тесно связанного, чем мысль и слово, Отец и Сын. Их можно различать, но никогда не разделять, ибо они существуют только друг через друга. В этом вопросе греческие философы рассматривали все творение как мысль или слово Божье, и мысль "человек" естественным образом стала высшим *Логосом*, реализованным в миллионах людей и вознесенным до высочайшего совершенства в Иисусе. Как мысль существует только через слово, а слово только через мысль, так и Отец существует только через Сына, а Сын через Отца, и в этом смысле Иисус чувствует и объявляет себя Сыном Божьим, а всех верующих в Него людей - Своими братьями. Это откровение или вдохновение пришло к человечеству через Иисуса. Никто не знал Отца, кроме Сына, который находится в лоне Отца, и тех, кому Сын желает открыть Его. Это христианское Откровение в истинном смысле этого слова.

Силезский конский табун.

Каким бы незначительным ни было то внимание, которое мы сейчас уделяем учению о *Логосе*, в тот период (т.е. Четвертого Евангелия) оно было центром, жизненным зародышем всего христианского учения. Если мы прочитаем любое из сочинений Афанасия или любого из старших отцов церкви, мы будем удивлены, увидев, что все они начинаются со слова (*Логоса*) в качестве фиксированной отправной точки, а затем переходят к доказательству того, что Слово есть Сын Божий, и, наконец, что Сын Божий - это Иисус из Назарета. Религия и философия здесь тесно связаны.

Силезский конский табун.

Что такое истинное христианство, если не вера в истинное сыновство человека, как справедливо предполагали греческие философы, но никогда не видели воплощения на земле? Вот точка, где сливаются два великих интеллектуальных течения арийского и семитского миров,

в том, что долгожданный Мессия евреев был признан *Логосом*, истинным Сыном Божиим, и что Он открыл каждому человеку возможность стать тем, кем он всегда был, но никогда прежде не постигал высшей мысли, Слова, Логоса, Сына Божьего.

Силезский конский табун.

Вечная жизнь состоит в знании того, что люди имеют своего Отца и свое истинное существо в единственном истинном Боге и что как сыновья того же Отца они подобны Богу и Христу.

Силезский конский табун.

Почему вера в Сына должна давать вечную жизнь? Потому что Иисус через Свое собственное сыновство в Боге провозгласил нам и наше. Это знание дает нам вечную жизнь через убеждение, что внутри нас тоже есть нечто божественное и вечное, а именно слово Божье, Сын, которого Он послал. Однако Сам Иисус - единородный Сын, свет миру. Он первый исполнил и осветил божественную идею, которая скрыта во всех людях, и дал возможность всем людям действительно стать теми, кем они всегда были потенциально, — сынами Божиими.

Силезский конский табун.

Мы делаем все возможное для тех, кто из благоговения перед Богом и Христом и из самых чистых побуждений протестует против утверждения о полном братстве людей во Христе. Но когда они говорят, что разница между Христом и человечеством заключается в роде, а не в степени, они не ведают, что творят, они сводят на нет все учение Христа и отрицают Воплощение, которому они якобы учат.

Лекции Гиффорда, IV.

Игра "Аммергау", должно быть, очень мощная. И я уверен, что сейчас нет ничего более желанного, чем произвести сильное впечатление на истинно человеческий характер Христа; он почти исчез под экстравагантной фразеологией гимнов и символов веры, и все же насколько величественнее простая история Его бескорыстной жизни, чем все превосходства более поздней Теологии. Если кто—то знает, что значит потерять человеческую душу, которую ты любил, - как человек забывает все, что было человеческим, и цепляется только за то, что было в ней вечного, - он может понять чувства друзей и учеников Христа, когда они увидели Его распятым и принесенным в жертву невинным за тех, кого Он хотел вести и спасти.

СР.

Иисус разрушил барьер между человеком и Богом, завеса, скрывавшая самое Святое, была снята. Человека учили видеть то, что смутно видели пророки, что он близок к Богу, что Бог близок каждому из нас, что древнееврейский взгляд на далекого Иегову возник из избытка благоговения, наполнил сердце человека страхом, но не любовью. Иисус не учил новому учению, но Он устранил старую ошибку, и эта ошибка, этот рабский страх перед Богом, однажды устраненный, восстановил бы в человеческом сердце прежнее доверие к Богу — человек вернулся бы, как потерянный сын к своему потерянному отцу, он почувствовал бы, что если он и был кем-то, то мог быть только тем, кем его создал Бог и хотел, чтобы он был. И если требовалось имя для этих интимных отношений между Богом и человеком, то какое могло быть лучшее имя, чем Отец и Сын?

СР.

Те, кто лишил Иисуса Его истинной человечности, чтобы возвысить Его над всем человечеством, на самом деле сводили на нет Его работу. Христос пришел, чтобы научить нас не тому, кем Он был, а тому, кто мы есть. Он видел, что человек, если он не научится быть чадом Божьим, погибнет. Все его устремления были тщетны, если только все они не проистекали из одного глубокого стремления - любви к Богу. И как мы можем любить то, что полностью отличается от нас самих? Если в нас есть подобие Бога, пусть даже малое, тогда мы можем любить нашего Бога, чувствовать себя привлеченными к Нему, иметь в Нем свое истинное бытие. В этом суть христианства, в этом то, что отличает христианина от всех других религий. И все же само это зерно христианства постоянно игнорируется, на него даже смотрят с недоверием. Разве Христос, умерший за нас, не был больше, чем мы сами? Сказано. Или, опять же, должны ли мы делать себя богами? Христос никогда не говорит, что Он отличается от нас; Он никогда не учил так, как мог бы учить Бог. Его постоянное учение состоит в том, что мы Его братья и что мы должны следовать Его примеру, стать подобными Ему, потому что мы были созданы быть подобными Ему. В этом Он приблизился к Богу, настолько близко, насколько сын может быть близок к Своему отцу; Он тот, кем Ему было предназначено быть. Мы - нет, и отсюда глубокая разница между Ним и нами.

СР.

Тогда говорится: разве Христос не Бог? Да, это так, но в Его собственном смысле, а не в еврейском, ни в греческом смысле, ни в том смысле, который столь многие христиане придают этому символу своей веры. Учение Христа состоит в том, что мы от Бога, что в нас есть нечто божественное, что мы ничто, если мы не являемся этим. Он также учит, что по нашей собственной вине мы сейчас сильно отделены от Бога, как сын может быть полностью отделен и отчужден от своего отца. Но Бог — совершенный и любящий Отец - Он знает, что мы можем быть слабыми и в то же время добрыми, и когда Его потерянные сыновья возвращаются к Нему, Он принимает их и прощает так, как может прощать только отец. Давайте воздадим всю хвалу Христу как лучшему сыну Божьему. Давайте почувствуем, насколько мы недостойны называться Его братьями и детьми Божьими, но давайте не будем терять Христа и нашего Отца, которого Он пришел показать нам, превознося Иисуса выше того места, на которое Он претендовал Сам. Христос никогда не называет Себя Отцом, Он говорит о Своем Отце с любовью, но всегда со смирением и благоговением. Все попытки найти в человеческом языке лучшее выражение, чем "сын", потерпели неудачу. Теологи и философы тщетно пытались более точно определить отношение Христа к Отцу, человека к Богу. Они называли Христа еще одной личностью Божества. Разве это лучше, чем простой человеческий язык самого Христа: "Я иду к своему Отцу"?

СР.

Христос стал для нас настолько нереальным, о Нем говорили в таких неизмеримых выражениях, что очень трудно вернуть Его таким, каким Он был, не опасаясь проявить к Нему меньшее почтение и любовь, чем к другим. И все же нереальные выражения всегда являются ложными выражениями — нет ничего хуже, чем если мы не полностью подразумеваем то, что говорим.

Конечно, мы знаем Христа только через Его друзей, они рассказывают нам то, что Он сказал им — они представляют Его таким, каким Он явился им. Какими ошибочными судьями они часто были, они не скрывают, и это, без сомнения, повышает ценность их показаний, но мы можем видеть Его только таким, каким видели Его они; факт остается фактом, мы знаем о Нем очень мало. И все же остается достаточно, чтобы показать, что Христос был полон любви, что Он любил не только Своих друзей, но и Своих врагов. Кажется, что вся жизнь Христа была полна любви, а не холодности. Он понял наше общее братство и то, на чем оно было основано, нашего общего Отца за пределами этого мира, на небесах, как Он сказал.

СР.

ХРИСТИАНСТВО

Христианство является христианством благодаря этой единственной фундаментальной истине, что поскольку Бог является отцом человека, то воистину, а не только поэтически или метафорически, человек является сыном божьим, участвующим в самой сущности и природе Бога, хотя и отделенным от Бога самостью и грехом. Это единство природы между Божественным и человеческим не понижает представления о Боге, приближая его к уровню человечества; напротив, оно поднимает старое представление о человеке и приближает его к его истинному идеалу. Истинные отношения между Богом и человеком были смутно предвидены многими пророками и поэтами, но Христос был первым, кто провозгласил эти отношения ясным и простым языком. Он называл Себя Сыном Божьим, и Он был перворожденным сыном Божьим в самом полном смысле этого слова. Но Он никогда не равнял Себя с Отцом, в котором Он жил, двигался и имел Свое бытие. Он был человеком в новом и истинном смысле этого слова, и в новом и истинном смысле этого слова Он был Богом. На мой взгляд, человек - ничто, если Он не участвует в Божественном.

Чипсы.

Истинное христианство живет не в нашей вере, а в нашей любви, в нашей любви к Богу и в нашей любви к человеку, основанной на нашей любви к Богу.

Чипсы.

Мне кажется, что истинное христианство, я имею в виду религию Христа, становится все более и более возвышенным по мере того, как мы больше узнаем и тем больше ценим сокровища истины, скрытые в презируемых религиях мира. Но никто не может честно прийти к такому убеждению, если он честно не использует одну и ту же меру для всех религий.

Наука о религии.

Позиция, которую христианство с самого начала заняло по отношению к иудаизму, послужила первым уроком сравнительного богословия и привлекла внимание даже несведущих к сравнению двух религий, отличающихся своей концепцией Божества, своей оценкой человечества, своими моральными мотивами и надеждой на бессмертие, но имеющих так много общего, что в Ветхом Завете есть лишь несколько псалмов и молитв, к которым

христианин не может искренне присоединиться даже сейчас, и лишь несколько правил морали, которым он не должен подчиняться даже сейчас.

Наука о религии.

Именно потому, что учение Христа в большей степени, чем учение основателей любой другой религии, с самого начала предлагало выражение высочайших истин, к которым могли без обмана присоединиться еврейские плотники, римские мытари и греческие философы, оно завоевало лучшую часть мира. Именно из-за того, что с самых ранних времен предпринимались попытки сузить и ужесточить внешнее выражение нашей веры, поставить узкую догму на место доверия и любви, христианская церковь часто теряла тех, кто мог бы быть ее лучшими защитниками, и что религия Христа почти перестала быть тем, чем, прежде всего, она должна была быть, религией всемирной любви и милосердия.

Лекции Хибберта.

Основатель христианства снова и снова настаивал на том факте, что Он пришел исполнить, а не разрушить; и мы знаем, насколько невозможно было бы понять истинное положение христианства в мировой истории, истинный смысл "полноты времен", если мы всегда не будем помнить, что его основатель родился, жил и умер израильтянином. Многие притчи и изречения Нового Завета теперь восходят не только к Ветхому Завету, но и к Талмуду; и мы знаем, как трудно было поначалу любому человеку, кроме еврея, понять истинное значение нового христианского учения.

Лекции Гиффорда, I.

Во всем мире нет религии, которая по простоте, чистоте намерений, милосердию и истинной человечности была бы близка к той религии, которой Христос учил Своих учеников. И все же эта самая религия, как нам говорят, подвергается нападкам со всех сторон. Я полагаю, что главной причиной этого вездесущего неверия является пренебрежение нашими основами, пренебрежение нашей собственной безбожной религией, почти презрение к Естественной религии. Даже епископы скривят губы, когда вы заговорите с ними о той естественной и универсальной религии, которая существовала до появления наших исторических религий, более того, без которой все исторические религии были бы так же невозможны, как поэзия без языка. Естественная религия может существовать и существует без богооткровенной религии — богооткровенная религия без естественной религии совершенно невозможна.

Лекции Гиффорда, I.

Не может быть никаких сомнений в том, что свободное исследование отметало и будет отмечать многие вещи, которые высоко ценились, более того, которые считались необходимыми многими честными и благочестивыми умами. И все же, кто скажет, что истинное христианство, христианство, которое познается по его плодам, сейчас менее энергично, чем когда-либо прежде? В христианской церкви со времен Апостолов и до наших дней велись дискуссии. Мы сами прошли через это, мы проходим через это и сейчас.

Лекции Гиффорда, II.

Когда мы думаем о возвышенном характере учения Христа, не можем ли мы еще раз спросить себя, что бы Он сказал, если бы увидел невероятные истории о Своем рождении и детстве, или если бы Он подумал, что Его Божественный характер когда-либо будет поставлен в зависимость от исторической правды *Evangelia Infantiae*?

Лекции Гиффорда, II.

Большая часть всего флеша христианства не может занимать землю, на которой они были посажены, они должны отказаться от силы, наконец, когда они должны были сдаться задолго до того; и, когда сдалась, наконец, они часто оторвать от них часть силы той веры, о которой они ранее были не только укрепить снаружи, но часть живой структуры.

Гиффордовские лекции, III.

То, что мы называем христианством, охватывает несколько фундаментальных доктрин, но самая важная из них - признание Божественного в человеке, или, как мы это называем, вера в Божественность Сына. Вера в Бога, скажем, в Бога-Отца, или Творца и Правителя мира, была выработана евреями, и к ней пришли большинство цивилизованных и нецивилизованных народов мира. Но когда Основатель христианства назвал Бога Своим Отцом, и не только Своим Отцом, но и Отцом всего человечества, Он больше не говорил на языке ни евреев, ни греков. Для евреев заявлять о Божественном сыновстве человека было бы богохульством. Для греков Божественное сыновство означало бы не более чем чудесное, мифологическое событие. Христос говорил на новом языке, языке, который, без сомнения, может быть неправильно понят, как и любой другой язык; но языке, который для тех, кто его понимал, придал новую славу лицу всего мира. Хорошо известно, как это событие, открытие Божественного в человеке, которое влечет за собой полное изменение духовного состояния человечества и знаменует собой великий поворотный момент в мировой истории, было окружено легендарным ореолом, затемнено, превращено в простую мифологию, так что его истинное значение часто совершенно забывалось, и его приходится открывать заново путем честного и бесстрашного поиска. Христу приходилось говорить на языке Своего времени, но Он придал ему новый смысл, и все же этот язык часто сохранял свое старое, отброшенное значение в умах Его первых, а иногда и последних учеников. Божественное сыновство, о котором Он говорит, не было ни богохульством, как думали евреи, ни мифологией, как воображали и до сих пор воображают многие из Его собственных последователей. Отец и Сын, божественные и человеческие, были подобны старым бутылкам, которые с трудом вмещали молодое вино; и все же как часто старым разбитым бутылкам предпочитали молодое вино, которое должно было дать новую жизнь миру.

Гиффордовские лекции, III.

Если мы научимся смотреть на христианство не как на что-то нереальное и неисторическое, а как на неотъемлемую часть истории, исторического роста человеческой расы, мы сможем увидеть, как все поиски Божественного или Бесконечного в человеке были осуществлены в простых высказываниях Христа. Нам говорят, что его проповедь выявила жизнь и бессмертие. Жизнь, жизнь души, и бессмертие, бессмертие души, были там и были всегда. Но они были извлечены на свет, человек полностью осознал их, человек вспомнил свое царственное рождение, когда слово было произнесено Христом.

Гиффордовские лекции, III.

Мы никогда не должны забывать, что главной целью учения Христа не было заставить других поверить, что Он единственный был божественным, бессмертным или сыном Божиим. Он хотел, чтобы они поверили в это ради *них самих*, ради *их собственного* возрождения. "Тем, кто принял Его к себе, Он дал силу стать сынами Божиими". Поначалу можно было бы подумать, что это признание Божественного элемента в человеке неизбежно должно принижать представление о Божественном. И в каком-то смысле это так и есть. Это приближает Бога к нам, это наводит мост через пропасть, которой Божественное и человеческое были полностью разделены в еврейской, а также во многих языческих религиях. Это разрывает завесу в храме. Следовательно, это понижение не является реальным понижением Божественного. Это расширение концепции Божественного и в то же время возвышение концепции человечности, или, скорее, восстановление того, что называется человеческим, до его истинного характера, — возрождение, или второе рождение, как это назвал Сам Христос. "Если человек не родится свыше, он не сможет увидеть Царствия Божьего".

Гиффордские лекции, III.

Рост религиозных идей сопровождается постоянным действием и противодействием, и за первым действием, посредством которого Божественное было отделено от человеческого разума и помещено почти за пределы его досягаемости, последовала реакция, которая попыталась воссоединить их. Этот процесс, хотя и замечен во многих религиях, наиболее ярко проявился в иудаизме при его переходе в христианство. Нигде невидимый Бог не был так удален от видимого мира, как в древней еврейской религии, и нигде они не были так тесно сближены и не стали единым целым, как в фундаментальном учении христианства о Божественном сыновстве человека.

Гиффордские лекции, IV.

Христос обращался к мужчинам, женщинам и детям, а не к теологам, и классифицировать Его высказывания следует не в соответствии с теологическими техниками, а в соответствии с тем, что заставляет биться наше собственное сердце.

Жизнь.

Стремление к единению с Богом, которое мы рассматриваем как высшую цель в других религиях, находит свое наиболее полное признание в христианстве, если оно правильно понято, то есть если оно рассматривается исторически, и оно неотделимо от нашей веры в полное братство человека со Христом. Какими бы несовершенными ни были формы, в которых это стремление человека к Богу находило выражение в различных религиях, оно всегда было глубочайшим источником всех религий и высочайшей вершиной, достигнутой Естественной религией. Различные мосты, переброшенные через пропасть, которая, кажется, отделяет землю от небес и человека от Бога, могут быть более или менее грубыми и неисправными, но мы можем верить, что многие верные души были перенесены ими в лучший дом. Совершенно верно, что говорить о мосте между человеком и Богом, даже если этот мост называется "Я", - это всего лишь метафора. Но как мы можем говорить об этих вещах, кроме как в метафорах? Вернуться к Богу - это метафора, предстать перед престолом Божиим - это метафора, быть в Раю со Христом - это метафора.

Гиффордские лекции, IV.

Христианская религия должна бросать вызов сравнениям, а не осуждать их. Если мы находим определенные доктрины, которые мы считали исключительной собственностью христианства, и в других религиях, теряет ли христианство от этого, или истинность этих доктрин снижается из-за признания их другими учителями?

Гиффордские лекции, IV.

Любовь, вытесняющая веру, по—видимому, является лейтмотивом всего христианства. Но мир все еще далек от истинного христианства, и тот, кто честен по отношению к самому себе, знает, как далек он сам от идеала, которого он хочет достичь. Трудно представить, каким был бы этот мир, если бы мы действительно были теми, за кого себя выдаем, последователями Христа. Первое, что мы должны усвоить, это то, что мы не те, за кого себя выдаем. Когда мы поймем это, мы, во всяком случае, будем более терпимыми, всепрощающими и любящими по отношению к другим. Мы будем верить в них, воздавать им должное за благие намерения, которыми, я надеюсь, вымощен не ад, а рай.

Жизнь.

Наша религия, безусловно, лучше и чище других, но в основных моментах у всех религий есть нечто общее. Все они начинаются с веры в то, что есть что-то запредельное, и все они являются попытками дотянуться до этого.

Жизнь.

Как мало было преподано Христом, и все же этого достаточно, и каждое добавление несет в себе зло. Любите Бога, любите людей — в этом весь закон и пророки, а не Вероучения, Катехизис, Статьи и бесконечные теологические дискуссии. Мы больше ничего не хотим, и те, кто пытается выполнить этот простой закон, лучше всех знают, насколько это трудно, и как всей нашей жизни и всей нашей силы едва ли достаточно для выполнения этого короткого закона.

СР.

Учение Христа ясно гласит, что как Он - Сын Божий, так и мы - Его братья. Его концепция человека нова, и поскольку она нова, то и Его концепция Бога должна быть новой. Он возвышает человечество и приближает божество к человечеству, и Он выражает их неразделимую природу и их отдельное существование лучшим сравнением, которое есть в мире, - сравнением Отца и Сына. Он требует от Себя не больше, чем от нас. Его единственное превосходство — это то, чем Он обязан Самому Себе: Он был первым, кто нашел Отца и снова стал Его Сыном, и Он оставался в жизни и смерти более единым с Отцом, чем любой из тех, кто заявлял, что верит в Него и следует Его примеру.

СР.

Если Иисус не был Богом, спрашивают они, был ли Он простым человеком? *Простым* человеком? Есть ли что-нибудь среди творений Божьих, что-нибудь рядом с Богом, более чудесное, более ужасное, более святое, чем человек? Скорее мы должны спросить, был ли тогда Иисус просто Богом? Посмотрите на жалкие представления, которые человек создавал себе, пока он говорил о богах помимо Бога? Это не могло быть иначе. Бог един, и тот, кто

признает других богов рядом с Ним или без Него, унижает, более того, отрицает и уничтожает Единого Бога. А Бог меньше человека. Истинное христианство не унижает Божество, оно возвышает человечность, приближая ее к Богу, настолько близко, насколько это возможно для человеческой мысли приблизиться к невыразимому и непостижимому Величию истинного Бога.

СР.

Если бы я вообще осмелился говорить о Божьем замысле, я бы сказал, что Божья цель состоит не в том, чтобы завоевывать только духовно одаренных, смиренных, мягкосердечных, души, недовольные своими собственными недостатками, души, которые находят счастье в самопожертвовании — они уже принадлежат Ему, — а в том, чтобы завоевывать интеллектуально одаренных, мудрых, образованных, сообразительных, или, что еще лучше, завоевывать их обоих. Это был бы недобрый день для христианства, если бы оно больше не могло привлекать интеллектуально одаренных, мудрых, образованных, сообразительных, и мне кажется, долгом всех, кто действительно верит во Христа, показать, что христианство, если его по-настоящему понять, может привлечь как высочайший, так и самый скромный интеллект.

Гиффордские лекции, III.

СМЕРТЬ

Верьте в Бога! То, что Он делает, сделано хорошо. Кем мы являемся, мы являемся благодаря Ему; от чего мы страдаем, мы страдаем по Его воле. Мы не можем постичь Его мудрость, мы не можем постичь Его любовь; но мы можем верить верой, более сильной, чем любая другая вера, что Он не оставит нас, когда мы будем цепляться за Него и взывать к Нему, как Его Сын Иисус Христос научил нас взывать к Нему, "Отче Наш". Хотя эта наша земная форма должна погибнуть, все, что было хорошего, чистого и бескорыстного в нас, будет жить. Смерть не имеет власти над тем, что есть от Бога внутри нас. Смерть изменяет, очищает и совершенствует нас, Смерть приближает нас к Богу, где мы снова встретимся с теми, кто принадлежит Богу, и будем любить их той божественной любовью, которая никогда не может исчезнуть.

Жизнь.

Стал бы этот любящий Отец начинать в нас такую работу, какая сейчас продолжается, а затем разрушать ее, оставляя незавершенной? Нет, то, что есть, будет; то, что действительно есть в нас, будет всегда; мы будем, потому что мы есть. Многое из того, что есть сейчас, изменится, но кем мы являемся на самом деле, такими мы будем всегда; и если любовь действительно составляет часть самой нашей жизни, то эта любовь, какой бы измененной она ни была, очищенной, освященной, будет с нами и останется с нами через то величайшее изменение, которое мы называем смертью. При всем этом муки смерти будут одинаковыми, точно так же, как муки родов, по-видимому, предопределены Богом для того, чтобы умерить безграничную радость от того, что ребенок рождается на свет. И как боль забывается при рождении ребенка, так будет и после смерти — радость будет соизмерима с горем. Печаль - это всего лишь усилие, необходимое для того, чтобы поднять нас к этому новому и более высокому состоянию бытия, и без этого высшего усилия или агонии новая жизнь, которая ждет нас, находится за пределами

нашего горизонта, за пределами нашего представления. Пытаться предвидеть - ребячество, мы ничего не можем знать об этом; нам предназначено быть невежественными; даже Божественная комедия великого поэта и мыслителя - всего лишь детская игра, и ничего больше.... Никаких иллюзий, никаких ожиданий; только эта уверенность, этот тихий покой в Боге, это покорное ожидание души, которая знает, что все хорошо, все исходит от Бога, все стремится к Богу.

СР.

Когда человек становится старше, кажется, что смерть уже не так велика — всего на несколько лет больше или меньше, — тем временем мы знаем, в чьих руках мы все находимся, что жизнь очень прекрасна, но в смерти тоже есть своя красота.

Жизнь.

Мы так легко привыкаем к жизни как ко второй натуре, и, несмотря на окружающие нас могилы, смерть остается чем-то неестественным, тяжелым и ужасающим. Этого не должно быть. Ранняя смерть ужасает, но по мере того, как мы становимся старше, наши мысли должны привыкать к тому, что мы умираем в конце долгого жизненного пути. Все так прекрасно, так хорошо, так мудро устроено, что даже смерть не может быть чем-то тяжелым, чем-то тревожащим; все это принадлежит великому плану, которого мы не понимаем, но о котором мы знаем, что он мудрее всякой мудрости, лучше всякого добра, что иначе и быть не может, не может быть лучше. В вере мы можем жить и можем умереть — можем даже видеть, как уходят те, кто был до нас, и за кем мы должны следовать. Все происходит не по нашей воле, не по нашей мудрости, а по воле небес, и те, кто однажды нашли друг друга через руку Бога, будут, цепляясь за Его руку, находить друг друга снова.

Жизнь.

Если рано или поздно нас позовут, мы должны расстаться с радостью, зная, что эта земля не может дать больше, чем была нашей, и с нетерпением ожидая возвращения в наш новый дом, как в более совершенное государство, где все, что было хорошего, истинного и бескорыстного в нас, будет жить и расширяться, а все, что было плохого и подлого, будет очищено и отброшено. Так давайте же работать здесь, пока есть день, но не боясь ночи, которая приведет нас к новому и более яркому рассвету жизни.

СР.

Уничтожение ... это слово без всякого мыслимого значения. Мы есть — этого достаточно. То, что мы есть, от нас не зависит; и тем, кем мы станем, тоже. Мы можем постичь идею изменения формы, но не прекращения или разрушения субстанции. Под уничтожением люди часто подразумевают потерю сознательной личности в отличие от материального уничтожения. Вот что я чувствую по этому поводу. Если в нашей сознательной личности есть что-то реальное и существенное, то все, что там есть, реальное и существенное, не может перестать существовать. Если, напротив, мы подразумеваем под сознательной личностью нечто такое, что является результатом случайных обстоятельств, то, без сомнения, мы должны столкнуться с идеей о том, что такая личность перестает быть тем, что она есть сейчас. Однако я верю, что истинный источник и сущность нашей личности кроется в том, что является самой реальной из всех реальных вещей, и поскольку это правда, оно не может быть уничтожено. Существует

различие между сознательной личностью и личным сознанием. Ребенок обладает личным сознанием, мужчина, который является тем или иным, Наполеон, Талейран, обладает сознательной личностью. Большая часть этой сознательной личности является лишь временной и проходит, но личное сознание остается.

Жизнь.

Один взгляд на небеса, и вся эта пыль с большой дороги жизни исчезнет. Да! один взгляд на небеса, и эта темная тень смерти исчезнет. Мы сами создали тьму этой тени, и наши мысли о смерти очень нечестивы. Так пожелал Бог; должна произойти перемена, и перемена такого масштаба, что даже если бы ангелы спустились и рассказали нам все об этом, мы не смогли бы ее понять, так же мало, как новорожденный ребенок понял бы то, что человеческий язык может рассказать о нынешней жизни. Подумайте, что такое рождение ребенка, человеческой души; и когда вы почувствуете полную невозможность постичь эту тайну, тогда обратите свои мысли на смерть и увидите в ней новое рождение, столь же непостижимое, но лишь продолжение той радостной тайны, которую мы называем рождением. Все это - Божья работа, и где же изъян в этом чуде из всех чудес, в вечно действующей Божьей работе? Если люди говорят о жизненных невзгодах, разве все это не дело рук человека?

Жизнь.

Великое счастье заставляет человека так часто чувствовать, что оно не может длиться вечно и что когда-нибудь нам придется отказаться от всего, к чему так привязано его сердце. На несколько лет раньше или позже, но время придет, и придет быстрее, чем можно ожидать. Поэтому я считаю правильным приучить себя к мысли, что никто из нас не может избежать смерти, и что все наше счастье здесь только даровано нам самим. Но в то же время мы можем с благодарностью наслаждаться всем, что Бог дает нам ... и нам еще так много осталось, так много поводов для счастья и благодарности, и все же и здесь в самые яркие часы жизни человека всегда проносится мысль: это не может длиться долго, это всего на несколько лет, а потом от этого нужно отказаться. Давайте работать до конца дня, давайте стараться выполнять свой долг и быть очень благодарными за Божьи благословения, которые были так обильно излиты на нас, — но давайте также научимся всегда смотреть за пределы и научимся быть готовыми отказаться от всего, — и все же говорить: "Да будет воля Твоя".

СР.

Это самая болезненная работа, которую я знаю, просматривать бумаги и другие вещи, принадлежащие тому, кого больше нет с нами. Насколько все отличается от того, что было раньше. В смерти есть одна прекрасная черта, она уносит все мелкие недостатки души, которую мы любили, она заставляет нас увидеть истинную незначительность мелочей, она уносит все тени и оставляет только свет. Так и должно быть; и если бы, оценивая человека, мы только могли заставить себя подумать, как бы мы судили о нем, если бы увидели его на смертном одре, насколько другой была бы жизнь! Мы всегда судим в целях самозащиты, и это делает наши суждения такими суровыми. Когда они уходят, как легко мы все забываем и прощаем, как искренне мы любим все, что было в них привлекательного, как мы виним себя за собственную незначительность в том, что заботимся о том или ином, а не просто и по-настоящему любим все, что было хорошего, светлого и благородного. Насколько другой могла бы быть жизнь, если бы

мы все могли заставить себя быть такими, какие мы есть на самом деле, хорошими и любящими, и могли бы сдуть пыль, которая так или иначе упадет на всех нас. Никогда не поздно начать все сначала.

Жизнь.

Смерть тех, кого мы любим, — это последний урок, который мы получаем в жизни, остальное мы должны усвоить сами. Мне кажется, что чем старше я становлюсь и чем ближе я чувствую, что для меня должен быть конец, тем совершеннее и прекраснее все кажется; человек чувствует себя повсюду окруженным и поддерживаемым силой, мудростью и любовью, довольным доверием и ожиданием, неспособным роптать, очень беспомощным, очень слабым, но сильным в этой самой беспомощности, потому что она учит нас доверять чему-то, не себе. И все же расставаться с теми, кого мы любим, тяжело — только я боюсь, что нет ничего другого, что открыло бы нам глаза на то, что находится за пределами этой жизни.

СР.

Странно, как мало мы все думаем о смерти как об условии всего того счастья, которым наслаждаемся сейчас. Если бы мы только могли научиться ценить каждый час жизни, наслаждаться им в полной мере, использовать его в полной мере, никогда не портить ни минуты эгоизмом, тогда смерть никогда не пришла бы слишком рано; именно потраченные впустую часы подобны смерти в жизни и делают ее действительно такой короткой. Еще не поздно научиться стараться быть более скромным, более терпимым, более вежливым или, что лежит в основе всего, более любящим.

Жизнь.

Большой мир, ради которого мы живем, кажется мне таким же хорошим, как и маленький мир, в котором мы живем, и я никогда не понимал, почему вера должна рушиться, когда все, даже боль и горечь, так удивительно хорошо и прекрасны. Все, что мы говорим, чтобы утешить себя в связи со смертью тех, кого мы любили, и кто любил нас, пусто и фальшиво; единственная истинная вещь — это покой и тишина. Мы не можем понять, и поэтому мы должны и можем доверять. В мировой поэме, к которой мы принадлежим, не может быть ни ошибки, ни разрыва; и я верю, что те звезды, которые встретились сами по себе, встретятся снова. Как, где, когда? Бог знает это, и этого достаточно.

СР.

Бог научил нас, что смерть не так страшна, как кажется большинству людей — это всего лишь разлука на несколько коротких дней, а потом нас тоже ждет вечность.

Жизнь.

Мы живем здесь в узком жилище, которое давит на нас со всех сторон, и все же нам кажется, что это целая вселенная. Но когда открывается дверь и любимый человек уходит, чтобы никогда не вернуться, мы тоже подходим к двери и смотрим вдаль, и тогда осознаем, насколько маленьким и пустым является это жилище, и насколько больший, более прекрасный мир ждет нас снаружи. Кто может сказать, как обстоят дела в этом большом мире? но если мы были так счастливы в своем тесном жилище, насколько более счастливыми мы будем там! Не бойтесь. Посмотрите, как прекрасно все устроено; поднимите глаза к бескрайнему небосводу и

подумайте, насколько он мал по сравнению со всемогущей силой Бога. Тот, кто управляет движением звезд, будет управлять судьбой душ человеческих, и те души, которые однажды встретились, не встретятся ли они снова, подобно звездам?

СР.

Те, кто отсутствует, часто ближе к нам, чем те, кто присутствует.

СР.

Мы слишком мало считаемся со смертью, а потом, когда она приходит, она захлестывает нас. Мы все время знаем, что наши друзья должны уйти, и что мы должны уйти, но мы закрываем глаза и наслаждаемся их любовью и дружбой, как будто жизнь никогда не может закончиться. Нам следовало бы прощаться друг с другом каждый вечер - возможно, тогда последнее прощание застало бы нас менее неподготовленными.

СР.

В смерти есть что-то такое естественное. Мы приходим и уходим, перерыва нет.

Жизнь.

Что более естественно в жизни, чем смерть? и прожив эту долгую жизнь, такую полную света, будучи так доброжелательно проведенным Отческой рукой через все бури и невзгоды, почему я должен бояться, когда мне предстоит сделать последний шаг?

Жизнь.

БОЖЕСТВО

Мы ясно видим, что возможность общения между человеком и Богом и откровения Бога человеку зависит главным образом или исключительно от того представления, которое человек ранее сформировал о Боге и человеке. Во всех богословских исследованиях мы должны тщательно помнить, что идея Бога - это *наша* идея, которую мы сформировали частично благодаря традиции, а частично благодаря нашему собственному мышлению. Бог есть и остается *нашим* Богом. Мы можем познать Его только через наше внутреннее сознание, а не через наши чувства.

Силезский конский табун.

Наши обязанности по отношению к Богу и человеку, наша любовь к Богу и к человеку - ничто без прочного основания, которое формируется только нашей верой в Бога, как Мыслителя и Правителя мира, Отца Сына, Который был открыт через Него как Отец всех сыновей, всех людей.

Силезский конский табун.

Хотя христианство дало нам более чистое и верное представление о Божестве, о величии Его силы и святости Его воли, у многих из нас остается представление о чисто объективном Божестве. Бог все еще со многими из нас витает в облаках, так далеко от земли и так высоко над всем человеческим, что, пытаясь полностью осознать смысл учения Христа, мы часто уклоняемся от слишком близкого приближения к ослепительному сиянию Иеговы. Идея о том, что мы должны относиться к Нему как дети к своему отцу, кажется некоторым людям почти непочтительной, а мысль о том, что Бог повсюду рядом с нами, вера в то, что мы также являемся Его отпрысками, более того, что между божественностью и человечеством никогда не было абсолютного барьера, часто клеймилась как пантеизм. И все же христианство не было бы христианством без этого так называемого пантеизма, и только некоторая сохраняющаяся вера во что-то вроде юпитероподобного Deus Optimus Maximus заставляет наш разум с благоговением смотреть на Бога Природы снаружи, а не на гораздо более ужасного Бога души внутри.

Чипсы.

Идея Бога является результатом непрерывной исторической эволюции, назовите это развитием, раскрытием или очищением, но не внезапным откровением.... Какое право имеем мы придирается к тому, каким образом Божественное открылось сначала глазам, а затем и разуму человека? Действительно ли откровение в природе настолько презренная вещь, что мы можем позволить себе презирать его или, в крайнем случае, относиться к нему как к достаточно хорошему для языческого мира? Должно быть, наши глаза сильно затуманились, наш разум притупился, если мы больше не можем воспринимать, как небеса возвещают славу Божью.

Лекции Гиффорда, II.

Вера в единого Верховного Бога, даже если поначалу это была всего лишь генотеистическая, а не монотеистическая вера, овладела ведущими духами еврейской расы в очень раннее время. Вся традиция приписывает эту веру в Единого Бога, Всевышнего, Аврааму. Авраам, хотя и не отрицал существования богов, которым поклонялись соседние племена, все же считал их отличными от своего собственного Бога и явно стоящими ниже его. Его монотеизм, без сомнения, был узким. Его Бог был другом Авраама, как Авраам был другом Бога. И все же концепция Бога, сформированная Авраамом, была концепцией, которая могла расти и действительно росла. Ни Моисею, ни Пророкам, ни Самому Христу, ни даже Мухаммеду не нужно было вводить нового Бога. Их Бога всегда называли Богом Авраама, даже когда он был освобожден от всего местного и узкого в вере этого патриарха.

Лекции Гиффорда, II.

Кому-то любая попытка проследить происхождение имени и концепции Иеговы до тех же скрытых источников, из которых другие народы черпали свое первое представление о божестве, может показаться почти кощунственной. Они забывают разницу между человеческим представлением о Божестве и самим Божеством, которое находится за пределами досягаемости всех человеческих концепций. Но историк извлекает более глубокие уроки из роста этих человеческих концепций, поскольку они повсюду возникают в умах людей,

которые были искателями истины — ищущими Господа, если, может быть, они смогут почувствовать Его и найти Его — и когда он может показать медленный, но здоровый рост самых благородных и возвышенных мыслей из маленьких и, по-видимому, незначительных начинаний, он радуется, как труженик радуется своей золотой жатве; более того, он часто задается вопросом, что по-настоящему чудеснее: бабочка, которая воспаряет к небесам на своих серебристых крыльях, или личинка, которая прячется в своем скудном желудке. у куколки такие чудесные возможности.

Лекции Гиффорда, II.

Концепция Бога возникает в человеческом разуме по необходимости, а не является, как полагают многие теологи, результатом одного особого раскрытия, дарованного только евреям и христианам. Мне кажется невозможным сопротивляться этому убеждению, поскольку сравнительное изучение великих религий мира показывает нам, что высшие атрибуты, которые мы приписываем Божеству, точно так же приписываются ему Священными Книгами других религий.

Лекции Гиффорда, II.

Теперь мы можем повторить слова, которые были установлены для нас столетия назад и которые мы выучили наизусть в детстве — "Я верю в Бога Отца, Творца неба и земли", — с убеждением, что они выражают не только веру апостолов или вселенских соборов, но и содержат Исповедание Веры всего мира, выраженное по-разному, переданное на тысячах языков, но всегда воплощающее одну и ту же фундаментальную истину. Я называю это фундаментальным, потому что оно основано в самой природе нашего разума, нашего разума и нашего языка на простом и неискоренимом убеждении, что там, где есть действия, должны быть и действующие лица, и, в конце концов, один Главный Действующий, которого человек может познать, конечно, не в Его собственной непостижимой сущности, но в Его действиях, как они проявляются в Природе.

Лекции Гиффорда, II.

Историческое доказательство существования Бога, которое дает нам история мировых религий, никогда не было опровергнуто и не может быть опровергнуто. Оно составляет основу всех остальных доказательств, назовем их космологическими, онтологическими или телеологическими, или, скорее, оно поглощает их все и делает излишними. Есть те, кто заявляет, что им вообще не требуется доказательств существования Высшего Существа, а если бы и требовались, то они нашли бы это в откровении, и нигде больше. Предположим, им самим не нужны были доказательства, неужели им действительно было бы совершенно наплевать на то, как человеческая раса и как они сами стали обладателями того, что, я полагаю, они ценят как свое самое драгоценное наследие? Обращение к откровению бесполезно при решении вопросов такого рода, если сначала не объяснить, что на самом деле подразумевается под откровением. История религий учит нас, что с таким же призывом к особому откровению обращаются не только христианство, но и защитники брахманизма, зороастризма и маометанства, и где же трибунал для вынесения решения по противоречивым призывам этих и других претендентов? Последователи каждой из этих религий заявляют о своей вере в богооткровенный характер своей собственной религии, и никогда - в богооткровенный характер

какой-либо другой религии. Несомненно, существует откровение, к которому мы можем апеллировать в суде нашей собственной совести, но перед судом всеобщей апелляции мы требуем других доказательств для веры, которая есть в нас.

Гиффордские лекции, III.

При наличии человека, такого, как он есть, и при наличии мира, такого, как он есть, вера в божественные существа и, наконец, в одно Божественное Существо является не только универсальным, но и неизбежным фактом.... Если с точки зрения человеческого разума невозможно указать ни на один изъян в интеллектуальном процессе, который привел к признанию чего-либо внутри природы, за ее пределами, называйте это Бесконечным или любым другим именем, которое вам нравится, из этого следует, что история этого процесса действительно в то же время является лучшим доказательством законности и истинности выводов, к которым он привел.

Гиффордские лекции, III.

В человеческом языке нет предиката, достойного Бога, все, что мы можем сказать о Нем, это то, что сказали о Нем Упанишад, Нет, Нет! Что это значит? Это означало, что если Бога называют всемогущим, мы должны сказать "Нет", потому что все, что мы понимаем под словом "всемогущий", ничто по сравнению с могуществом Бога. Если Бога называют премудрым, мы снова должны сказать "Нет", потому что то, что мы называем мудростью, не может приблизиться к мудрости Бога. Если Бога называют святым, мы снова должны сказать "Нет", ибо как наше представление о святости может сравниться со святостью Бога? Именно это имели в виду мыслители Упанишад, когда говорили, что все, что мы можем сказать о Боге, - это "Нет, Нет".

Гиффордские лекции, III.

Если бы люди только определили, что они подразумевают под знанием, они бы отвернулись от самой идеи, что Бог когда-либо может быть познан нами в том же смысле, в каком известно все остальное, или что по отношению к Нему мы когда-либо могли бы быть кем угодно, только не агностиками. Все человеческое знание начинается с органов чувств и продолжается от ощущений к восприятиям, от восприятий к концепциям и именам. И все же те же самые люди, которые настаивают на том, что они знают Бога, на одном дыхании заявляют, что никто не может увидеть Бога и остаться в живых. Давайте только определим значение знания и тщательно разделим различные значения, в которых употреблялось это слово, и я сомневаюсь, что кто-нибудь осмелится сказать, что в истинном смысле этого слова он не является агностиком в отношении истинной природы Бога. Это молчание перед безымянным Существом не исключает истинной веры в Бога, ни преданности, ни любви к Существо за пределами наших чувств, за пределами нашего понимания, за пределами нашего разума и, следовательно, за пределами всех имен.

Гиффордские лекции, III.

Каждое из имен, данных этому бесконечному Существо конечными существами, отмечает этап в эволюции религиозной истины. Если мы однажды попытаемся понять эти названия, то обнаружим, что все они были задуманы из лучших побуждений, что на данный момент,

вероятно, это были единственно возможные названия. Историческая школа не рассматривает все названия, данные божественным силам, как просто истинные или просто ложные. Мы рассматриваем все это как благонамеренное и истинное на данный момент, как ступени лестницы, по которой восходят и нисходят ангелы Божьи. Не было ничего дурного в том, что древние люди жаждали дождя, взывали к небу и говорили: "О, дорогое небо, пошли нам дождь!" И когда через некоторое время они использовали все более и более общие слова, когда они обращались к силам (природы) как к ярким, или богатым, или могущественным, все это предназначалось для чего-то другого, для чего-то, чего они искали, если, может быть, они могли нащупать Его и найти. Таков взгляд святого Павла на рост религии.

Гиффордские лекции, III.

Когда Бог однажды был понят без "какого-либо подобия", о Нем можно размышлять, Его можно почитать и обожать, но эта пылкая страсть человеческой груди, эта любовь всем нашим сердцем, всей нашей душой и всей нашей мощью, кажется, затихает перед этим торжественным присутствием. Мы можем любить наших отца и мать всем сердцем, мы можем всей душой привязываться к нашим детям, мы можем быть преданы жене, или мужу, или другу из всех сил, но направить все эти чувства в их концентрированной силе и истине на Божество дано очень немногим на земле.

Гиффордские лекции, III.

Если история религии чему-то нас и научила, так это тому, что нужно различать имена и то, что названо. Имена могут меняться и становиться все более и более совершенными, и наши представления о Божестве также могут становиться все более совершенными, но само Божество не подвержено влиянию наших имен. Как бы сильно ни различались и изменялись названия, в качестве последнего результата изучения религии остается неизменное убеждение, что за всеми именами стоит нечто именуемое, что за всеми действиями стоит действующее лицо, что за конечным скрывается Бесконечное, что в Природе есть Бог. Этот Бог - неизменная цель многих имен, все они имеют благие намерения и хорошо нацелены, и все же все они далеки—далеки от цели, которую ни один человек не может увидеть и - пережить. Все названия, которые изобрел человеческий язык, могут быть несовершенными. Но имя "Я есмь то, что я есмь" останется для тех, кто придерживается семитских взглядов, в то время как тем, кто говорит на арийских языках, будет трудно придумать лучшее имя, чем Сак-кид-ананда, Тот, кто есть, кто знает, кто благословен.

Гиффордские лекции, III.

Как бы сильно мы ни переставали говорить на языке веры нашего детства, вера в руководящее и вездесущее Провидение становится только сильнее, чем больше мы видим жизни, чем больше узнаем о себе. Когда эта басовая нота верна, мы можем позволить себе множество вариаций, мы никогда не ошибемся полностью.

СР.

Мы не видим руки, которая забирает у нас наших близких, но мы знаем, чья это рука, чья это воля. У нас нет имени для Него, мы не знаем Его, но мы знаем, что какое бы имя мы ни дали, Он поймет это. Это основа любой религии. Давайте назовем лучшее имя, которое мы можем найти в себе, дайте нам знать, что даже это, должно быть, очень несовершенное имя, но давайте

верить, что если мы только верим в это имя, если мы используем его не потому, что это мода, а потому, что мы не можем найти лучшего имени, Он поймет и простит. Каждое имя истинно, если мы истинны, каждое имя ложно, если мы ложны. Если мы истинны, наша религия истинна, если мы ложны, наша религия ложна. Честный поклонник фетиша даже лучше, чем насмехающийся папа римский.

СР.

В обычном смысле знания мы не можем иметь никакого знания о Боге; сама наша идея Бога подразумевает, что Он находится за пределами наших способностей восприятия и понимания. Тогда что мы можем сделать? Закрыть глаза и молчать? Это не удовлетворит таких существ, как мы. Мы должны говорить, но все наши слова применимы к вещам осязаемым или умопостигаемым. Старые буддисты говорили: "Единственное, что мы можем сказать о Боге, это "Нет, нет!" Он не это, Он не то. Что бы мы ни видели или понимали, Он не то. Но я снова говорю, что такого рода самоотречение не удовлетворит таких созданий, как мы. Что мы можем сделать? Мы можем отдать только лучшее, что у нас есть. Лучшее, что у нас есть или что мы знаем на земле, - это Любовь, поэтому мы говорим, что Бог - это Любовь или любящий. Любовь - это полная самоотдача, мы не можем идти дальше в наших представлениях о том, что есть лучшее. И все же, насколько это жалкое имя по сравнению с тем, что мы хотим назвать. Наше представление о любви включает, как вы говорите, смирение, взгляд снизу вверх и поклонение. Можем ли мы сказать это о Божьей любви? Поверьте, лучшее, что мы говорим, — всего лишь жалкие усилия, — хорошо, что мы это знаем, - и все же, если это лучшее, что у нас есть и что мы можем дать, нам не нужно стыдиться.

Жизнь.

И теперь, когда уходили поколения за поколениями, с их языками — поклоняющимися Имени Бога, проповедующими и умирающими во Имя Бога, думающими и медитирующими на Имени Бога, — древнее слово стоит неподвижно, вдыхая для нас чистый воздух зари человечества, унося с собой все мысли и вздохи, сомнения и слезы наших ушедших братьев, и все так же возносится к небесам с тем же звуком из базилик Рима и храмов Бенареса, как будто охватывая своим простым заклинанием миллионы и миллионы сердец в их объятиях. страстное желание высказать невыразимое, выразить невыразимое.

Жизнь.

БОЖЕСТВЕННЫЙ

В конце концов, именно еврею в великой мировой истории было суждено разгадать загадку Божественного в человеке. Именно почва еврейской мысли в конце концов породила истинную концепцию отношения между Божественным в природе и Божественным в человеке.

Гиффордские лекции, III.

Когда Божественное во внешнем мире однажды полностью признано, не может быть ничего более или менее божественного, ничего более или менее чудесного ни в природе, ни в истории. Те, кто приписывает божественный и чудесный характер определенным священным событиям только в мировой истории, находятся в большой опасности осквернить таким образом всю драму истории и сделать ее не только профанной, но и безбожной. Легко назвать это пантеистическим взглядом на мир. Он пантеистичен в лучшем смысле этого слова, настолько, что любой другой взгляд вскоре стал бы атеистическим. Даже греки подозревали о вездесущности Божественного, когда еще во времена Фалеса заявляли, что все наполнено богами. Выбор здесь действительно лежит между пантеизмом и атеизмом. Если что-либо, величайшее или наименьшее, может когда-либо произойти без воли Бога, тогда Бог больше не является Богом. Проводить различие между прямым и косвенным влиянием Божественного, признавать общее и особое провидение - все равно что возвращаться к политеизму, вере в одного и многих богов.

Гиффордские лекции, III.

Человеческая природа - это измененная божественная природа. Ничем иным она быть не может. Христос, стряхнув с себя все, что не является божественным в человеке, — назовем это одним общим именем, все, что является эгоистичным, — восстановил Свою собственную божественность.

СР.

Бог приходит к нам в образе человека — для Бога нет другого подобия. И это подобие не запрещено, Христос научил нас видеть и любить Бога в человеке. Мы не можем пойти дальше. Если мы попытаемся представить себе что-то большее, чем человеческое, наш разум сломается. Но мы можем постичь и воспринять Божественное в человеке, и больше всего в тех, кто восстал из земли. Пока мы живы, наша любовь человеческая и смешана с земными вещами. Мы любим и не любим — мы даже ненавидим или воображаем, что ненавидим. Но на самом деле мы не ненавидим ни одного человека, мы ненавидим только то, что окружает и скрывает человека. То, что стоит за этим, истинная природа человека, мы всегда любим. Смерть очищает человека, она снимает земную корку, и мы можем любить тех, кто умер, гораздо лучше, чем тех, кто еще жив: это правда. Мы не обманываем себя, мы не пользуемся пустыми словами. Любовь действительно чище, сильнее и бескорыстнее, когда она охватывает тех, кто воскрес. Вот почему апостолы любили Христа намного больше, когда Его больше не было с ними. Пока Он был жив, Петр мог отречься от Него — когда Он вернулся к Отцу, Петр был готов умереть за Него. Все это настолько верно, что только нужно было пройти через это, прочувствовать это самому, чтобы понять это. Если человек знает, какую любовь он испытывает к блаженным, он не хочет никакого временного воскресения, которое могло бы объяснить возродившуюся любовь Апостолов. Они верили, что Христос действительно воскрес, что смерть не имеет над Ним власти, что Он был с Отцом. Разве это не было чем-то большим, гораздо большим, чем возвращение к этой мимолетной жизни на несколько часов, или дней, или недель, или чем восхождение сквозь облака к голубому небу? Ах! как великие истины были заменены мелкими фантазиями, *мир на чудо*.

СР.

СОМНЕНИЯ

Безусловно, нет более счастливой жизни, чем жизнь простой веры; буквального принятия, радужных мечтаний. Мы все должны признать, что, если бы это было возможно, ничего не было бы более совершенного. Я с радостью признаю, что одними из самых счастливых, а также одними из лучших мужчин и женщин, которых я знал, были те, кто с ужасом содрогнулся бы от мысли подвергнуть сомнению хоть одну букву Библии или усомниться в том, что змей действительно разговаривал с Евой, а ослица - с Валаамом. Но можем ли мы помешать солнечному свету и уличному шуму пробудить счастливого ребенка от его райских грез? Нет, разве это не наш долг - разбудить ребенка, когда пришло время вставать и что-то делать, и принять его долю в дневных трудах? И разве не хорошо для тех, кто впервые открывает глаза и смотрит вокруг, что они видят рядом с собой тех, кто проснулся раньше них, кто понимает их вопрошающие взгляды и может ответить на их робкие вопросы и сказать им простодушным языком старого поэта:

"В искреннем сомнении живет больше веры, поверьте мне, чем в половине вероучений".

Гиффордские лекции, III.

Есть атеизм, который ведет к смерти, есть другой атеизм, который является жизненной кровью всякой истинной веры. Это сила отказа от того, что в наши лучшие, самые честные моменты, как мы знаем, больше не является правдой; это готовность заменить менее совершенное, каким бы дорогим, каким бы священным оно ни было для нас, более совершенным, как бы сильно мир его ни ненавидел. Это истинная самоотдача, истинное самопожертвование, самое истинное доверие к истине, самая истинная вера. Без этого атеизма религия давным-давно превратилась бы в окаменевшее лицемерие; без этого атеизма никакая новая религия, никакая реформа, никакое перевоспитание, никакое воскрешение никогда не были бы возможны; без этого атеизма никакая новая жизнь невозможна ни для кого из нас.

Лекции Хибберта.

Сколько людей во всех странах и во все века называли атеистами не потому, что они отрицали существование чего-либо за пределами видимого и конечного, или потому, что они заявляли, что мир, каким он был, можно объяснить без причины, без цели, без Бога, но часто потому, что они отличались только от традиционной концепции Божества, распространенной в то время, и стремились к более высокому представлению о Боге, чем то, чему они научились в детстве.

Лекции Хибберта.

В нашей жизни бывают моменты, когда те, кто наиболее искренне стремится к Богу, думают, что они оставлены Богом; когда они едва осмеливаются спросить себя: верю ли я в Бога или нет? Пусть они не отчаиваются, и давайте не будем судить их строго; их отчаяние может быть лучше многих вероучений.... Искреннее сомнение - это глубочайший источник честной веры; только тот, кто потерял, может найти.

Лекции Хибберта.

Если мы однажды заявили о свободе духа, о которой заявлял святой Павел: доказывать все и твердо держаться того, что хорошо, - мы не можем повернуть назад, мы не можем сказать, что никто не будет доказывать нашу собственную религию, никто не будет доказывать другие религии и сравнивать их с нашей собственной. Мы должны раз и навсегда сделать выбор между свободой и рабством суждения, и хотя я не хочу спорить с теми, кто предпочитает рабство, все же можно напомнить им, что даже они, сознательно выбирая рабство, следуют своему собственному суждению в той же степени, в какой другие делают выбор в пользу свободы.

Гиффордские лекции, III.

Наши собственные интересы, несомненно, предполагают такое же суровое испытание для нашей собственной религии, как и для других религий, нет, даже более суровое испытание. Нашу религию иногда сравнивают с хорошим кораблем, который должен нести нас по волнам и бурям этой жизни к безопасной гавани. Поэтому не было бы разумно испытать его и подвергнуть самым суровым испытаниям, прежде чем мы вверим себя и тех, кто нам дорог, такому сосуду. И помните, все люди, за исключением тех, кто принимает участие в основании новой религии или был обращен из старой в новую веру, должны принять свою религиозную веру на веру задолго до того, как они смогут судить сами. И хотя во всех других вопросах в более зрелые годы поощряется независимое суждение, используются все виды влияния, чтобы воспрепятствовать свободному исследованию религиозных догм, некогда привитых нашему интеллекту на его самой нежной стадии. Мы осуждаем исследование нашей собственной религии, даже если оно происходит из искреннего желания увидеть своими глазами истину, которой мы намерены твердо придерживаться; и все же мы без колебаний посылаем миссионеров по всему миру, прося верующих пересмотреть свои собственные, освященные веками религии. Мы нападаем на их самые священные убеждения, мы раним их самые нежные чувства, мы подрываем веру, в которой они были воспитаны, и мы нарушаем мир и счастье их домов. И все же, если какой-нибудь ученый еврей, или утонченный брахман, или откровенный зулус просит нас пересмотреть дату и авторство Ветхого или Нового Завета, или требует от нас представить доказательства, на основании которых мы также вполне готовы принять определенные чудеса, мы обижаемся, забывая, что в отношении этих вопросов мы не можем претендовать ни на какие привилегии, ни на иммунитет.

Гиффордские лекции, III.

Если мы можем уважать детскую и даже инфантильную веру, мы также должны научиться уважать даже философский атеизм, который часто содержит скрытые семена лучшей и истиннейшей веры. Мы никогда не должны называть человека атеистом и говорить, что он не верит в Бога, пока не узнаем, в какого Бога его воспитали, и что это за Бог, которого он отвергает, возможно, из лучших и возвышенных побуждений. Мы никогда не должны забывать, что Сократа называли атеистом, что всех ранних христиан называли атеистами, что некоторые из лучших и величайших людей, которых когда-либо знал этот мир, были клеймены этим именем.

Гиффордские лекции, III.

Я слышал и читал самое худшее, что можно сказать против нашей религии - я имею в виду истинное первоначальное учение Христа, — и я чувствую, что готов умом, если не телом, отдать

свою жизнь за истину Его учения. Все наши трудности возникают из-за доктрин людей, а не из-за Его учения. Нет никаких внешних доказательств истинности Его учения, но Дух Божий, который внутри нас, свидетельствует о его истинности. Если этого не произойдет, мы еще не являемся учениками Христа, но, возможно, станем ими в будущем.

Жизнь.

Будьте уверены в том, что подавлять сомнение - значит подавлять дух истины; хорошо высказанное сомнение, как правило, является сомнением разрешенным. Но все это требует огромной серьезности ума — это должно иметь большее значение, чем что-либо другое в жизни, и тогда мы сможем пробиться сквозь это. Бог с нами в нашей борьбе.

Жизнь.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИИ

Эволюция на самом деле то же самое, что история, если мы возьмем ее в объективном смысле. Субъективно история первоначально означала исследование или желание знать; затем она стала означать знание, полученное путем исследования, и, наконец, в чисто объективном смысле - объекты такого знания.

Лекции Гиффорда, I.

Мы можем обнаружить во всех ошибках мифологии и в том, что мы называем ложными или языческими религиями этого мира, продвижение к истине, стремление к чему-то большему, чем конечное, растущее признание Бесконечного, сбрасывающего некоторые из его покровов перед нашими глазами и из века в век открывающегося нам все больше и больше в своей собственной чистоте и святости. И таким образом, две концепции, концепция эволюции и концепция откровения, которые поначалу кажутся такими разными, в конце концов становятся единым целым. Если есть цель, проходящая сквозь века, если природа не слепа, если за всем феноменальным миром стоят агенты, признанные, наконец, проводниками единой Воли, тогда эволюция веры человека в эту Высшую Волю сама по себе является самым истинным откровением этой Высшей Воли и должна оставаться несокрушимым фундаментом, на котором покоится вся религия, называем ли мы ее естественной или сверхъестественной.

Лекции Гиффорда, II.

Те же изменения в представлении о Боге, которые мы видим в разных книгах Библии, происходят в разных главах нашей собственной жизни. Ребенок не может не представлять Бога самому себе как почтенного человека, расхаживающего повсюду, предупреждающего и порицающего сотворенные Им создания. У ребенка еще нет высшей концепции, которую он мог бы применить к Богу; если бы он услышал о высшей концепции, то не смог бы ее постичь. Но по мере того, как ребенок растет и накапливается в высших представлениях, низшее должно уступить место высшему. Пока свидетельства чувств являются единственным доказательством, известным ребенку, он требует видимого Бога. Когда он узнает, что человеческие чувства - это разные способы восприятия, что по самой своей природе они никогда не могут воспринять

ничего, кроме ограниченного, тогда ум невольно отказывается от видимого Бога, он верит в Бога как в Дух. И таким образом, рост каждого человека и рост всей человеческой расы продолжается и будет продолжаться; и я не вижу, как, если мир продолжает жить так, как жил до сих пор, может быть иначе, но от большей части языка Нового Завета также придется отказаться. В последнее время со словом *person* произошли изменения. Многие вещи, которые ранее понимались под личностью, оказались простыми аксессуарами, и над более материальной концепцией личности, индивидуальности или "Я" поднимается более высокая концепция - концепция *Самости*. "Я", личность, состоит из многих вещей, которые являются чисто временными — которые дороги нам на земле, но которые пройдут, в то время как "Я" будет пребывать вечно. Нужно ли поэтому удивляться, что как раз те, кто желает передать Божеству только свое высшее, начинают уклоняться от разговоров о личном Боге? или настаивать на определении слова "личный" таким образом, чтобы оно исключало все, что несовместимо с совершенным, неограниченным, неизменным Существом? Что привело к таким выражениям, как "Бог есть Любовь", как не чувство благоговения, которое не позволяло говорить о Боге таким любящим, как любим мы? Этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока мысли и слова человечества будут расти и меняться. Давайте узнаем только из Библии, что те, кто говорил о Боге как о пребывающем в Раю, говорили как дети, делали все, что могли, отдавали все, что у них было, и кто скажет, что две их лепты были в глазах Бога менее драгоценны, чем все наши верования и философии? Они тоже изменятся, будущие поколения тоже будут смотреть на них как на язык детей. Но Тот, к кому обращены наши мысли и молитвы, будет интерпретировать все языки и диалекты. Перед Ним мудрость мужчины будет звучать ненамного мудрее доверчивого невежества ребенка.

СР.

ВЕРА

Рядом с нашей верой в Бога нет ничего более важного для здорового роста всего нашего существа, чем непоколебимая вера в человека.

Чипсы.

Давайте уповать на Того, Кому одному мы обязаны всеми нашими благословениями. Если мы не оставим Его, Он никогда не оставит нас — мы не можем постичь Его любовь, но мы можем доверять.

СР.

Разлука теряет свою горечь, когда мы верим друг в друга и в Бога. Вера друг в друга удерживает нас рядом в жизни, а вера в Бога удерживает нас вместе в вечности.

СР.

Те, кто помнит счастье простой веры своего детства, вполне могут спросить, зачем ее вообще нарушать. Зная блаженство этой веры, мы, естественно, воздерживаемся от всего, что могло бы преждевременно нарушить ее в умах тех, кто нам доверен. Но как ребенок, нравится ему это или

нет, вырастает мужчиной, так и вера ребенка перерастает в веру мужчины. Это не наших рук дело, это работа Того, Кто сделал нас такими, какие мы есть. По мере того, как растут и меняются все наши другие представления, меняется и наше представление о Боге. Я знаю, что есть мужчины и женщины, которые, когда они воспринимают первые предупреждения об этом внутреннем росте, пугаются и подавляют его изо всех сил. Они закрывают глаза и уши на весь новый свет, идущий изнутри и извне. Они хотят оставаться счастливыми, как дети, и многим из них удастся оставаться такими же хорошими, как дети. Кто бы стал их винить или мешать им? Но те, кто верит в Бога и Божью работу внутри них, должны идти на битву. Для них было бы трусостью и неверием уклоняться от испытания. Они не уверены, что им предназначено быть здесь просто для того, чтобы наслаждаться счастьем детской веры. Они чувствуют, что им доверен талант, который нельзя заворачивать в салфетку. Но битва тяжелая, и тем более тяжелая, что, хотя они знают, что повинуются голосу истины, который есть голос Бога, многие из тех, кого они любят, смотрят на них как на непослушных голосу Божьему, как на нарушителей мира, как на обижающих этих малышей.

СР.

Есть разница между детской верой мужчины (всякая настоящая вера должна быть детской) и детской верой ребенка. Один - еще не потерянный Рай, другой - потерянный, но вновь обретенный. Один подходит для ребенка, другой - для мужчины. Такова воля Божья, чтобы это было так, но также воля Божья в том, что мы все должны терпимо относиться друг к другу и присоединиться, каждый по-своему, к великому хвалебному гимну.

СР.

Вера - это тот орган познания, с помощью которого мы постигаем Бесконечное, а именно все, что выходит за пределы понимания наших чувств и нашего разума. Бесконечное скрыто от чувств, оно отрицается Разумом, но воспринимается Верой; и оно воспринимается, если однажды воспринимается, как лежащее в основе как чувственного опыта, так и комбинаций разума.

Наука о языке.

ОТЦОВСТВО БОГА

Куда бы ни вел нас наш Отец, там и наше Отечество.

Жизнь.

Человек должен открыть, что Бог - его отец, прежде чем он сможет стать сыном Божьим. Знать - значит быть здесь, быть, чтобы знать. Никакое простое чудо не сделает человека сыном Божьим. Это сыновство может быть обретено только через знание, "через человека, познающего Бога, или, скорее, познающего Бога", и пока оно не достигнуто таким образом, его не существует, даже если это факт. Если мы применим это к словам, в которых Христос говорит о

Себе как о Сыне Божьем, мы увидим, что для Него это не чудо, не тайна, не вопрос сверхъестественных ухищрений; это просто ясное знание, и именно это самопознание сделало Христа тем, кем Он был, именно это составляло Его истинную, Его вечную божественность.

Гиффордские лекции, III.

БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ

Действительно, удивляешься, как родственные души разлучаются, и испытываешь изумление и отвращение при мысли, что такими, какими они были на земле, они никогда не смогут встретиться снова. И все же в мире существует непрерывность, нигде нет изъятия, нет разрыва, и то, что было, несомненно, будет снова, хотя как это будет, мы не можем знать, и если только мы доверимся Мудрости, которая пронизывает и осеняет всю Вселенную, нам не нужно этого знать.

Старый Добрый друг.

Даже если мы смиряемся с мыслью, что сходства и вероятности, которые мы проецируем на невидимое и неизвестное, более того, что надежда на нашу новую встречу, как мы когда-то встречались на земле, не обязательно должна быть исполнена в точности так, как мы ее себе представляем, где аргумент, заставляющий нас поверить, что реальное исполнение может быть менее совершенным, чем то, что придумывает и желает даже слабое человеческое сердце? Эта вера в то, что все будет к лучшему, и есть то, что подразумевается под верой, истинной, потому что неизбежной, верой. Мы видим следы этого во многих местах и во многих религиях, но я сомневаюсь, что где-либо эта вера выражена проще и сильнее, чем в Ветхом и Новом Заветах: "Ибо от начала мира люди не слышали и ухом не воспринимали, и око не видело, о Боже, кроме Тебя, что Он приготовил ожидающему Его" (Исаия lxiv. 4). "Как написано, не видел глаз, и ухо не слышало, и не приходило на сердце человеку то, что Бог приготовил для них". которые любят Его" (1 Кор. ii. 9).

Лекции Хибберта.

Самое высокое, что может постичь человек, - это человек. Только на один шаг он может выйти за пределы и сказать, что то, что находится за пределами, может быть другим, но оно не может быть менее совершенным, чем настоящее; будущее не может быть хуже прошлого.... Эта широко осуждаемая философия эволюции, если она чему-то нас и учит, то твердой вере в лучшее будущее и в высшее совершенство, которого человеку суждено достичь.

Лекции Хибберта.

В нашей тоске по ушедшим мы часто думаем о них как о молодых или старых, мы думаем о них как о мужчине или женщине, как об отце или матери, как о муже или жене. Предполагается, что даже национальность и язык остаются после смерти, и мы часто слышим выражения: "О! если души лишены всего этого, без возраста, пола и национального характера, даже без своего родного языка, кем они будут для нас?" Ответ таков: они действительно будут для нас такими же, какими были в этой жизни. До тех пор, пока мы не сможем заставить себя поверить, что у души есть начало и что наша душа возникла в момент нашего рождения, душа внутри нас, должно

быть, существовала раньше. Но как бы мы ни были убеждены в вечном существовании души, мы всегда будем оставаться в неведении относительно того, как она существовала. И все же мы не ропщем и не жалуемся. Наша душа, пробуждающаяся здесь, не совсем чужая самой себе, и души, которые, будучи нашими родителями, нашими женами и мужьями, нашими детьми и нашими друзьями, поначалу приветствовали нас как незнакомцев в этой жизни, стали для нас такими, как будто мы знали их всегда и как будто мы никогда не сможем потерять их снова. Если бы так повторилось в следующей жизни, если бы и там мы встретились сначала как незнакомцы, пока нас не свела бы вместе та же таинственная любовь, которая свела нас здесь, то почему мы должны были бы роптать или жаловаться? Тысячи лет назад мы читали о муже, говорившем своей жене: "Воистину, жена дорога не для того, чтобы ты мог любить жену, а для того, чтобы ты мог любить душу, поэтому жена дорога". Что это значит? Это означает, что истинная любовь состоит не в том, чтобы любить то, что тленно, а в том, чтобы открывать и любить то, что вечно в мужчине или женщине. На санскрите эта вечная часть называется многими именами, но лучшим, кажется, то, которое используется в этом отрывке, - Атма. Мы переводим это словом Soul, но оно даже выше и чище, чем Soul, его лучше всего перевести словом Self. То, что составляет истинное "Я", созерцающего, свидетеля внутри нас, то, что повсюду в теле и все же нигде не может быть затронуто, то, что не может умереть или истечь, потому что оно никогда не дышало, - это Бесконечное в человеке, которое философы искали ощупью, хотя "оно недалеко от каждого из нас". Это Божественное или Богоподобное в человеке.

Гиффордские лекции, III.

Южные арийцы были поглощены борьбой мысли: их прошлое - проблема созидания, их будущее - проблема существования, а настоящее, которое должно было бы стать решением обеих проблем, похоже, никогда не привлекало их внимания и не вызывало их энергии. Никогда еще не было нации, которая так твердо верила бы в иной мир и так мало беспокоилась об этом. Их положение на земле было для них проблемой; их настоящая и вечная жизнь - простым фактом. Хотя это было верно в основном до того, как они вступили в контакт с иностранными завоевателями, следы этого характера все еще видны у индусов, как они описаны спутниками Александра, более того, даже у индусов наших дней. Единственная сфера, в которой индийский ум находит себя свободным действовать, творить и поклоняться, - это сфера религии и философии, и нигде религиозные и метафизические идеи не пустили столь глубоких корней в сознании нации, как в Индии. История не знает второго примера, когда внутренняя жизнь души столь полно поглощала все другие способности народа.

Индия.

Наше счастье здесь - всего лишь предвкушение нашей блаженной жизни после смерти. Мы никогда не должны забывать об этом. Нас отзовут, но мы встретимся снова.

Жизнь.

Мы должны набраться терпения — и мы все цепляемся за жизнь, пока здесь есть те, кто любит нас. Те, кто любит нас там, всегда наши. В мире ничего не потеряно. Как это будет, мы не знаем, но если мы осознали действие божественной мудрости и любви здесь, на земле, мы можем утешиться и терпеливо ждать того, что должно произойти.

Жизнь.

Воистину, благословенны те, кто умирает молодыми. И найдем ли мы их снова такими, какими они оставили нас? Почему бы и нет? Действительно, именно здесь, на земле, меняются те, кого мы любим, именно здесь они умирают каждый день.... Где все те яркие радостные лица, на которые мы из года в год смотрим, открывая наши фотокнижки? На земле они утрачены, но разве они не бережно хранятся для другой жизни, где мы будем не только теми, кто мы есть изо дня в день, завтра уже никогда не будем такими, какими были вчера, но где мы одновременно являемся всем, чем можем быть, — где память неотличима от восприятия, а наша воля - от наших поступков? Скоро мы узнаем, а до тех пор, конечно, у нас есть право быть такими, какие мы есть, и цепляться за наши человеческие надежды. Чем человечнее они будут, тем ближе к истине, скорее всего, окажутся.

Жизнь.

Я верю, что при всех наших надеждах мы не можем быть достаточно человеческими. Давайте будем такими, какие мы есть, — мужчинами, чувствовать как мужчины, скорбеть как мужчины, надеяться как мужчины. Это правда, что наши надежды человечны, но каковы сомнения и трудности? Разве они тоже не человечны? Встретимся ли мы снова, как уходили? Почему бы и нет? Мы не знаем, *как* это будет, но кто имеет право говорить, что так *не* может быть? Давайте представлять и надеяться на лучшее, что мы, как мужчины, можем себе представить, а затем оставаться уверенными, что это будет в тысячу раз лучше.

Жизнь.

Внутренний голос никогда не внушал мне ни малейших сомнений или опасений относительно реальности моей будущей жизни. Если в мире повсюду существует непрерывность, то почему разрыв и уничтожение должны быть только у нас? Все будет так, как было — таков урок, который мы извлекаем из природы, — *как* это будет, нам не суждено знать. Есть старая греческая поговорка на этот счет: пытаться узнать то, о чем нам не сказали боги, не является благочестием. Если бы Бог хотел, чтобы мы знали, что должно быть, Он бы сказал нам. Дарвин показал нам, что существует непрерывность от начала до конца.

Жизнь.

Я верю в непрерывность "Я". Если бы произошло уничтожение или полное изменение нашего индивидуального самосознания, мы могли бы стать кем-то другим, но мы не были бы самими собой. Лично я не сомневаюсь в сохранении личности после смерти, как мы это называем. Я не могу представить, чтобы сама корона и цветок творения были уничтожены его автором. Я не говорю, что это невозможно, не нам говорить ни "да", ни "нет"; мы должны просто доверять, но это доверие или вера заложены в нас и укрепляются всем, что нас окружает.

Жизнь.

Действительно ли мы теряем тех, кто был призван до нас? Я чувствую, что они даже ближе к нам, чем когда были с нами при жизни. Мы должны смотреть шире. Наша жизнь не заканчивается здесь, если только мы сможем увидеть, что наш горизонт здесь подобен занавесу, отделяющему нас от того, что находится за его пределами. Те, кто шел до нас, в настоящее

время находятся за пределами нашего горизонта, но мы не имеем права предполагать, что они полностью исчезли. Мы не можем их видеть, вот и все. И даже это, как мы знаем, может длиться лишь короткое время. Мы жили и выполняли свою работу в жизни до того, как узнали тех, кого любили, и, возможно, нам придется прожить столько же лет в разлуке с ними. Но ничего нельзя потерять: от нас самих зависит, сможем ли мы всегда держать тех, кого мы любили, рядом с нашими мыслями, даже если наши глаза тщетно ищут их. Мир больше, чем эта маленькая земля, наши мысли простираются дальше, чем эта короткая жизнь, и если мы только сможем найти свой дом в этом большом мире, мы обнаружим, что этот большой дом полон тех, кого мы любили и кто любил нас. В жизни нет шанса; несколькими годами больше, несколькими годами меньше - все это в дальнейшем будет казаться нам сущим пустяком.

Жизнь.

Я полностью принимаю настоящую смерть (моего ребенка), я знаю, что последую за ней и умру такой же реальной смертью, и через ту же самую настоящую смерть я верю, что дух Христа будет моим проводником и помощником, и приведет меня к лучшей жизни, и снова объединит меня с теми, кого я любила, и кого я люблю до сих пор, и с теми, кто любил меня и любит до сих пор. Бог не дает несовершенных даров, и Он дал мне жизнь, но жизнь на земле несовершенна. Он дал мне любовь, но любовь на земле несовершенна. Я верю, я должен верить в совершенство, и поэтому я верю в совершенную жизнь и в совершенную любовь. 'Hier stehe ich, ich kann nicht anders—Gott helfe mich Amen.'

СР.

Это кажется трудным, это кажется таким непонятным, настолько выше нас, что мы вообще ничего не должны знать о том, что нас ждет, — что мы должны быть так полностью разлучены на какое-то время с теми, кого мы любим. Откуда все эти ограничения? откуда в нас все те желания, которые не могут быть удовлетворены? Ограничения преподают нам один урок: мы находимся в руках Высшей Силы. Какими бы прекрасными ни были наше тело и наши чувства, они - тюрьма и цепи, и они не могут быть предназначены ни для чего другого.

СР.

О том, что должно произойти, что уготовано нам, мы ничего не знаем; и чем больше мы это знаем, тем больше и крепче наша вера. Это должно быть правильно, это не может быть неправильно. Почему прошлое часто было таким прекрасным? Потому что все стремится к красоте, к совершенству, а высшая точка совершенства - это любовь. Здесь мы далеки от этого, но все несчастья этой жизни, или, по крайней мере, многие из них, исчезли бы перед любовью. Жизнь кажется наиболее неестественной в так называемых наиболее высокоразвитых странах — там борьба за жизнь самая ожесточенная. Покой и любовь кажутся невозможными, и все же это то, к чему мы стремимся, и это может быть даровано нам в будущем.

СР.

Как получается, что мы так мало знаем о жизни после смерти? что мы с трудом можем представить себе что-либо, не чувствуя, что все это человеческая поэзия? Мы должны верить в лучшее, но ни во что определенное, ни во что, что можно описать. То же самое и с Богом, мы должны верить в лучшее, во что можем верить, и все же все земное, человеческое, слабое. Мы

здесь в мрачной тюрьме; давайте верить, что за ее пределами нет тьмы, а есть свет — но какой свет, кто знает?

СР.

Подождите, подождите, не спрашивайте. Дети каждый год спрашивают, что принесет им младенец Христос, но им не говорят, они ждут в темной комнате. Каждый год они ожидают чего-то совершенно нового, но это всегда одна и та же старая рождественская елка, с ее огнями, цветами и всем остальным. И почему это должно быть так по-другому, когда открывается дверь, и мы выходим из этой темной жизни в светлую комнату? Почему все должно быть по-другому? Мы входили в эту темную комнату здесь, на земле, и как часто нам казалось, что она очень светлая и очень теплая. Мы войдем в другую комнату, и она будет светлее, теплее, чище, совершеннее.

СР.

Что такое прошлое, настоящее, будущее? Разве это не одно и то же? только прошлое и будущее где-то там, где в настоящее время мы не можем быть. Подождите немного, и вечное займет место настоящего, и у нас снова будет прошлое, ибо прошлое еще не потеряно. Ничто не потеряно - но это ожидание иногда бывает очень тяжелым, и эта тоска очень тяжела. Друзья разъезжаются со всех сторон, это кажется другим миром, но все же есть работа, которую нужно делать, и есть многое, что можно любить.

СР.

Если бессмертие означает не более чем продолжение существования, если под верой в бессмертие со стороны евреев подразумевается не более чем то, что евреи не верили в уничтожение души в момент смерти, мы можем с уверенностью утверждать, что для основной массы еврейской нации сама идея уничтожения была еще незнакома. Дело в том, что идея абсолютного уничтожения и небытия вряд ли когда-либо встречается, за исключением людей, чей ум получил некоторое философское образование, определенно большее, чем то, которым обладали евреи в ранние времена. Евреи не верили в полное уничтожение души, но, с другой стороны, их представление о жизни после смерти вряд ли соответствовало представлению о жизни вообще. Это было существование без жизни. Смерть рассматривалась ими, как и греками, как величайшее из несчастий. Радоваться смерти - это чисто христианская, а не иудейская идея. Хотя евреи верили, что души продолжали существовать в Шеоле, они не верили, что злые будут там наказаны, а добрые вознаграждены. Все награды и наказания за добродетель или порок были ограничены этим миром, и долгая жизнь считалась верным доказательством благосклонности Иеговы. Именно еврейское представление о Боге, бесконечно удаленном от этого мира, делало для них веру в истинное бессмертие почти невозможной и исключало всякую надежду на более близкое приближение к Богу или на какую-либо долю в том истинном бессмертии, которое принадлежало Ему и только Ему.

Гиффордские лекции, III.

Наши ангелы живут на небесах, а не на земле. Мы распознаем ангельское в человеке, даже в тех, кого любим больше всего, только тогда, когда больше не можем их видеть. Тогда они ближе к нам, чем когда-либо, мы любим их больше, чем когда-либо. Счастливы те, у кого на небесах есть такие ангелы, которые уводят наши сердца от земли и наполняют их тоской по нашему

истинному дому. Они облегчают бремя жизни, они придают тихий, нежный оттенок радостям жизни и учат нас любить тех, кто остался у нас на земле, пусть всего на несколько дней или лет, любовью, которой мы никогда раньше не знали, любовью, которая все переносит, всему верит и с радостью все прощает.

СР.

Жизнь вечная. Почему мы так редко сталкиваемся с великой проблемой? Для меня главной причиной была убежденность в том, что мы ничего не можем *знать*, что мы должны ждать и доверять, делать свою работу на текущий день и верить, что с нами ничего не может случиться, если этого не пожелает Бог. Знайте, где возможно знание; верьте, доверяйте там, где возможна только вера.

СР.

Я знаю, что мы встретимся снова, ибо Бог не разрушает то, что Он создал, и души не встречаются случайно. Эта жизнь полна загадок, но у божественных загадок есть божественное решение.

Жизнь.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Хотя мы не можем познать конечные вещи такими, какие они есть сами по себе, мы, во всяком случае, знаем, что они есть. И это относится также к нашему восприятию Бесконечного. Мы не знаем с помощью наших органов чувств, что это такое, но мы знаем с помощью самих наших органов чувств, что это есть. Мы чувствуем давление Бесконечного на Конечное, и если бы у нас не было этого чувства, у нас не было бы истинного и надежного основания для того, во что мы впоследствии можем верить о Бесконечном. Некоторые критики настаивали на том, что я называю Бесконечным ... является только Неопределенным. Конечно, это так.... Мы можем знать Бесконечное только как Неопределенное или как частично определенное. Мы пытаемся дать ему определение и познавать его все больше и больше, но никогда не заканчиваем его. Вся история религии представляет собой непрерывный прогресс человеческого определения Бесконечного, но как бы далеко это определение ни продвинулось, оно никогда не исчерпает Бесконечное. Если бы мы могли дать определение всему этому, оно перестало бы быть Бесконечным, оно перестало бы быть Неизвестным, оно перестало бы быть Непостижимым или Божественным.

Чипсы.

То, что мы ощущаем под давлением всех наших органов чувств, - это давление Бесконечности. Наши чувства, если можно так выразиться, не ощущают ничего, кроме Бесконечного, и в этой полноте они постигают Конечное. Постичь Конечное - то же самое, что определить Бесконечное.

Чипсы.

Мы воспринимаем первобытного дикаря только с его пятью чувствами. Эти пять чувств дают ему знание о конечных вещах; проблема в том, как такое существо вообще приходит к мысли или словам о чем-либо не конечном, а бесконечном. Именно его чувства дают ему первое впечатление о бесконечных вещах и вынуждают его признать бесконечное. Все, чего его чувства не могут постичь до предела, является для первобытного дикаря или для любого человека на ранней стадии интеллектуальной деятельности безграничным. Человек видит до определенной точки, и там его зрение ослабевает. Но именно там, где его зрение ослабевает, на него давит, нравится ему это или нет, восприятие безграничного. Можно сказать, что это не восприятие в обычном смысле этого слова. Не более того, но еще в меньшей степени это простое рассуждение. Постигая бесконечное, мы не считаем, не измеряем, не сравниваем и не называем. Мы не знаем, что это такое, но мы знаем, что это есть, и мы знаем это, потому что мы действительно чувствуем это и соприкасаемся с этим. Если кажется слишком смелым утверждать, что человек действительно видит невидимое, давайте скажем, что он страдает от невидимого, и это невидимое - всего лишь особое название бесконечного. Следовательно, бесконечное, вместо того чтобы быть просто поздней абстракцией, действительно подразумевается в самых ранних проявлениях нашего чувственного познания. Это было правдой с самого начала, но оно еще не было определено или названо. Если бы бесконечное с самого начала не присутствовало в наших чувственных восприятиях, то такое слово, как бесконечное, было бы звуком и ничем иным. Каждому конечному восприятию сопутствует восприятие или сопутствующее чувство или предчувствие бесконечного; с самого первого акта осязания, или слушания, или зрения мы вступаем в контакт не только с видимым, но и в то же время с невидимой вселенной. В этом мы имеем то, без чего никакая религия была бы невозможна, мы имеем в этом восприятии бесконечного корень всего исторического развития религии.

Лекции Хибберта.

Ни одна мысль, ни одно имя никогда не теряются полностью. Когда мы здесь, в этом древнем аббатстве,^[2] построенном на руинах еще более древнего римского храма, ищем название для невидимого, бесконечного, которое окружает нас со всех сторон, неизвестного, истинного "Я" мира и истинного "Я" самих себя — мы тоже, снова чувствуя себя детьми, стоящими на коленях в маленькой темной комнате, вряд ли можем найти лучшее название, чем "Отче наш, иже еси на Небесах".

Лекции Хибберта.

Идея бесконечного, лежащая в основе всей религиозной мысли, не просто развилась разумом из ничего, но и была представлена нам в своей первоначальной форме нашими чувствами. За пределами, позади, под и внутри конечного бесконечное всегда присутствует в наших чувствах. Оно давит на нас, оно окружает нас со всех сторон. То, что мы называем конечным в пространстве и времени, по форме и слову, есть не что иное, как завеса или сеть, которую мы сами набросили на бесконечное. Конечное само по себе, без бесконечного, просто невысказуемо; так же невысказуемо, как бесконечное без конечного. Подобно тому, как разум имеет дело с конечными материалами, поставляемыми нам нашими чувствами, вера, или как нам еще нравится это называть, имеет дело с бесконечным, лежащим в основе конечного. То, что мы

называем чувством, разумом и верой, - это три функции одного и того же воспринимающего "я"; но без чувства и разум, и вера невозможны, по крайней мере, для таких людей, как мы.

Лекции Хибберта.

Предки нашей расы не только верили в божественные силы, более или менее проявляющиеся их чувствами в реках и горах, в небе и солнце, в громе и дожде, но их чувства также подсказали им два наиболее существенных элемента любой религии: концепцию бесконечного и концепцию закона и порядка, открывшуюся им, одну в золотом море за рассветом, другую в ежедневном пути солнца.... Эти две концепции, которые рано или поздно должен усвоить каждый человек, были сначала не более чем импульсом, но их импульсивная сила не успокоилась бы до тех пор, пока они не вдолбили бы в умы отцов нашей расы глубокое и неизгладимое впечатление о том, что "все хорошо", и наполнили их надеждой, и даже больше, чем надеждой, что "все будет хорошо".

Лекции Хибберта.

Истинный религиозный инстинкт или импульс - это восприятие бесконечного.

Лекции Хибберта.

Все объекты, которые мы воспринимаем, а затем постигаем и называем, должны быть ограничены, должны быть отделены от их окружения, должны быть измеримыми и, таким образом, могут стать воспринимаемыми, познаваемыми и поддающимися наименованию.... Следовательно, они конечны по самой своей природе.... Если конечность является необходимой характеристикой нашего обычного знания, то требуется совсем немного размышлений, чтобы понять, что ограничение или конечность, в каком бы смысле мы ее ни использовали, всегда подразумевает нечто запредельное. Нам говорят, что наш разум устроен так, по нашей вине или нет, что мы не можем постичь абсолютный предел. За каждым пределом мы всегда должны считать само собой разумеющимся, что есть что-то еще. Но в чем причина этого? Причина, по которой мы не можем представить себе абсолютный предел, заключается в том, что мы никогда не воспринимаем абсолютный предел; или, другими словами, потому что, воспринимая конечное, мы всегда воспринимаем также бесконечное.... Нет предела, у которого не было бы двух сторон, одна обращена к нам, другая - к тому, что находится за пределами; и именно то, что Находится За Пределами, с самых ранних дней составляло единственную реальную основу всего, что мы называем трансцендентным в нашем перцептивном, а также в нашем концептуальном Знании.

Лекции Гиффорда, И.

Бесконечное было открыто не только за покровом природы, хотя его проявление в физических явлениях, без сомнения, было самым примитивным и плодородным источником мифологических и религиозных идей. Были еще два проявления бесконечного и неизвестного, которыми не следует пренебрегать, если мы хотим получить полное представление о теогоническом процессе, через который должен был пройти человеческий разум с самых ранних дней своего существования. Бесконечное раскрывало себя не только в природе, но также и в человеке, рассматриваемом как объект, и, наконец, в человеке, рассматриваемом как

субъект. Человек, на которого смотрели как на объект, как на живое существо, воспринимался как нечто большее, чем просто часть природы. В человеке было нечто, называемое дыханием, или духом, или душой, или разумом, что воспринималось и в то же время не воспринималось, что находилось за завесой тела и с очень ранних времен считалось, что оно остается свободным от разложения, даже когда болезнь и смерть разрушили тело, в котором оно, казалось, обитало. Ничто не могло заставить даже самого простого крестьянина поверить, что, поскольку он видел своего отца мертвым, а его тело разлагающимся, следовательно, то, что было известно как сам человек, назовите это его душой, или разумом, или личностью, полностью исчезло из существования. Философ может прийти к такой идее, но человек с обычным пониманием, хотя и напуганный видом смерти, скорее был бы склонен верить, что то, что он знал, любил и называл своим отцом или матерью, должно быть где-то, хотя и уже не в теле.... Возможно, было бы преувеличением утверждать, что такая вера была универсальной; но она, безусловно, была и остается очень широко распространенной. Фактически, она составляет очень большую часть религии и религиозного поклонения.

Лекции Гиффорда, II.

Природа, Человек и Самость - вот три великих проявления, в которых бесконечное в той или иной форме было воспринято, и каждое из этих восприятий в своем историческом развитии внесло свой вклад в то, что можно назвать религией.

Лекции Гиффорда, II.

Как и все другие переживания, наш религиозный опыт начинается с чувств. Хотя кажется, что чувства доставляют нам только конечный опыт, можно показать, что многие, если не все, из них включают в себя нечто за пределами Известного, нечто неизвестное, нечто, что я беру на себя смелость назвать бесконечным. Таким образом, человеческий разум был приведен к признанию неопределенных, бесконечных агентов за пределами нашего конечного опыта. Чувства страха, благоговения и любви, возбуждаемые проявлениями некоторых из этих агентов или сил, начали воздействовать на человеческий разум и, таким образом, породили то, что мы называем Естественной религией в ее низшей и простейшей форме — страх, трепет, почитание и любовь к богам.

Лекции Гиффорда, II.

Исторические свидетельства могут показать, что восприятие Бесконечного является единственным элементом, общим для всех религий. Только мы не должны забывать, что, как и любая другая концепция, концепция Бесконечного также должна была пройти через множество фаз в своей исторической эволюции, начиная с простого отрицания конечного и утверждения невидимого Запредельного и заканчивая восприимчивой верой в ту самую реальную Бесконечность, в которой мы живем, движемся и существуем.

Лекции Гиффорда, IV.

ЗНАНИЕ

Урок о том, что у наших знаний есть пределы, - старый урок, но его нужно преподавать снова и снова. Этому учил Будда, этому учил Сократ, и в последний раз этому самым могущественным образом научил Кант. Философию называли знанием о нашем знании; правильнее было бы назвать ее знанием о нашем невежестве или, выражаясь более умеренным языком Канта, знанием пределов нашего знания.

Последние очерки.

Метафизическая истина шире физической истины, и новые открытия физических наблюдателей, если они хотят быть чем-то большим, чем просто случайными истинами, должны найти назначенное им место естественное убежище в незыблемых пределах, очерченных метафизиком.... Только овладев принципами метафизики, изучающий природу может приступить к своей работе в правильном духе, зная горизонт человеческого знания и руководствуясь принципами, неизменными, как полярная звезда.

Последние очерки.

Во всей сфере человеческих знаний нет предмета, который нельзя было бы сделать ясным и умопостигаемым, если мы сами в совершенстве овладели им.

Чипсы.

Мост мыслей и вздохов, пронизывающий всю историю арийского мира, имеет свою первую арку в Ведах, свою последнюю - в "Критике чистого разума" Канта. В Ведах мы наблюдаем первое раскрытие человеческого разума так, как мы не можем наблюдать это нигде больше. Жизнь кажется простой, естественной, детской.... То, что находится под, и над, и за пределами этой жизни, смутно воспринимается и выражается тысячей слов и способов, все это просто заикание, все они стремятся выразить то, что не может быть выражено, но все они полны веры в реальное присутствие Божественного в Природе, Бесконечного в Конечном.... В то время как в Ведах мы можем изучать детство, в "Критике" Канта мы можем изучать совершенную зрелость арийского разума. Он прошел через множество фаз, и каждую из них ... это оставило свой след. Это больше не догматично, больше не скептически, и менее всего это позитивно.... Он стоит перед нами, сознавая свою слабость и свою силу, скромный, но храбрый. Он знает, из чего были сделаны старые кумиры его детства и юности. Он не нарушает их, он только пытается понять их, но он ставит выше них Идеалы Разума — уже не осязаемые — даже не в пределах досягаемости понимания, — а реальные — яркие и небесные звезды, которые направляют нас даже в самую темную ночь.

Последние очерки.

Всякое знание, чтобы быть знанием, должно проходить через два врата, и только через два: врата чувств и врата разума. Религиозное знание также, будь оно истинным или ложным, должно было пройти через эти два врата. Поэтому у этих двух врат мы занимаем свою позицию. Все, что утверждает, что вошло через какие-либо другие врата, называются ли эти врата первобытным откровением или религиозным инстинктом, должно быть отвергнуто как

контрабанда мысли; и все, что утверждает, что вошло через врата разума, не пройдя сначала через врата чувств, в равной степени должно быть отвергнуто как не имеющее достаточного основания, или, по крайней мере, приказано вернуться к первым вратам, чтобы предъявить там свои полные удостоверения.

Лекции Хибберта.

ЯЗЫК

История языка открывает перспективу, от которой почти кружится голова, если пытаешься заглянуть в ее конец, но мерная палочка хронолога кажется мне совершенно неуместной. Те, у кого есть глаза, чтобы видеть, увидят неизмеримую дистанцию между первым историческим появлением языка и реальными зачатками человеческой речи: те, кто не способен видеть, будут колебаться между невероятно большими фигурами буддистов или невероятно маленькими фигурами раввинов, но они никогда не ухватятся за то, что по самой своей природе неопределенно.

Жизнь.

Никакими усилиями понимания, никаким напряжением воображения я не смогу объяснить себе, как язык мог вырасти из всего, чем обладают животные, даже если бы мы предоставили им для этой цели миллионы лет. Если что-то и имеет право называться специфическим отличием, так это язык, в том виде, в каком мы находим его в человеке, и только в человеке. Даже если бы мы удалили название специфического различия из наших философских словарей, я все равно считал бы, что ничто не заслуживает названия человека, кроме того, что способно говорить.

Наука о мышлении.

Каждый язык должен быть выучен, но кто создал язык, который должен был быть выучен? Не имеет большого значения, называем ли мы язык инстинктом, даром, талантом, способностью или свойством человека; несомненно то, что ни язык, ни сила языка, ни условия, при которых только и может существовать язык, не могут быть обнаружены нигде во всем животном царстве, кроме человека.

Наука о мышлении.

Именно христианство первым разрушило барьер между евреем и язычником, между греком и варваром, между белым и черным. *Человечество* - это слово, которое вы напрасно ищете у Платона и Аристотеля; идея человечества как единой семьи, как детей единого Бога - это идея христианского роста; а наука о человечестве и языках человечества - это наука, которая без христианства никогда бы не появилась на свет. Когда людей научили смотреть на всех людей как на братьев, тогда, и только тогда, разнообразие человеческой речи представило себя в глазах вдумчивых наблюдателей проблемой, требующей решения; и с исторической точки зрения не будет преувеличением сказать, что первый день Пятидесятницы знаменует собой настоящее начало науки о языке.

Наука о языке.

И теперь, если мы взглянем с наших родных берегов на безбрежный океан человеческой речи, с его волнами, перекатывающимися от континента к континенту, вздымающимися под свежим бризом утра истории и медленно вздымающимися в нашей собственной, более знойной атмосфере, с парусами, скользящими по его поверхности, и множеством весел, рассекающих его прибой, и радостно развевающимися флагами всех наций, с его скалами и обломками, его штормами и битвами, но при этом безмятежно отражающими все, что находится под ним, над ним и вокруг него; если мы взглянем и прислушаемся к странному звуку, который звучит на его поверхности. звуки проносятся мимо наших ушей непрерывными звуками, это больше не кажется диким шумом, но мы чувствуем себя так, словно находимся внутри какого-то древнего собора и слушаем хор бесчисленных голосов: и чем напряженнее мы вслушиваемся, тем больше диссонансов растворяется в более высоких гармониях, пока, наконец, мы не слышим только один величественный трикорд или могучий унисон, как в конце священной симфонии. Такие видения будут всплывать в кабинете грамматика, и в разгар кропотливых изысканий его сердце внезапно забьется, поскольку он почувствует, как в нем растет убеждение, что люди — братья в самом простом смысле этого слова — дети одного отца, независимо от их страны, языка и веры.

Туранские языки.

ЖИЗНЬ

Можно сказать, что все по—настоящему великие и честные люди живут тремя жизнями: есть одна жизнь, которую видит и принимает весь мир, внешняя жизнь человека; есть вторая жизнь, которую видят самые близкие друзья человека, его домашняя жизнь; и есть третья жизнь, которую видит только сам человек и Тот, кто исследует свое сердце, которую можно назвать внутренней или небесной - жизнь, проводимая в общении с Богом, жизнь устремления, а не самореализации.

Чипсы.

Там, где Платон мог видеть только несовершенства, неудачи основоположников человеческой речи, мы видим, как и везде в человеческой жизни, естественный прогресс от несовершенного к совершенному, непрекращающиеся попытки реализовать идеал и частые победы человеческого разума над неизбежными трудностями этого земного состояния — трудностями, созданными не самим человеком, но, как я твердо верю, подготовленными для него, и не без цели, в виде трудов и задач, высшей Силой и высшей мудростью.

Чипсы.

Наша жизнь не полностью в наших руках — мы должны подчиняться многим вещам, которым мы можем улыбаться в глубине нашего сердца, но которые, тем не менее, необходимы не только для нашего счастья, но и для выполнения нами обязанностей, которые мы призваны выполнять.

Мы должны смотреть на обстоятельства, в которых мы родились и выросли, как на предопределение Высшей Силы, и мы должны научиться идти по пути, который нам указан!

Жизнь.

Трудно всегда быть верным себе, всегда быть тем, кем мы хотим быть, кем, по нашему мнению, мы должны быть. Пока мы чувствуем это, пока мы не отказываемся от идеала нашей жизни, все в порядке. Наши стремления отражают истинную природу нашей души гораздо больше, чем наша повседневная жизнь. Я чувствую так же сильно, как и вы, как далеко я отстал в гонке, которую собирался пробежать, но я честно пытаюсь взбодриться и соответствовать тому, кем, по моему мнению, я должен быть. Давайте продолжать нашу постоянную борьбу со всем мелким, обыденным и эгоистичным, давайте никогда не терять нашу веру в идеальную жизнь, в то, какими мы должны быть, и в то, какими мы станем при постоянной молитве к Богу, и давайте никогда не забывать, насколько мы недостойны всех благословений, которые Бог излил на нас.

Жизнь.

Я чувствую себя вполне благодарным за любое маленькое несчастье; это все равно что заплатить часть большого долга за счастье, которым мы обязаны, хотя это всего лишь ничтожный процент и капитал, которым мы должны быть вечно.

СР.

Я долго думал о своем счастье, о своем достоинстве и безграничной милости Божьей. И тогда я услышала слова внутри себя: "Не бойся". Да, страха не должно быть. Там, где есть страх, нет совершенной любви. Наше счастье здесь - всего лишь предвкушение нашей благословенной жизни после смерти. Мы никогда не должны забывать об этом. Нас позовут, но мы встретимся снова.

СР.

Я начинаю быть весьма благодарен за свое разочарование — мы все хотим покончить с этим, и ничто не помогает так хорошо, как большое разочарование, если мы только ясно видим, Кто его отправил, а затем забываем обо всем остальном.

СР.

Иногда забываешь, что все это - лишь подготовка к тому, что должно произойти после. Но мы никогда не должны забывать об этом, иначе эта жизнь теряет свой истинный смысл и цель. Если мы только знаем, для чего мы живем здесь, мы можем легко выяснить, что стоит иметь в этой жизни, а что нет; мы можем легко обходиться без многих вещей, которые другие, чьи взоры устремлены только на этот мир, считают необходимыми для своего счастья.

СР.

Дух любви и дух истины - это два источника жизни всего нашего существа, или, что то же самое, всей нашей религии. Если мы теряем ту связь, которая удерживает нас и привязывает к высшему миру, наша жизнь становится бесцельной, безрадостной; если она удерживает нас и поддерживает, жизнь становится совершенной, все мелкие заботы исчезают, и мы чувствуем,

что достигаем великой цели так хорошо, как только можем, цели не нашей собственной, не эгоистичной, не своекорыстной, но, в самом прямом смысле этого слова, служения Богу и богоискательства.... Мягкость - это своего рода смесь любви и правдивости, и высшей целью нашей жизни должно быть все больше и больше достигать той истинной мягкости, которая придает такое очарование всей нашей жизни. Есть мягкость в голосе, взгляде, движениях, речи, и все это не что иное, как выражение истинной мягкости сердца.

СР.

Невозможно смотреть на жизнь слишком высоко; самое высокое, что мы принимаем, все еще слишком низко. Это ощущается все больше и больше по мере того, как наша жизнь подходит к концу, и многие вещи, которые когда-то казались важными, оказываются несущественными, в то время как остается лишь несколько вещей, которые будут говорить вечно.

СР.

Я не верю в то, что называется житейской мудростью. Я не думаю, что мир создан для этого — с настоящей верой в высшую жизнь, я верю, что человек может пройти через эту жизнь беспрепятственно. Чего я боюсь, так это компромиссов. В них всегда звучат фальшивые ноты, и фальшивая нота звучит вечно.

СР.

Как мы должны быть благодарны каждую минуту нашего существования Тому, кто дает нам всем обильно наслаждаться. Как мало кто заслужил эту счастливую жизнь, гораздо меньше, чем многие бедные страдальцы, для которых жизнь - бремя и тяжелое и горькое испытание. Но тогда насколько большие требования предъявляются к нам; насколько более священным является долг никогда не мелочиться, никогда не тратить время и силы, никогда не идти на компромисс, но жить во всем, малом и великом, во славу Божью, чтобы Бог всегда присутствовал с нами, и быть готовым следовать Его голосу, и только Его голосу. Научило ли нас наше процветание встречать невзгоды, когда они приходят? Я часто трепещу, но потом вверяю все Богу и говорю: "Смилуйся надо мной, несчастный грешник".

Жизнь.

В этой жизни есть что-то очень ужасное, и неправильно пытаться забыть об этом. Испытания других людей хорошо напоминают нам о том, что может выпасть на нашу долю и что удерживается от нас только любовью нашего Небесного Отца, а не какими-либо нашими собственными заслугами.

СР.

Насколько жизнь отличается от того, что мы думали в молодости, как все вокруг нас сливается воедино, пока мы сами не сливаемся воедино. Каким бессмысленным и тщетным кажется все на земле, и как близко к нам приближается реальность потусторонней жизни. Здесь было много прекрасных дней, но чем больше счастье, тем горше мысль о том, что все это проходит, что от земного счастья ничего не остается, кроме благодарного сердца и веры в Бога, который лучше всех знает, что для нас лучше.

СР.

О! если бы мы могли хотя бы в этой жизни забыть обо всем несущественном, обо всем, что так затрудняет нам распознавание истинного величия и доброты в характере тех, с кем эта жизнь ненадолго сводит нас в соприкосновении! Как много мы теряем, придавая такое значение мелочам, и как редко мы достаточно высокого мнения о том, что важно и надолго!

СР.

Вы должны все больше и больше приучать себя к мысли, что это не наш постоянный город, что все, что мы называем здесь своим, только одолжено, а не дано нам, и что если скорбь о тех, кого мы потеряли, остается прежней, мы все же должны с благодарностью признать перед Богом великое благословение от того, что столько лет наслаждались обществом тех, кого Он дал нам, как родителей, или детей, или друзей. Так легко забываешь счастливые годы, проведенные с теми, кто был нам ближе всего. Даже эти годы счастья, какими бы короткими они ни были, были даны только нам, мы их не заслужили. Я хорошо знаю, что от этой боли расставания нет утешения: рана остается всегда, но человек учится переносить боль и благодарить Бога за то, что Он дал, за прекрасные воспоминания о прошлом и еще более прекрасную надежду на будущее. Если человек одалживал нам что-либо на несколько лет и, наконец, забирает это обратно, он ожидает благодарности, а не гнева; и если у Бога больше терпения к нашим слабостям, чем у людей, все же ропот и жалобы на жизнь, которую Он отмерил нам как лучшую для нас, - это не то, чего Он ожидал от нас. Дух покорности Божьей воле - наше единственное утешение, единственное облегчение в испытаниях, которые Бог возлагает на нас, и с таким духом как самые тяжелые, так и самые легкие жизненные испытания не только переносимы, но и полезны, а благодарность Богу и радость в жизни и смерти остаются безмятежными.

Жизнь.

У могилы человек узнает, что такое жизнь на самом деле — что она не здесь, а в другом месте, — что это изгнание, а там наш дом. По мере того как мы становимся старше, поезд жизни движется все быстрее и быстрее, те, с кем мы путешествовали вместе, переходят от станции к станции, и наша собственная станция тоже скоро будет достигнута.

СР.

Мне кажется таким неблагодарным упускать хотя бы одно мгновение, которое не наполнено радостью и счастьем, а также преданностью Тому, кто дает нам всем этим обильно наслаждаться. Облака придут, они должны прийти, но они никогда не должны быть нашим собственным творением.

Жизнь.

Тени падают все гуще и гуще, но даже в тени хорошо, часто лучше, чем при ярком солнечном свете. А когда наступает вечер, человек устает и готов ко сну! И поэтому для нас все упорядочено, если только мы спокойно приспособимся к этому.

Жизнь.

Пока Бог желает этого, мы должны научиться переносить эту жизнь, но когда Он призывает нас, мы охотно закрываем глаза, ибо знаем, что там для нас лучше, чем здесь. Когда так много тех,

кого мы любили, уходят до нас, мы с радостью следуем за ними; и чем старше мы становимся здесь, тем больше ощущаем, что смерть - это облегчение. И все же мы можем с благодарностью наслаждаться тем, что еще осталось нам на земле, даже если наши сердца больше не цепляются за это, как раньше.

Жизнь.

Наша жизнь здесь - это не наша собственная работа, и мы знаем, что для всех нас так лучше, как есть. Мы должны вынести это, и мы должны это вынести; и чем терпеливее, да, чем радостнее мы приспосабливаемся к этому, тем лучше для нас. Мы должны принимать жизнь такой, какая она есть, как назначенный нам путь, и это должно вести к определенной цели. Кто-то уходит раньше, кто-то позже, но все мы идем одним и тем же путем и все находим одно и то же место отдыха. Нетерпение, уныние, ропот и слезы не помогают нам, ничего не меняют и делают дорогу длиннее, а не короче. Спокойствие, смирение, благодарность и вера помогают нам двигаться вперед и только они позволяют выполнять обязанности, которые все мы, каждый в своей сфере, должны выполнять.... Чем темнее ночь, тем яснее звезды на небе.

Жизнь.

Насколько другой могла бы быть жизнь, если бы в нашем повседневном общении мы думали о наших друзьях, лежащих перед нами на последней клумбе цветов, — насколько иначе мы тогда судили бы и насколько иначе поступали. Тогда все земное забывается, все мелкие недостатки, присущие человеческой природе, исчезают из нашего сознания, и мы видим только то, что было хорошего, бескорыстного и любящего в этой душе, и мы с сожалением думаем о том, сколько еще мы могли бы сделать, чтобы отплатить за эту любовь. Любопытно, насколько мы забываем о смерти, как мало мы думаем о том, что умираем ежедневно и что то, что мы называем жизнью, на самом деле является смертью, а смерть - началом высшей жизни. Такая мысль не должна делать нашу жизнь менее яркой, а скорее даже больше — она должна заставить нас почувствовать, насколько неважны многие вещи, которые мы считаем первостепенно важными: сколько мы могли бы вынести того, что считаем невыносимым, если бы только думали, что завтра нас самих или наших друзей могут забрать, хотя бы на время. Вы должны думать о смерти, должны чувствовать, что то, что вы называете своим собственным, только дано вам взаймы, и что все, что остается в качестве настоящего утешения, - это добрая работа, проделанная в этом коротком путешествии, истинная бескорыстная любовь, проявленная к тем, кого Бог дал нам, поместил рядом с нами не без высокой цели.

Жизнь.

Чем старше мы становимся, тем чудеснее кажется жизнь! Она не только не становится более понятной, но с каждым днем становится все большим чудом. Человек стоит пораженный, и все кажется таким маленьким — малыш может сделать так мало. Не следует слишком много размышлять, когда нет ни малейшего шанса на свет, и все же как естественно, что человек должен размышлять о жизни и смерти, а не о мелочах жизни.

Жизнь.

Если мы только будем твердо придерживаться веры в то, что ничто не происходит иначе, как по воле Бога, мы научимся быть спокойными и сможем вынести все. Чем старше становишься, тем больше убеждаешься, что жизнь здесь - всего лишь долгое заточение, и жаждешь свободы и

более высоких усилий.... Как все мелко и незначительно в этой жизни, когда мы поднимаем глаза выше. Взирая на Господа Вселенной, любая борьба становится легкой. Мы говорим на разных языках, когда думаем о Высшем, но все мы имеем в виду одно и то же.

СР.

Грустно думать обо всем, что было и чего больше нет, и все же в памяти есть нечто гораздо более реальное, чем мы привыкли думать. Все есть, кроме того, чего требуют наши слабые человеческие чувства, и ничто не потеряно, ничто не может быть потеряно, кроме того, что, как мы знаем, однажды исчезнет, но это была только шелуха, а не ядро. Я научился жить с теми, кто был до нас, и они кажутся нам более родными, чем когда они были с нами в теле. И пока у нас есть обязанности, которые мы должны выполнять, пока есть другие, которые полагаются на нас и хотят нас, жизнь может быть прожита на несколько лет дольше, это может быть всего несколько лет.

СР.

Жизнь серьезна! это очень старый урок, и мы никогда не становимся слишком старыми, чтобы усвоить его. "Жизнь - это искусство" - таково учение Гете, и в нем также есть доля истины, если искусство не подразумевает искусственности. Хаксли говорил, что высшая цель жизни - это действие, а не знание. Тут я совершенно не согласен. Сначала знание, затем действие, и что такое лотерея! Самые благие намерения часто терпят неудачу, и то, что сделано сегодня, завтра будет отменено. Однако мы должны продолжать трудиться и делать то, что приносит нам каждый день, и делать это так хорошо, как мы можем, и лучше, если это возможно, чем кто-либо другой.

Жизнь.

Что мы можем назвать своим, если Бог не даровал нам это изо дня в день? И все же так трудно полностью отдаться Ему, во всем довериться Его Любви и Мудрости. Я думал, что смогу сказать: "Да будет воля Твоя", но обнаружил, что не могу: моя собственная воля боролась с Его Волей. Я молился так, как не следует молиться, и все же Он услышал меня. Так трудно не полюбить эту жизнь и все ее счастье, но чем больше мы любим ее, тем больше страдаем, потому что знаем, что должны потерять ее и все это должно пройти.

СР.

Наше представление о жизни становится шире, и рождение и смерть кажутся нам утром и вечером. Человек чувствует, что как было, так будет и впредь, и все, что он может сделать, это стараться извлекать максимум пользы из каждого дня, когда он приходит и уходит.

Жизнь.

То, что раздражает нас в жизни, в конце концов, очень незначительно, если мы всегда помним, с какой целью мы здесь находимся. И даже в самых тяжелых испытаниях человек знает, или должен знать, что все посылается высшей силой и, в конце концов, должно быть в наших наилучших интересах. Это правда, что мы не можем этого понять, но мы можем понять, что Бог правит в мире как в мельчайших, так и в самых крупных событиях, и тот, кто всегда помнит об этом, обретает Божий мир и наслаждается своей жизнью, пока она длится.

Жизнь.

Жизнь может становиться все более странной и ужасной с каждым днем, но чем более странной и ужасной она становится, тем больше она раскрывает нам свой истинный смысл и реальность, а также глубочайшую глубину своей божественности. "И увидел Бог все, что Он сотворил, и вот, это было очень хорошо".

Жизнь.

Наслаждайтесь драгоценными годами, которые Бог добавил к вашей жизни, с постоянной благодарностью, в покое и чистоте души, обращая взор больше к небесному, чем к земному: это дает истинную радость души, если мы *каждое мгновение* вспоминаем о вечном и никогда полностью не теряемся в мелких или даже крупных заботах жизни.

Жизнь.

Если мы живем только на этой земле, если наши мысли ограничены узким горизонтом этой жизни, тогда мы действительно теряем тех, кого смерть забирает у нас. Но именно сама смерть учит нас, что есть Запредельное, мы возвышаемся и видим новый мир, намного превосходящий то, что мы видели раньше. В этом огромном мире мы ведем новую и более масштабную жизнь, жизнь, которая включает в себя тех, кого мы больше не видим на земле, но от кого мы не можем отказаться. Древнеиндийские философы говорили, что никто не может найти истину, чье сердце привязано к своей жене и детям. Без сомнения, совершенная свобода от всех привязанностей сделала бы жизнь и смерть очень легкими. Но разве не может сама любовь, которую мы испытываем к тем, кто принадлежит нам, даже когда их у нас отнимают, осветить наши глаза и заставить нас увидеть истину о том, что благодаря этой самой любви мы принадлежим другому миру, и что из этого мира, как бы мало мы здесь ни знали о нем, любовь не будет исключена. Мы верим в то, чего желаем, — в истину, — но почему мы желаем? Давайте будем самими собой, давайте будем теми, кем нам предназначено быть на земле, и доверимся Тому, Кто сделал нас такими, какие мы есть.

СР.

Да, каждый день добавляется новый тонкий слой новых мыслей, и эти слои формируют текстуру нашего характера. Материалы плывут к нам, но то, как они оседают, во многом зависит от приливов и отливов внутри нас. Мы можем многое сделать, чтобы предотвратить попадание посторонних элементов, а также прикрепить и сохранить те, которые лучше всего служат для создания прочной породы. Но время от времени великая скорбь прорывается через все пласты нашей души — все переворачивается, разбивается вдребезги, искажается. В природе все великое возникает из таких конвульсий — почему мы должны желать новой гладкой поверхности или позволять нашим печалям покрываться ровным осадком повседневной жизни?

СР.

Если мы чувствуем, что эта жизнь может быть только звеном в цепи без начала и без конца, в круге, который имеет свое начало и свой конец везде и нигде, мы учимся переносить это и наслаждаться этим тоже, в новом смысле. То, чего мы достигаем здесь, приобретает новый смысл — оно не исчезнет полностью, ни к добру, ни ко злу. То, что сделано вовремя, делается навсегда — то, что сделано одним, влияет на всех нас. Таким образом, наша любовь тоже не утрачена — то, что любят во времени, любят навсегда. Форма меняется, но то, что меняется, что претерпевает изменения, само остается неизменным. Кажется, что мы любим мимолетные формы жизни, и все же как мы можем по-настоящему любить то, что так неверно? Нет, мы действительно любим то, что есть, было и будет скрыто под мимолетными формами жизни, но само по себе больше, чем эти мимолетные формы, какими бы прекрасными они ни были. Мы тоже любим красивую внешность, как может быть иначе? но мы должны любить ее только как принадлежность к тому, что мы любим, а не как то, что мы любим. Так оно и есть, или, скорее, так должно быть. И все же, пока мы такие, какие мы есть, мы любим цветок, а не незрелое зернышко, и когда этот цветок увядает и увядает, мы скорбим о нем, и нашим единственным утешением является то, что мы тоже увядаем и увядаем. Затем мы следуем за ними, куда бы они ни пошли. Некоторые цветы увядают раньше, некоторые позже, но ни один не забывается полностью.

СР.

Было бы трудно сказать, в какой момент нашей юной жизни начинается настоящая ответственность. Закон устанавливает время, наше собственное сердце не может этого сделать. И все же, несмотря на эту неизвестную вначале величину, впоследствии мы начинаем считаться с самими собой. Почему мы должны протестовать против подобной неизвестной величины до начала нашей жизни на земле? Где бы и когда бы это ни было, мы чувствуем, что сделали себя такими, какие мы есть; разве это не полезный символ веры? Разве это не помогает нам принять решение исправить то, что мы сделали неправильно, и делать все хорошее, что в наших силах, даже если это не приносит плодов, внутри или вовне, в этой жизни? Разрыв сознания не кажется несовместимым с чувством ответственности, если мы знаем путем рассуждений, хотя и не воспоминаний, что то, что мы видим совершенным в себе, должно было быть совершено нами самими. И даже если мы снимаем с себя вопрос об ответственности за первые два—три года нашей жизни на земле, то, конечно, мы существовали в те годы, хотя и не помним об этом, - тогда почему не до нашей жизни на земле?

СР.

Мы должны научиться жить двумя жизнями — этой короткой жизнью здесь, на земле, с ее радостями и печалью, и той истинной жизнью за ее пределами, о которой это лишь фрагмент или прерывание. Когда мы войдем в эту истинную жизнь, мы найдем то, чего не можем найти здесь, мы найдем то, что потеряли здесь. Если бы только так много вещей не казалось таким неправильным, таким неестественным. Смерть маленьких детей раньше своих родителей. Мы любим их больше, потому что знаем, что можем их потерять — это правда, — но все же это тяжелый урок для усвоения.

СР.

Один месяц будет проходить за другим, пока, наконец, это путешествие не закончится, и мы оглядываемся назад, благодарные за множество удовольствий, которые оно нам подарило, благодарные за компанию стольких добрых друзей, которых мы встретили, благодарные также за борьбу, через которую нам пришлось пройти и которая покажется такой незначительной, и так мало стоящей наших слез и страданий, когда все закончится и последняя остановка и место отдыха будут достигнуты в безопасности.

СР.

Любовь

Я не могу отделаться от мысли, что души, к которым мы чувствуем влечение в этой жизни, - это те самые души, которых мы знали и любили в прошлой жизни, и что души, которые отталкивают нас здесь, мы не знаем почему, - это души, заслужившие наше неодобрение, души, от которых мы держались в стороне в прошлой жизни. Но давайте помнить, что если наша любовь - это любовь к тому, что просто феноменально, любовь к телу, доброта сердца, сила и мудрость интеллекта, то наша любовь - это любовь к изменяющимся и преходящим вещам.... Но если наша любовь, во всех ее земных аспектах, была любовью к истинной душе, к тому, что бессмертно и божественно в каждом мужчине и женщине, то эта любовь не может умереть, но снова найдет то, что кажется прекрасным, истинным и достойным любви, как в грядущих мирах, так и в мирах ушедших.... Что мы действительно любим во всем, так это вечного *атмана*, бессмертное "я" и, как мы должны добавить, бессмертного Бога, ибо бессмертное "я" и бессмертный Бог должны быть едины.

Последние эссе.

Мы не должны забывать, что, хотя земная любовь в вульгарном сознании часто низводилась до простой животной страсти, она все еще остается в своем самом чистом смысле высшей тайной нашего существования, самым совершенным благословением и наслаждением на земле и в то же время самым верным залогом нашей более чем человеческой природы. Способность испытывать такую же бескорыстную преданность Божеству, на какую способно человеческое сердце, если оно наполнено любовью к другой человеческой душе, - это то, что вполне можно назвать лучшей религией.

Гиффордские лекции, IV.

Чему следует научиться нынешнему поколению, как молодым, так и пожилым, так это духу и настойчивости в открытии прекрасного, удовольствию и радости от того, что мы делаем это известным, и с благодарными сердцами отдаемся наслаждению этим; одним словом — любви в старом, истинном, вечном значении этого слова. Только сметите пыль самомнения, паутину эгоизма, грязь зависти, и старый тип человечества вскоре появится снова, каким он был, когда он еще мог "охватить миллионы". Любовь к человечеству, истинный источник всего человечества, все еще существует; его никогда нельзя полностью перекрыть. Тот, кто может

погрузиться в этот источник молодости, кто может снова обрести себя, кто может снова стать тем, кем он был от природы, любит прекрасное везде, где он его находит; он понимает удовольствие и энтузиазм в те несколько спокойных часов, которые он может выиграть для себя в шумной, оглушительной спешке времени, в которое мы живем.

Чипсы.

Разве выполнение одной-единственной заповеди Христа "Любите друг друга" не изменило бы весь облик мира и не уничтожило бы тюрьмы и рабочие дома, зависть и раздоры, а также все оплоты дьявола? Прошло почти две тысячи лет, а люди все еще не поняли единственную заповедь Христа: "Любите друг друга"! В этом отношении мы настолько совершенные язычники, насколько это возможно. Нет, этот мир мог бы стать раем на земле, если бы мы только выполняли Божью работу и Божьи заповеди, и так будет и впредь.

Жизнь.

Если мы делаем что-то, потому что считаем это своим долгом, мы обычно терпим неудачу; таков старый закон, который делает из нас рабов. Настоящим источником нашей жизни и нашей жизненной работы должна быть любовь — истинная, глубокая любовь - не любовь к тому или иному человеку или по той или иной причине, но глубокая человеческая любовь, преданность души душе, любовь к Богу, реализованная там, где только она может быть, в любви к тем, кого Он любит. Все остальное слабо, проходит; только эта любовь поддерживает нас, делает жизнь сносной, связывает настоящее с прошлым и будущим и, мы можем верить, нетленна.

Жизнь.

Любовь, которая кажется такой бескорыстной, может стать очень эгоистичной, если мы не будем настороже. Не закрывайте глаза на то, что есть темного в других, но и не заикливайтесь на этом, за исключением тех случаев, когда это помогает сильнее выявить то, что в них есть светлого, прекрасного и бескорыстного. Истинное счастье настоящей любви - это самозабвение и доверие.

Жизнь.

В жизни нет ничего лучше материнской любви, хотя дети часто не осознают этого, пока не становится слишком поздно. Если вы хотите быть по-настоящему счастливы в жизни, любите свою мать всем своим сердцем; это благословение - чувствовать, что вы принадлежите ей и что через нее вы неразрывной цепью связаны с высшим источником нашего бытия.

СР.

Существует ли такая вещь, как Потерянная любовь? Я в это не верю. Ничто истинное и великое никогда не теряется на земле, хотя его осуществление может быть отложено после этой короткой жизни.... Любовь вечна, и тем более вечна, если она не находит своего воплощения на земле. Если однажды мы узнаем, что наша жизнь в руках Бога и что с нами ничего не может случиться без Его Воли, мы будем благодарны за испытания, которые Он посылает нам. Есть ли кто-нибудь, кто любит нас больше, чем Бог? кто-нибудь, кто лучше Бога знает, что для нашего истинного блага? Иногда может показаться, что наше маленькое искусственное и сложное общество находится вне Его контроля, но если мы так думаем, то это наша собственная вина, и мы должны страдать за это. Мы обвиняем наших друзей, мы не доверяем самим себе, и все это

потому, что наши дикие сердца не хотят быть спокойными в той узкой клетке, в которой их приходится держать, чтобы предотвратить беду.

Жизнь.

Проходит ли любовь (со смертью)? Я не могу в это поверить. Бог создал нас такими, какие мы есть, многими, а не одним. Христос умер за всех нас в отдельности и за таких, какие мы есть, — существ, неполноценных самих по себе и совершенных только через любовь к Богу, с одной стороны, и через любовь к человеку - с другой. Мы хотим обоих видов любви для самого нашего существования, и поэтому в более высоком и лучшем существовании любовь к родственным душам вполне может существовать вместе с нашей любовью к Богу. Нам не нужно меньше любить тех, кого мы любим больше всего на земле, на небесах, хотя мы можем любить всех больше, чем на земле. В конце концов, любовь кажется всего лишь устранением тех неестественных барьеров, которые отделяют нас от наших ближних, — это всего лишь восстановление того союза, который всецело связывает нас в Боге и который был нарушен на земле неизвестно каким образом. Только во Христе этот союз был сохранен, ибо Он любил всех нас любовью более теплой, чем любовь мужа к своей жене или матери к своему ребенку. Он отдал Свою жизнь за нас, и если мы спросим себя, то вряд ли найдется муж или мать, которые действительно приняли бы смерть за свою жену или ее ребенка. Таким образом, мы видим, что даже то, что кажется нам самой совершенной любовью, еще очень далеко от совершенства любви, которая изгоняет все "я" и все эгоистичное, и мы должны стараться любить больше, а не меньше, и верить, что то, что несовершенно здесь, предназначено не для уничтожения, а для того, чтобы стать совершенным в будущем. С Богом нет ничего несовершенного; без Него все несовершенно. Мы должны жить и любить в Боге, и тогда нам не нужно бояться: хотя наша жизнь кажется неровной и мимолетной, мы знаем, что в Боге для нас есть дом и покой от всех наших бед во Христе.

Жизнь.

Давайте держаться вместе, пока длится жизнь. Рука об руку мы можем достичь большего, чем каждый в одиночку. Мы гораздо меньше боимся, когда мы вдвоем. Главное условие всякой духовной дружбы - совершенная откровенность. Нет лучшего доказательства истинной дружбы, чем искренний упрек, когда такой упрек необходим. Мы заняты одним великим делом, и в этом сознании все малое обязательно должно исчезнуть.

Жизнь.

Почему мы так сильно любим? Разве на это тоже не Божья воля? И если да, то почему эта любовь должна когда-либо прекращаться? Кем бы мы были без нее? Я не могу поверить, что мы должны отказаться от этой любви, что мы должны потерять тех, кого нам было дано любить. Любовь может очищаться, может становиться все более и более бескорыстной, может сильно отличаться от того, что было на земле, но сочувствие, совместное страдание и радость лежат очень глубоко в корне всего бытия — если бы оно когда-нибудь прекратилось, само наше бытие тоже могло бы прекратиться. Мы не можем не любить, любить все больше и больше, лучше и лучше. Таким образом, жизнь снова становится ярче и мы чувствуем, что не потеряли тех, кого забрали у нас ненадолго. Мы любим их все больше, все лучше.

СР.

Какие мы эгоистичные даже в нашей любви. Здесь мы живем недолго и знаем, что рано или поздно нам придется расстаться. Мы хотим уйти первыми и оставить позади тех, кого мы любим, и мы скорбим из-за того, что они ушли первыми и оставили нас позади. Как только начинаешь смотреть за пределы этой жизни, она кажется такой короткой, хотя было время, когда она казалась бесконечной.

СР.

Прошное принадлежит нам, и там у нас есть все, кто любил нас, и кого мы любим так же сильно, как всегда, да, даже больше, чем когда-либо.

СР.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Земля была непонятна древним, потому что на нее смотрели как на одинокое существо, не имеющее себе равных во всей вселенной; но она приобрела новое и истинное значение, как только предстала перед глазами человека как одна из многих планет, все они управляются одними и теми же законами и все вращаются вокруг одного центра. То же самое и с человеческой душой, и ее природа предстает перед нашим умом в совершенно ином свете с тех пор, как человека научили знать и чувствовать себя членом великой семьи — одной из мириад блуждающих звезд, которые все управляются одними и теми же законами, и все вращаются вокруг одного центра, и все черпают свой свет из одного источника. "Всеобщая история" открыла новые пути мысли и обогатила наш язык словом, которое никогда не сходило с уст Сократа, или Платона, или Аристотеля, — *Человечество*. Там, где грек видел варваров, мы видим братьев; там, где грек видел нации, мы видим человечество, трудящееся и страдающее, разделенное океанами, разделенное языком, и раздираемое национальной враждой, — но все же постоянно стремящееся под божественным контролем к осуществлению той непостижимой цели, ради которой был создан мир и помещен в него человек, носящий образ Божий. Таким образом, история с ее пыльными и истлевающими страницами является для нас таким же священным томом, как и книга природы. В обоих мы читаем или пытаемся прочесть отражение законов и мыслей Божественной Мудрости. Мы верим, что ни в истории, ни в природе нет ничего иррационального и что человеческий разум призван читать и благоговеть перед обоими проявлениями Божественной Силы.

Чипсы.

Существуют две антагонистические школы— одна верит в нисходящее, другая - в восходящее развитие человеческой расы; одна утверждает, что история человеческого разума неизбежно начинается с состояния чистоты и простоты, которое постепенно уступает место разложению, извращенности и дикости; другая утверждает, что первые человеческие существа не могли быть более чем на ступень выше животных и что вся их история - это история продвижения к высшему совершенству. Что касается истоков религии, единая школа придерживается примитивного подозрения в чем—то запредельном - назовите это сверхъестественным, трансцендентным, бесконечным или божественным. Оно рассматривает молчаливое хождение

по этому мосту жизни с устремленными ввысь глазами как более совершенную реализацию примитивной религии, чем пение ведических гимнов, приношение еврейских жертвоприношений или самые сложные вероучения и статьи. Другая начинается с чисто животной и пассивной природы человека и пытается показать, как повторяющиеся впечатления от мира, в котором он жил, привели его к фетишизму и тотемизму, что бы ни означали эти слова, к поклонению предкам, к поклонению природе, деревьям и змеям, горам и рекам, облакам и метеорам, солнцу, луне и звездам, небесному своду и, наконец, к вере в Того, кто обитает на небесах.

Чипсы.

РАЗУМ Или МЫСЛЬ

Везде, где мы можем ясно видеть, мы видим, что то, что мы называем умом и мыслью, состоит в том, что человек обладает способностью не только воспринимать представления подобно животному, но и открывать в них нечто общее. Этот элемент он может исключить и зафиксировать с помощью голосовых знаков; и он может далее классифицировать отдельные презентации в соответствии с теми же общими концепциями и отмечать их теми же голосовыми знаками.

Силезский конский табун.

Язык и мышление идут рука об руку; там, где еще нет слова, еще нет идеи. Мыслительная способность ума имеет свой источник в языке, живет в языке и постоянно развивается в языке.

Силезский конский табун.

Все наши мысли, даже самые абстрактные на первый взгляд, берут свое естественное начало в том, что ежедневно проходит перед нашими органами чувств. *Nihil in fide nisi quod ante fuerit in sensu*. Человек может какое-то время не обращать внимания на эти голоса природы; но они звучат снова и снова, день за днем, ночь за ночью, пока, наконец, к ним не прислушиваются. И если однажды прислушаться к этим голосам, то они раскрывают свой смысл все более и более ясно, и то, что сначала казалось простым восходом солнца, в конце концов становится видимым откровением бесконечного, в то время как заход солнца преобразается в первое видение бессмертия.

Лекции Хибберта.

Поскольку эволюцию природы можно изучать с какой-либо надеждой на успех только по тем продуктам, которые оставила нам природа, эволюция разума также может быть эффективно изучена только по тем продуктам, которые оставил нам сам разум. Эти ментальные продукты в их самой ранней форме всегда воплощаются в языке, и поэтому именно в языке мы должны изучать проблему происхождения и последовательных стадий развития разума.

Наука о мышлении.

Если язык и разум идентичны, или это два названия, или только два аспекта одного и того же, и если мы не можем сомневаться в том, что язык имел историческое начало и представляет собой работу человека, выполнявшуюся на протяжении многих тысячелетий, мы не можем избежать вывода, что до этих тысячелетий было время, когда был заложен первый камень великого храма языка, и до этого времени человек был без языка, а следовательно, и без разума.

Наука о мышлении.

ЧУДЕСА

Если однажды человеческий разум приходит к убеждению, что все должно быть объяснено, или, как иногда выражаются, что во всем есть единообразие, что во всем есть забота и порядок, и что непрерывная цепь причин и следствий удерживает всю вселенную вместе, тогда возникает идея чудесного, и мы, слабые человеческие создания, называем чудом то, что нам непонятно, что не соответствует закону, что, кажется, прорывает цепь причин и следствий. Следовательно, каждое чудо сотворено нами самими и нами же разрушено.

Гиффордовские лекции, III.

Именно из-за психологических особенностей человеческой природы, под вдохновляющим влиянием религиозного энтузиазма, так много истинных знамений и чудес, совершаемых основателями религии, так часто преувеличивались и, несмотря на самые решительные протесты самих этих основателей, превращались в простое жонглерство. Верно, что все это не составляет существенного элемента религии, как мы теперь понимаем религию. Чудеса больше не используются в качестве аргументов в поддержку истинности религиозных доктрин. Чудеса часто называли подспорьем к вере, но они так часто оказывались камнями преткновения для веры, и никто в наши дни не осмелился бы сказать, что истина, которой учит любая религия, должна устоять или пасть в результате определенных потрясающих событий, которые могли произойти, а могли и не произойти, которые могли быть правильно восприняты последователями Будды, Христа или Мухаммеда.

Лекции Гиффорда, II.

Вознесение Нашего Господа следует понимать как возвышенную идею, материализованную на языке детей. Разве реальный факт, произошедший в мире, в котором ничто не может произойти против воли Бога, не лучше любого чуда? Зачем нам пытаться узнать больше, чем мы можем знать, если только мы твердо верим, что бессмертный дух Христа вознесся к Отцу? Только это и есть истинное бессмертие, божественное бессмертие; не воскрешение хрупкого смертного тела, но бессмертие бессмертной божественной души. Именно это возвышение Духа, а не тела, без которого, как сказал святой Павел, наша вера была бы тщетной. Именно Дух оживляет, плоти нет никакой пользы.

Гиффордовские лекции, III.

Для многих честных учеников Христа это будет настоящим дамасским днем, когда само название "чудо" будет вычеркнуто из словаря христианского богословия. Факты остаются точно такими, какие они есть, но Дух истины придаст им более высокий смысл. Для этого требуется не меньше, а больше веры, ибо требуется больше веры, чтобы верить во Христа без помощи чудес, чем с их помощью. Ничто не вызвало столько душевного смятения, столько интеллектуальной нечестности, столько скептицизма, столько неверия, как элемент чуда, навязанный христианству с самых ранних дней. Ничто так не препятствовало миссионерской работе, как попытки сначала убедить людей не верить в свои собственные чудеса, а затем сделать веру в другие чудеса условием их становления христианами. Легко сказать: "Ты не христианин, если не веришь в христианские чудеса". Я надеюсь, что придет время, когда нам скажут: "Вы не христианин, если не можете поверить во Христа без помощи чудес".

Гиффордские лекции, III.

Музыка

Музыка - это язык души, но она не поддается интерпретации. Это что-то означает, но это что-то принадлежит не этому миру смысла и логики, а другому миру, вполне реальному, хотя и неподвластному никакому определению.... Разве в Музыке, и только в Музыке из всех искусств, нет чего-то, что не принадлежит только этой земле?... Откуда берется мелодия? Конечно, не из того, что мы слышим своими внешними ушами и способны имитировать, улучшать или возвышать.... Здесь, если где-либо еще, мы видим золотую лестницу, по которой ангелы спускаются с небес и нашептывают сладостные звуки в уши тех, у кого есть уши, чтобы слышать. Слова не могут быть такими вдохновенными, ибо слова, как мы знаем, земные. Мелодии не от земли, и это верно сказано,

"Услышанные мелодии сладки, но неслыханные еще слаще".

Старый Добрый друг.

Природа

Нет ничего прекраснее, чем быть наедине с природой; человек видит, как Божья воля исполняется в каждом бутоне и листке, которые распускаются и увядают, и учится осознавать, насколько глубоко укоренилась в нем эта жажда природы. Живя с людьми, человек слишком легко отрывается от этого настоящего дома; тогда возникают собственные планы, желания и страхи; тогда мы воображаем, что можем усовершенствовать что-то только для себя, и думаем, что все должно служить нашим собственным целям и удовольствиям, пока влияние природы в жизни или рука Божья не пробудит нас и не предупредит, что мы живем и процветаем не для наслаждения или безмятежного покоя, а для того, чтобы принести плоды в другой жизни.

Жизнь.

Когда человек стоит среди величия природы, со своим собственным мелким ропотом и страданиями, и заглядывает глубоко в эту немую душу, ему многое становится ясно, и он поражается тем ложным представлениям, которые у него сложились об этой жизни. Это всего лишь короткое путешествие, а в путешествии можно обойтись без многих вещей, которые обычно кажутся нам необходимыми. Да, мы можем обойтись в этом мире даже без того, что дороже всего нашему сердцу, если будем знать, что после путешествия, которое нам придется пережить, мы снова найдем тех, кто достиг цели быстрее и легче, чем это сделали мы. Теперь, если бы на жизнь смотрели как на путешествие с целью освежения или развлечения, которым оно не должно быть, нам было бы грустно, если бы нам пришлось пробираться в одиночку; но если мы относимся к этому как к серьезному деловому путешествию, тогда мы знаем, что нам предстоит тяжелая и неприятная работа, и тем больше наслаждаемся прекрасными местами отдыха, которые Божья любовь приготовила для каждого из нас в жизни.

Жизнь.

На заре существования мир был слишком полон чудес, чтобы требовать каких-либо других чудес. Весь мир был чудом и откровением, не было необходимости в каком-то особом раскрытии. В то время небеса, воды, солнце и луна, звезды небесные, ливни и роса, ветры Божьи, огонь и зной, зима и лето, лед и снег, ночи и дни, молнии и облака, земля, горы и возвышенности, зелень на земле, источники, моря и наводнения — все благословляло Господа, восхваляло Его и превозносило во веки веков. Можем ли мы представить себе более мощное откровение? Должны ли мы говорить, что для детей человеческих присоединиться к восхвалению и возвеличиванию Того, Кто явил Себя по-своему во всем великолепии, мудрости и порядке природы, — это просто язычество, политеизм, пантеизм и отвратительное идолопоклонство? Я слышал много богохульств, но ничего более великого, чем это, я не слышал.

Лекции Гиффорда, II.

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Во всей этой темноте и расплывчатости может быть много глубокой мудрости, но я не могу отделаться от мысли, что нет ничего, что нельзя было бы сделать ясным, ярким и простым, и что неясность во всех случаях возникает из-за неряшливого мышления и ленивого письма.

СР.

СТАРОСТЬ

Разделять счастье других людей, проникаться их чувствами, заново проживать жизнь с ними и в них — вот все, что остается пожилым людям. Я полагаю, так и должно было быть, ведь главной целью жизни является преодоление себя во всех смыслах этого слова.

Жизнь.

Это урок, который человек должен усвоить, когда становится старше, научиться быть одному и в то же время чувствовать единство духа со всеми, кого он любит, будь то присутствующие или отсутствующие.

СР.

Вы не можете убежать от старости, приходит ли она медленно или внезапно, но она приходит неожиданно, и вы внезапно чувствуете, что не можете ходить или прыгать, как раньше, и даже мышцы ума не выдерживают нагрузки, как раньше. Что ж, так и должно было быть, и будет приятно начать все сначала с новыми мышцами и взяться за новую работу. Повидав многое в жизни, я все еще думаю, что наибольшее удовлетворение приносит работа: я имею в виду не тяжелую работу, а собственные открытия.

Жизнь.

По мере того, как человек стареет и смотрит вперед скорее со страхом, чем с надеждой на то, что нас еще ждет, он учится все больше и больше ценить неизменное удовольствие вспоминать все яркие и счастливые дни, которые прошли. Они исчезли, но они не потеряны. Всегда присутствующие на нашем призыве и напоминании, они обретают, наконец, живость, какой они едва ли обладали, когда присутствовали, и когда мы, бедные души, трепетали за каждый день, час и минуту, которые уходили и никогда не уходили, и не хотели и не могли этого выносить.

Жизнь.

РЕЛИГИЯ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Бог недалек от каждого из тех, кто ищет Бога, если, возможно, они могут испытывать к Нему чувства. Пусть теологи накапливают том за томом того, что они называют теологией, религия - это очень простая материя, и то, что так просто и в то же время так важно для нас, живое ядро религии, можно найти, я полагаю, почти в каждом вероучении, независимо от того, насколько сильно может отличаться оболочка. И подумайте, что это значит! Это означает, что над, под и за всеми религиями существует одна вечная, одна универсальная религия, религия, к которой принадлежит или может принадлежать каждый человек.

Последние очерки.

Истинная религия, то есть практическая, активная, живая религия, имеет мало или вообще ничего общего с логическими или метафизическими придирками. Практическая религия - это жизнь, это новая жизнь, жизнь в очах Бога, и она проистекает из того, что действительно можно назвать новым рождением.

Последние очерки.

Наши чувства никогда не могут ощутить реальную границу, будь то в самом большом или самом маленьком масштабе: они повсюду представляют нам бесконечное в качестве своего фона, и все, что имеет отношение к религии, возникло из этого бесконечного фона как его конечной и глубочайшей основы.

Силезский конский табун.

Я не могу заставить себя проявлять большой интерес ко всем спорам, которые происходят (1865 г.) в Англиканской церкви.... Несомненно, обсуждаемые вопросы велики и вызывают к нашим сердцам и умам, но дух, с которым они рассматриваются, кажется мне очень незначительным. Как мало людей с обеих сторон создают у вас впечатление, что они пишут лицом к лицу с Богом, а не лицом к лицу с мужчинами и мелкими властью имущими. Неужели это было не так ни в первые века, ни во времена Реформации?

Жизнь.

Мы живем в двух мирах; за видимым стоит невидимое, вокруг конечного - бесконечное, над постижимым - непостижимое. Были люди, которые жили только в этом мире, которые, кажется, никогда не ощущали реального присутствия невидимого: и все же они достигли некоторого величия как правители людей, как поэты, художники, философы и первооткрыватели. Но величайшие из великих совершали свои величайшие дела в моменты самозабвенного экстаза, в единении и приобщении к высшему миру: и когда это было сделано, их безмолвный восторг был таков, что они отшатнулись и не могли поверить, что это их собственное, их очень личное дело, и они приписали славу этого Богу, каким бы именем они ни называли Его в своих различных высказываниях. И в то время как величайшие из великих, таким образом, признавались, что они не только от мира сего, и что их лучшие труды были лишь частично их собственными, те, кого мы почитаем как основателей религий и которые были одновременно философами, поэтами и правителями человечества, ничего не называли своими собственными, но утверждали, что учат только тому, чему научили их отцы, или тому, что далекий голос прошептал им на ухо.... Древние религии были основаны не как храмы или дворцы, они возникли подобно священным рощам на почве человечества, оживленные лучами небесного света. В Индии, Греции, Италии и Германии не сохранилось даже имен самых ранних пророков. И если в других странах формы и черты авторов их религиозной веры и богослужения все еще смутно видны среди облаков легенд и поэзии, то все они, Моисей, а также Зороастр, Конфуций, Будда и Мухаммед, кажется, в один голос провозглашают, что их вера была не новой верой, а верой их отцов, что их мудрость была не их собственной мудростью, но, как всякий хороший и совершенный дар, дана им свыше. Чему мы должны научиться у этих пророков, которые из далеких стран и ушедших эпох все несут одно и то же свидетельство об одной и той же истине? Мы должны усвоить, что, хотя религии могут быть основаны и придавать странные формы рукой человека, религия едина и вечна. С самого первого рассвета, который когда-либо озарял человеческий очаг или согревал человеческое сердце, одно поколение говорило другому, что за рассветом есть мир; и ключевые ноты всех религий — чувство бесконечности, преклонение перед непостижимым, тоска по невидимому — однажды зазвучав, никогда полностью не тонули в странной и дикой музыке религиозных сект и наук. Величайшими пророками мира были те, кто в разное время и разными способами снова и снова провозглашал самыми простыми словами простое кредо отцов: веру в невидимое, благоговение перед непостижимым, благоговейный трепет перед бесконечным или, еще проще, любовь к Богу и единство со Всеобщим Отцом.

Жизнь.

Я попытался прояснить две вещи, которые составляют основу всей религии; во-первых, что мир рационален, что он является результатом мышления, и что только в этом смысле он является творением существа, обладающего разумом, или самим разумом (*Логос*); и, во-вторых, что разум или мысль не могут быть результатом материи, но, напротив, являются *prius* всех вещей.

Силезский конский табун.

Религия - это не философия; но никогда не было и не может быть религии, которая не основывалась бы на философии и не предполагала философских представлений людей. Высшей целью, к которой стремится вся философия, есть и всегда будет оставаться идея Бога, и именно эту идею христианство ухватило в платоническом смысле и наиболее ясно представило нам в своей высшей форме, в Четвертом Евангелии.

Силезский конский табун.

С момента сотворения мира не было ни одной совершенно новой религии. Элементы и корни религии были там, насколько мы можем проследить историю человечества; и история религии показывает нам повсюду последовательность новых комбинаций одних и тех же радикальных элементов. Интуиция Бога, чувство человеческой слабости и зависимости, вера в Божественное правление миром, различие между добром и злом и надежда на лучшую жизнь - вот некоторые из радикальных элементов всех религий. Иногда скрытые, они снова и снова всплывают на поверхность. Часто искаженные, они снова и снова стремятся к своей совершенной форме. Если бы они не были частью первоначального приданого человеческой души, религия оставалась бы невозможной, и языки ангелов были бы для человеческих ушей всего лишь звучащей медью или звенящими кимвалами.

Чипсы.

Читая лекции о происхождении и развитии религии, моей главной целью было показать, что вера в Бога, в бессмертие души и в грядущее возмездие может быть достигнута, и не только может быть, но и была достигнута, только правильным применением человеческого разума, без помощи того, что было названо особым откровением. Делая это, я думал, что просто следую по стопам величайших богословов нашего времени, и что я служу делу истинной религии, показывая с помощью многочисленных исторических свидетельств, собранных из Священных Книг Востока, как то, что Святой Павел, Отцы Церкви, средневековые богословы и некоторые из наиболее образованных современных богословов снова и снова утверждали, самым поразительным образом подтверждается записями всех нехристианских религий, которые в последнее время стали нам доступны. Я не мог бы поверить, что, берясь за эту работу, я подвергнусь нападкам со стороны теологов, которые исповедуют и называют себя христианами, и которые, тем не менее, поддерживают эту худшую из всех ересей, что на протяжении всех прошедших веков и во всех странах мира Бог оставил Себя без свидетельства и открыл Себя только одной расе - евреям Палестины.

Гиффордские лекции, III.

Если есть что-то, что сравнительное изучение религий выставляет в самом ясном свете, так это неизбежный упадок, которому подвергается каждая религия. Может показаться почти прописной истиной, что ни одна религия не может оставаться такой, какой она была при жизни своих основателей и первых апостолов. Однако лишь изредка принимается во внимание, что без постоянного реформирования, *то есть* без постоянного возвращения к истокам, каждая религия — даже самая совершенная, в силу самого своего совершенства, даже больше, чем другие — страдает от соприкосновения с миром, как чистейший воздух страдает от самого факта вдыхания.

Чипсы.

Для каждого человека его собственная религия, если он действительно верит в нее, является чем-то совершенно неотделимым от него самого, чем-то уникальным, что нельзя сравнить ни с чем другим или заменить чем-либо другим. Наша собственная религия в этом отношении чем-то похожа на наш собственный язык. По своей форме он может быть похож на другие языки; по своей сути и по своему отношению к нам он стоит особняком и не допускает равных или соперников.

Чипсы.

Здесь я могу привести три результата, к которым, я полагаю, обязательно приведет сравнительное изучение религии:

1. Мы узнаем, что религии в их наиболее древней форме или в сознании их авторов, как правило, свободны от многих недостатков, которые присущи им в более поздние времена.
2. Мы узнаем, что едва ли найдется хоть одна религия, которая не содержала бы какой-то истины, какой-то важной истины; истины, достаточной для того, чтобы дать возможность тем, кто ищет Господа и стремится к Нему, найти Его в час нужды.
3. Мы научимся лучше, чем когда-либо, ценить то, что мы имеем в нашей собственной религии. Никто, кто не исследовал терпеливо и честно другие религии мира, не может знать, что такое христианство на самом деле, или не может с такой правдивостью и искренностью присоединиться к словам святого Павла: "Я не стыжусь Евангелия Христа".

Чипсы.

Тщательное изучение других религий дает много преимуществ, но величайшее из всех заключается в том, что оно учит нас более истинно ценить то, чем мы обладаем в нашей собственной. Давайте посмотрим, что другие народы имели и все еще имеют вместо религии, давайте исследуем молитвы, богослужение, даже теологию самых высокоразвитых рас, и тогда мы более основательно поймем, какими благословениями удостоены мы, когда нам позволено с первого вздоха жизни вдохнуть чистый воздух страны христианского света и знания. Мы слишком склонны воспринимать величайшие благословения как нечто само собой разумеющееся, и даже религия не является исключением. Мы так мало сделали для обретения нашей религии, мы так мало пострадали во имя истины, что, как бы высоко мы ни ценили наше

собственное христианство, мы никогда не оценим его достаточно высоко, пока не сравним его с религиями остального мира.

Чипсы.

Дух истины - это источник жизни любой религии, и там, где он существует, он должен проявлять себя, он должен умолять, он должен убеждать, он должен убеждать и обращать.

Чипсы.

Подобно тому, как существует способность говорить, независимая от всех исторических форм языка, в человеке существует способность верить, независимая от всех исторических религий. Если мы говорим, что именно религия отличает человека от животного, мы не имеем в виду христианскую и иудейскую религии; мы не имеем в виду какую-либо особую религию; но мы имеем в виду ментальную способность или предрасположенность, которая независимо, нет, вопреки чувству и рассудку, позволяет человеку постигать Бесконечное под разными именами и под разными масками. Без этой способности никакая религия, даже самое низменное поклонение идолам и фетишам, была бы невозможна; и если мы только будем внимательно слушать, мы сможем услышать во всех религиях стенания духа, борьбу за постижение непостижимого, за высказывание невыразимого, стремление к Бесконечному, любовь к Богу.

Наука о религии.

Подобно старому драгоценному металлу, древняя религия, после того как пыль веков будет удалена, проявится во всей своей чистоте и блеске: и образ, который она раскрывает, будет образом Отца, Отца всех народов на земле; и надпись, в которой мы сможем прочесть ее снова, будет, не только на иудейском, но и на языках всех рас мира, Словом Божиим, открытым там, где только оно может быть открыто, — открытым в сердце человека.

Наука о религии.

Если бы мы допустили, что все религии, за исключением христианства и мозаизма, произошли только от тех способностей ума, которые, согласно Пейли, сами по себе достаточны для воплощения в жизнь фундаментальных догматов естественной религии, классификация христианства и иудаизма, с одной стороны, как *богооткровенных*, а других религий как *естественных*, все равно была бы ошибочной по той простой причине, что ни одна религия, хотя и основанная на откровении, никогда не может быть полностью отделена от естественной религии. Догматы естественной религии, хотя сами по себе они никогда не составляли реальной исторической религии, обеспечивают единственную почву, на которой могут стоять даже богооткровенные религии, единственную почву, где они могут пустить корни и из которой они могут получать питание и жизнь.

Наука о религии.

Намерение религии, где бы мы его ни встретили, всегда свято. Какой бы несовершенной, какой бы ребяческой ни была религия, она всегда ставит человеческую душу в присутствие Бога; и каким бы несовершенным и каким бы детским ни было представление о Боге, оно всегда представляет высший идеал совершенства, которого человеческая душа на данный момент

может достичь и постичь. Таким образом, религия ставит человеческую душу перед ее высшим идеалом, она поднимает ее над уровнем обычной добродетели и, наконец, порождает стремление к высшей и лучшей жизни — жизни в свете Божьем.

Наука о религии.

Я полагаю, что большинство из нас рано или поздно в жизни почувствовали, как весь мир — этот порочный мир, как мы его называем, — меняется словно по волшебству, если однажды мы сможем принять решение доверять людям из добрых побуждений, никогда не быть подозрительными, никогда не думать о зле, никогда не считать себя лучше наших соседей. Верьте, что человек правдив и хорош, и, даже если это не так, ваше доверие сделает его правдивым и хорошим. То же самое происходит и с религиями мира. Стоит нам только однажды решиться поискать в них то, что истинно и хорошо, и мы вряд ли снова узнаем наши старые религии. Нет такой религии — а если и есть, я ее не знаю, — которая не говорила бы: "Твори добро, избегай зла". Нет такой, которая не содержала бы того, что рабби Гиллель называл квинтэссенцией всех религий, простого предупреждения: "Будь хорошим, мой мальчик". "Будь хорошим, мой мальчик" может показаться очень коротким катехизисом, но давайте добавим к нему: "Будь хорошим, мой мальчик, ради Бога", и в нем мы находим почти весь Закон и Пророков.

Наука о религии.

Чтобы выбирать между разными богами и разными формами веры, человек должен обладать способностью выбирать инструменты проверки истины и неправды, явной или нет; он должен знать, что определенные фундаментальные принципы не могут отсутствовать ни в одной истинной религии и что существуют доктрины, против которых восстает его рациональное или нравственное сознание как несовместимых с истиной. Короче говоря, должен быть фундамент религии, должна быть прочная скала, прежде чем станет возможным воздвигнуть алтарь, храм или церквушку: и если мы назовем этот фундамент естественной религией, то ясно, что нельзя представить ни одну богооткровенную религию, которая не опиралась бы более или менее прочно на естественную религию.

Наука о религии.

Всеобщее первобытное откровение - это всего лишь другое название естественной религии, и оно не опирается ни на какие авторитеты, кроме спекуляций философов. Тот же класс философов, считая язык слишком удивительным достижением для человеческого разума, настаивал на необходимости признания универсального первобытного языка, открытого непосредственно Богом людям или, скорее, немым существам: в то время как более вдумчивые и благоговейные из Отцов Церкви, а также среди основателей современной философии, указывали, что более созвучно общей деятельности премудрого и всемогущего Творца то, что Он должен был наделить человеческую природу необходимыми условиями речи, вместо того, чтобы предоставлять немым существам готовые грамматики и словари. То же самое относится и к религии. Универсальная первобытная религия, открытая непосредственно Богом человеку или, скорее, толпе атеистов, может показаться нашей человеческой мудрости лучшим решением всех трудностей; но высшая мудрость говорит с нами из реалий истории и учит нас,

если мы только захотим научиться, что "всем нам следует искать Господа, если, быть может, мы сможем нащупать Его и найти Его, хотя Он недалеко от каждого из нас".

Наука о религии.

Я убежден, что изучение древних религий человечества, если его проводить смело, но поученому, осторожно и благоговейно, устраним многие сомнения и трудности, которые полностью обусловлены узостью нашего религиозного кругозора; это расширит наши симпатии, это поднимет наши мысли над мелкими спорами дня и в недалеком будущем пробудит в самом сердце христианства свежий дух и новую жизнь.

Наука о религии.

Ни один судья, если бы перед ним был худший из преступников, не поступил бы с ним так, как большинство историков и теологов обращались с религиями мира. Каждое действие в жизни их основателей, которое показывает, что они были всего лишь людьми, жадно схватывается и судится без пощады; каждое учение, которое не охраняется должным образом, интерпретируется в самом худшем смысле, какой оно только может иметь; каждый акт поклонения, который отличается от нашего собственного способа служения Богу, подвергается насмешкам и презрению. И это делается не случайно, а с определенной целью, более того, с чем-то вроде того искусственного чувства долга, которое побуждает адвоката защиты видеть в своем собственном клиенте только ангела и в истце другой стороны - что угодно, только не ангела. Результатом стала — как и не могло быть иначе — полная судебная ошибка, полное непонимание реального характера и цели древних религий человечества; и, как необходимое следствие, неудача в обнаружении особых черт, которые действительно отличают христианство от всех религий мира и обеспечивают его основателю его собственное особое место в мировой истории, далекое от Зороастра и Будды, от Моисея и Мухаммеда, от Конфуция и Лао-цзы. Неоправданно осуждая все другие религии, мы поставили нашу собственную в положение, которого ее основатель никогда для нее не предназначал; мы вырвали ее из священного контекста мировой истории; мы проигнорировали или намеренно сузили круг времен и различных способов, которыми в прошлые времена Бог обращался к отцам через пророков; и вместо того, чтобы признать христианство пришедшим в свое время и как осуществление надежд и желаний всего мира, мы заставили себя смотреть на его пришествие как на единственное разорванное звено в этом мире. неразрывная цепь, которая по праву называется Божественным управлением миром. Нет, хуже того, есть люди, которые из простого незнания древних религий человечества приняли доктрину, более нехристианскую, чем любая, которую можно было найти на страницах религиозных книг древности, *то есть*, что все народы земли до возникновения христианства были просто изгоями, оставленными и забытыми своим Отцом Небесным, без знания Бога, без надежды на небеса. Если бы сравнительное изучение религий мира привело к такому единственному результату, что оно изгнало бы эту безбожную ересь из сердца каждого христианина и заставило нас снова увидеть во всей мировой истории вечную мудрость и любовь Бога ко всем Его созданиям, это было бы хорошим делом.

Наука о религии.

Вы все еще удивляетесь политеизму или мифологии? Да ведь они неизбежны. Они, если хотите, *сторонники* религии. Но у мира есть свое детство, и когда он был ребенком, он говорил как ребенок, он понимал как ребенок, он думал как ребенок, и в том, что он говорил как ребенок, его

язык был истинным. Вина лежит на нас, если мы настаиваем на том, чтобы принимать язык детей за язык мужчин, если мы пытаемся буквально переводить древний язык на современный, восточную речь на западную, поэзию на прозу.

Наука о религии.

Религия неизбежна, если только мы остаемся при своих чувствах такими, какими мы их действительно находим, а не такими, какими они были определены для нас. Мы не претендуем ни на какие особые способности, ни на какое особое откровение. Единственная способность, на которую мы претендуем, - это восприятие, единственное откровение, на которое мы претендуем, - это история, или, как ее теперь называют, историческая эволюция. Но пусть не думают, что мы находим идею Бесконечного готовой в человеческом разуме с самого начала нашей истории. Все, что мы утверждаем, это то, что зародыш или возможность, то, чего еще нет у этой идеи, скрыта в самых ранних чувственных восприятиях, и что подобно тому, как разум развивается из того, что является конечным, так и вера развивается из того, что с самого начала является бесконечным в восприятии наших чувств.

Лекции Хибберта.

У каждой религии есть свой особый рост, но семя, из которого они прорастают, везде одно и то же. Это семя - восприятие бесконечного, от которого не может убежать никто, кто умышленно не закрывает глаза. С первого всплеска человеческого сознания это восприятие лежит в основе всех других восприятий наших органов чувств, всего нашего воображения, всех наших концепций и каждого аргумента нашего разума. Оно может быть погребено на время под фрагментами нашего конечного знания, но оно всегда там, и, если мы копнем достаточно глубоко, мы всегда найдем это погребенное семя, снабжающее живыми соками волокна и питатели всякой истинной веры.

Лекции Хибберта.

Вместо того, чтобы подходить к религиям мира с предвзятой идеей, что они либо искажены еврейской религией, либо произошли, как и еврейская религия, от некоего совершенного первобытного откровения, изучающие религиоведческую науку увидели, что их долг прежде всего собрать все свидетельства ранней истории религиозной мысли, которые все еще доступны в священных книгах мира, или в мифологии, обычаях, или даже в языках различных рас. Впоследствии они предприняли генеалогическую классификацию всех материалов, которые были собраны до сих пор, и только тогда они подошли к вопросу о происхождении религии в новом духе, пытаюсь выяснить, как могли развиваться корни различных религий, радикальные концепции, которые составляют их основу, и, прежде всего, концепция бесконечного, не принимая как должное ничего, кроме чувственного восприятия, с одной стороны, и мира, которым мы окружены, с другой.

Лекции Хибберта.

Для нас было проведено различие между религией и философией, и, поскольку речь идет о форме и объекте, я не отрицаю, что такое различие может быть полезным. Но когда мы обращаемся к предметам, с которыми связана религия, они являются и всегда были теми самыми предметами, на которых останавливалась философия, более того, из которых философия возникла. Если сама жизнь религии зависит от чувства или восприятия

бесконечного внутри конечного и за пределами конечного, то кто должен определять законность этого чувства или этого восприятия, если не философ? Кто должен определять силы, которыми обладает человек для постижения конечного с помощью своих чувств, для преобразования своим разумом своих единичных и, следовательно, конечных впечатлений в понятия, если не философ? И кому, как не философу, предстоит выяснить, может ли человек претендовать на право утверждать существование бесконечного, несмотря на постоянное противостояние чувства и разума, принимая эти слова в их обычном значении? Мы должны проклинать религию, если отделим ее от философии; мы должны разрушить философию, если отделим ее от религии.

Лекции Хибберта.

Кто, если он честен перед самим собой, мог бы сказать, что религия его зрелости была такой же, как и религия его детства, или религия его старости - такой же, как религия его зрелости? Легко обманывать себя и говорить, что самая совершенная вера - это вера, подобная детской. Нет ничего более истинного, и чем старше мы становимся, тем больше мы учимся понимать мудрость детской веры. Но прежде чем мы сможем усвоить это, мы должны сначала усвоить еще один урок, а именно: отбросить детские привычки. Заходящее солнце излучает то же сияние, что и восходящее; но между ними лежит целый мир, путешествие по всему небу и по всей земле.

Лекции Хибберта.

Я надеюсь, что придет время, когда подземная область человеческой религии будет становиться все более и более доступной ... и что Наука о религии, которая в настоящее время является всего лишь желанием и семенем, со временем станет реализацией, обильной жатвой. Когда наступит время жатвы, когда будут освобождены и восстановлены глубочайшие основы всех религий мира, кто не знает, что эти самые основы могут снова послужить, подобно катакомбам или криптам под нашими старыми соборами, убежищем для тех, кто, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, жаждут чего-то лучшего, более чистого, более древнего и истинного, чем то, что они могут найти в непреложных жертвоприношениях, службах и проповедях тех дней, когда был брошен их жребий на земле; некоторые из тех, кто научился отбрасывать детские мысли, называемые их генеалогиями, легендами, чудесами или оракулами, но которые не могут расстаться с детской верой своего сердца. Каждый верующий может унести с собой в этот тихий склеп то, что он ценит больше всего, свою драгоценную жемчужину: индуист — свое врожденное неверие в этот мир, свою непоколебимую веру в мир иной; буддист — свое восприятие вечного закона, свое подчинение ему, свою мягкость, свое сострадание; мусульманин - если не что иное, то свою трезвость; еврей - свое цепляние в хорошие и злые дни за единого Бога, который любит праведность и чье имя "Я есмь"; христианин - за то, что лучше всего, за то, что есть. если бы те, кто сомневается в этом, только попробовали это - нашу любовь к Богу, называйте Его как хотите, бесконечным, невидимым, бессмертным, отцом, высшим Я, превыше всего, и через все, и во всем, проявляющуюся в нашей любви к человеку, нашей любви к живым, нашей любви к мертвым, нашей живой и неумирающей любви.

Лекции Хибберта.

Если мы видим одни и те же доктрины, иногда даже выраженные одними и теми же словами, Апостолами и теми, кого люди называют лжепророками языческого мира, нам не нужно завидовать им за эти драгоценные жемчужины. Когда две религии говорят одно и то же, это не всегда одно и то же; но даже если это так, не должны ли мы скорее радоваться и стараться из всех сил добавить к тому, что можно назвать небесным приданым рода человеческого, общий запас истины, который, как нам говорят, недалеко от каждого из нас, если только мы нащупаем его и найдем?

Лекции Гиффорда, И.

Религия, рассматриваемая не как сверхъестественная, а как совершенно естественная для человека, приобрела новый смысл и более высокое достоинство, если изучать ее как неотъемлемую часть той исторической эволюции, которая сделала человека тем, кто он есть, и тем, кем он с самого начала должен был быть. Разве это не утешение - знать, что никогда и ни в какой части мира Бог не оставлял Себя без свидетельства, что рука Божья нигде не была вне досягаемости протянутых рук младенцев и грудных младенцев; более того, что именно из этих грубых высказываний, исходящих из уст младенцев и грудных младенцев, то есть дикарей и варваров, со временем была совершена истинная хвала Божья? В том, что мы искали роста и эволюции в истории, а также в природе, нет ничего предосудительного, и это не принесло ущерба ни настоящему, ни прошлому столетию; и если завеса еще лишь немного приподнята над Святой Святых, те, кто придет после нас, усвоят, по крайней мере, один урок: приподнятие завесы, которое должно было быть привилегией священников, больше не рассматривается как святотатство, если на это покушаются честные искатели истины.

Лекции Гиффорда, И.

Религия заключается в восприятии бесконечного в таких проявлениях, которые способны повлиять на моральный облик человека.

Лекции Гиффорда, И.

Ни одно мнение не является истинным просто потому, что его придерживались либо величайшие умы, либо наибольшее количество людей в разные периоды мировой истории. Никто не может потратить годы на изучение религий мира, начиная с низших и заканчивая высшими формами, никто не может наблюдать искренность религиозных устремлений, теплоту религиозных чувств, благородство религиозного поведения среди рас, которые мы склонны называть языческими или дикарскими, не усвоив, по крайней мере, урока смирения. Любой человек, будь то еврей, христианин, мусульманин или брахман, если в нем осталась хоть искра скромности, должен чувствовать, что было бы не чем иным, как чудом, что только его собственная религия во всем совершенна, в то время как религия всех остальных верующих ложна от начала до конца.

Лекции Гиффорда, И.

Чем больше мы изучаем историю религий мира, тем яснее становится, что на самом деле нет религии, которую можно было бы назвать индивидуальной религией, в смысле религии, созданной, так сказать, *de novo*, или, скорее, *ab ovo*, одним-единственным человеком. Это может показаться странным, но на самом деле это совершенно естественно. Религия, как и язык, повсюду является результатом исторического роста, и изобрести совершенно новую

религию было бы такой же безнадежной задачей, как и изобрести совершенно новый язык. Основатели великих исторических религий мира также никогда не претендовали на это исключительное авторство. Напротив, большинство из них самым решительным образом отвергают идею о том, что они пришли либо разрушить, либо построить совершенно новый храм.

Лекции Гиффорда, I.

Весь мир в своей замечательной истории прошел через борьбу за жизнь, борьбу за жизнь вечную; и каждому из нас в своей собственной не менее замечательной истории пришлось пройти через такую же замечательную борьбу: ибо без этого ни одна религия, какими бы ни были ее священные книги, не найдет ни в одном человеческом сердце той почвы, в которой только она может пустить корни и на которой только она может расти и приносить плоды. У каждого из нас должна быть своя собственная бескнижная религия, если священные книги, какими бы они ни были, хотят найти надежное и прочное основание внутри нас самих. Ни один храм не может устоять без этого фундамента, и именно потому, что этим фундаментом так часто пренебрегают, стены храма становятся небезопасными и угрожают обрушиться.

Лекции Гиффорда, I.

Сердце, разум и душа человека одинаковы под любым небом, при всех различных обстоятельствах человеческой жизни; и было бы ужасно поверить, что *какие-либо* человеческие существа были лишены того света, "который освещает *каждого* человека, приходящего в мир". Это тот свет, который освещает каждого человека и который осветил все религии мира, назовите их безбожными или грамотными, человеческими или божественными, естественными или сверхъестественными, который один может рассеять тьму сомнений и страха, охватившую мир. Чего наш век хочет больше всего на свете, так это *Естественной Религии*. Какое бы значение ни придавали различные теологи *Сверхъестественной религии*, история учит нас, что нет ничего более естественного, чем сверхъестественное. Но сверхъестественное всегда должно *накладываться* на естественное. Сверхъестественная религия без естественной религии - это дом, построенный на песке, и когда, как в наши дни, прольется дождь сомнений, хлынут потоки критики, подуют ветры неверия и отчаяния и обрушатся на этот дом, этот дом рухнет, потому что он не был основан на скале бескнижной религии, естественной религии, вечной религии.

Лекции Гиффорда, I.

Каждая религия, являясь достоянием молодых и старых, мудрых и глупых, всегда должна быть своего рода компромиссом, и, протестуя против реальной порчи и деградации, мы должны научиться терпимо относиться к тем, чей язык отличается от нашего собственного, и верить, что, несмотря на плевелы, которые проросли ночью, некоторые зерна пшеницы созреют для сбора урожая в каждом честном сердце.

Лекции Гиффорда, II.

Во всех основах религии мы не лучше и не хуже наших соседей, не мудрее и не неразумнее всех членов этой великой семьи, которых научили осознавать себя детьми одного и того же Отца Небесного.

Лекции Гиффорда, II.

Чему может научить нас изучение естественной религии? Да ведь это учит нас, что религия естественна, реальна, неизбежна, универсальна. Неужели это ничто? Разве это пустяк - знать, что существует твердая скала, на которой основана вся религия, называйте ее естественной или сверхъестественной? Неужели из анналов истории ничего не стоит узнать о том, что Бог не оставил Себя без свидетельства в том, что Он творил добро и даровал нам дождь с небес и плодородные времена года, наполняя наши сердца и сердца всего человечества пищей и радостью?

Лекции Гиффорда, II.

Хотя, с одной стороны, изучение естественной религии учит нас, что многое из того, что мы склонны относить к разряду естественного, принимать как само собой разумеющееся, на самом деле полно смысла, наполнено Богом, на самом деле по-настоящему чудесно, это также открывает нам глаза на другой факт, а именно на то, что многие вещи, которые мы склонны относить к разряду сверхъестественных, на самом деле совершенно естественны, совершенно понятны, более того, неизбежны в развитии каждой религии.

Лекции Гиффорда, II.

Реальные совпадения между всеми религиями мира учат нас, что все религии произрастают на одной почве — в человеческом сердце; что все они стремятся к одним и тем же идеалам и что все они окружены одними и теми же опасностями и трудностями. Многие из того, что представляется нам сверхъестественным в анналах древних религий мира, становится совершенно естественным с этой точки зрения.

Лекции Гиффорда, II.

Для тех, кто не видит трудностей в своей собственной религии, изучение других религий не создаст новых трудностей. Это только поможет им более полно оценить то, чем они уже обладают. Ибо, несмотря на все, что я сказал, чтобы показать, что другие религии также содержат все необходимое для спасения, с моей стороны было бы просто нечестно скрывать свою убежденность в том, что религия, проповедуемая Христом, свободная пока от всех церковных оград и укреплений, является лучшей, чистейшей, истиннейшей религией, которую когда-либо видел мир.

Лекции Гиффорда, II.

Ожидать, что религия когда-либо снова окажется вне досягаемости научного подхода или честной критики, свидетельствует о полном непонимании знамений времени и, в конце концов, было бы не более чем противопоставлением частного суждения частному суждению. Если бы неотъемлемые права на частное суждение, то есть на честность и истину, были более широко признаны, характер религиозных споров сразу изменился бы. Именно ограничение вызывает негодование и, таким образом, озлобляет все дискуссии на религиозные темы.

Гиффордовские лекции, III.

Различие между высшей и низшей формами религии вовсе не является нечестным, на самом деле это единственное честное признание реалий жизни. Если для философского ума религия - это духовная любовь к Богу и радость от его полного осознания духа Божьего внутри себя, какой смысл могут иметь эти слова для миллионов человеческих существ, которые, тем не менее, хотят религии, позитивной, авторитетной или богооткровенной религии, которая учила бы их, что Бог есть и что Его заповедям нужно повиноваться без вопросов?

Гиффордские лекции, III.

Люди спрашивают, чего может добиться всестороннее изучение религий, показывая, что до сих пор ни одна раса не была открыта без какого-либо слова, обозначающего то, что не является видимым, не конечным, не человеческим, для чего-то сверхчеловеческого и божественного. Некоторые теологи заходят даже так далеко, что возмущаются открытием универсальности такой веры. Они стремятся доказать, что человеческий разум сам по себе никогда не смог бы прийти к концепции Бога. Они гораздо охотнее поверили бы, что Бог оставил Себя без свидетелей, чем в то, что вера в нечто высшее, чем Конечное, может зародиться в человеческом сердце из благодарности к Тому, Кто дал нам дождь с небес и плодородные времена года, наполнив наши сердца пищей и радостью.

Гиффордские лекции, III.

Физическая религия, начавшаяся с веры в действующих лиц, стоящих за великими явлениями природы, достигла своей высшей точки, когда привела человеческий разум к вере в единого Верховного Действующего Лица, или Бога, как бы его ни звали. Предполагалось, что этого Бога можно было умолять молитвами и радовать жертвоприношениями. Его называли отцом богов и людей. И все же даже в своем высочайшем представлении он был не более чем тем, кем кардинал Ньюман определил Бога. "Под Высшим Существом я подразумеваю того, - писал он, - кто просто независим, и единственное существо, которое таковым является. Я имею в виду, что он сотворил все вещи из ничего и мог уничтожить их так же легко, как сотворил, и что, как следствие, он отделен от них пропастью и непередаваем во всех своих качествах." Эта пропасть, отделяющая Бога от человека, остается в конце Физической Религии. Это составляет ее неотъемлемую слабость. Но сама эта слабость со временем становится источником силы, ибо из нее проистекает стремление к лучшему. Даже Бог евреев, в Его неприступном величии, хотя Он мог быть почитаем и любим человеком во время Его земной жизни, мог получить, так сказать, лишь временную преданность, ибо "мертвые не могут восхвалять Бога, как и те, кто нисходит во тьму!" Бог был бессмертен, человек смертен; и Физическая Религия не могла перебросить мост через пропасть, разделяющую их двоих. Однако настоящая религия требует большего, чем вера в Бога, она требует также веры в человека и тесных отношений между Богом и человеком, во всяком случае, в будущей жизни. В человеке есть неудержимое желание продолжения существования. Оно проявляется в жизни в том, что мы могли бы назвать самозащитой. Оно проявляется в конце жизни и при приближении смерти, в надежде на бессмертие.

Гиффордские лекции, III.

Пока мы смотрим на историю человечества как на нечто такое, чего могло быть, а могло и не быть, мы не можем удивляться, что изучающий религию предпочитает формировать свое мнение о природе религии и законах ее развития на основе шедевра Фомы Аквинского "Сумма

священного богословия", а не Священных книг Востока. Но когда мы научимся распознавать в истории реализацию рациональной цели, когда мы научимся смотреть на нее как на Божественную Драму в самом прямом смысле этого слова, сюжет, раскрываемый в ней, также должен обрести в глазах философа значение, выходящее далеко за рамки рассуждений даже самых просвещенных и логичных теологов.

Гиффордовские лекции, IV.

Вопрос в том, есть или нет в каждой из священных книг нечто, что могло бы вознести человеческое сердце с этой земли в высший мир, нечто, что могло бы заставить человека почувствовать вездесущность высшей Силы, нечто, что могло бы заставить его уклониться от зла и склониться к добру, нечто, поддерживающее его на коротком жизненном пути с его яркими моментами счастья и долгими часами ужасных страданий.

Предисловие, Священные книги Востока.

Доктором Ньюманом было верно сказано, и наиболее решительно, что ни вера в Бога сама по себе, ни вера в душу сама по себе не составляют религии, и что настоящая религия основана на истинном восприятии отношения души к Богу и Бога к душе.

Гиффордовские лекции, IV.

Можно с уверенностью сказать, что все основатели мировых религий были строителями мостов. Как только было признано существование Запредельного, Небес над землей, Сил над нами и под нами, казалось, что огромная пропасть установилась между тем, что называлось различными именами, земным и небесным, материальным и духовным, феноменальным и ноуменальным, или, что лучше всего, видимым и невидимым миром, и главной целью религии было снова объединить эти два мира, будь то арки надежды и страха или железные цепи логических силлогизмов.

Гиффордовские лекции, IV.

Религию, чтобы быть *настоящей* религией, собственной религией человека, нужно искать, нужно открывать, нужно побеждать. Если она просто передается по наследству или принимается как нечто само собой разумеющееся, часто случается, что в более поздние годы она отпадает, и ее приходится либо отвоевывать, либо заменять другой религией.

Автобиография.

Религия - это рост, который никогда не заканчивается. От низших до высших стадий это рост, не только желаемый и не только данный, но и то и другое вместе. Низшие стадии могут показаться нам очень несовершенными, но они тем более важны. Язык и мифология показывают нам древний путь, по которому человек шел от Природы к Богу.

СР.

Нет урока, который в настоящее время кажется более важным, чем усвоение того, что в каждой религии есть драгоценные зерна; что мы должны проводить в каждой религии широкое различие между существенным и несущественным, между вечным и временным, между

божественным и человеческим, и что, хотя несущественное может занимать много томов, существенное часто можно понять в нескольких словах, но словах, на которых "держатся весь закон и пророки".

Предисловие, Священные книги Востока.

Предполагалось, что религий будет много, как языков. Нам казалось, что один язык для всего человечества был бы намного лучше; но этому не суждено было сбыться. Каждый язык должен был стать школой для каждой расы, талантом, присущим каждой нации. Так же обстоит дело и с религией. Истина есть во всех них, полная истина ни в одной. Пусть каждый лелеет свое, очищает свое и отбрасывает то, что мертво и разлагается. Но отказаться от своей религии - все равно что отказаться от своей жизни. Даже самый низкий дикарь должен сохранить свою старую веру в Бога, когда он обратится в христианство, иначе он потеряет живой и животворящий корень своей веры. Если бы люди только научились искать хорошее во всех религиях, насколько прекраснее мир предстал бы в их глазах. Они копают достаточно усердно, чтобы добыть руду из шахты, они просеивают ее, переплавляют, очищают, а затем сохраняют маленькие кусочки золота, которые они получили со всеми этими хлопотами, забывая о *шлаке* и всяком мусоре. Это то, что мы должны делать как изучающие религию; но мы делаем прямо противоположное — мы обнимаем *скорлупу* и закрываем глаза от сверкающих лучей золота. Евреи и христиане хуже в этом отношении, чем все остальные люди. Возможно, это потому, что их религии более свободны от человеческой нечистоты, чем все другие религии. Но почему это должно делать их слепыми к тому, что действительно хорошо в других религиях, почему это должно ослеплять их настолько, что они смотрят на другие религии как на дело рук дьявола? Сила зла действовала во всех религиях, не исключая и нашу собственную, но сила добра преобладает повсюду. Пока мы этого не узнаем, жизнь и история кажутся невыносимыми. Это не положило бы конец миссионерскому труду, это только сделало бы его в большей степени трудом любви, менее болезненным для тех, кого мы хотим отвоевать, не увести от их Бога, но вернуть к их Богу, Тому, кому они по невежеству поклоняются, и кого мы должны возвещать им, согласно нашему собственному свету, такому, какой он есть, менее темному, чем у них, по многим пунктам, но все же темному, как лучше знают те, кто, подобно Святому Павлу, из всех сил старался смотреть сквозь стекло нашего собственного слабого человеческого разума.

СР.

Если бы люди только научились видеть, что действительно существует религия, превосходящая все религии, что у каждого человека должна быть своя собственная религия, которую он завоевал для себя, и что мы должны научиться терпимо относиться к религии, где бы мы ее ни находили! Христианство было бы совершенной религией, если бы оно не выходило за рамки простых слов Христа, и если бы даже в этих словах мы полностью учитывали время, место и обстоятельства, в которых они были произнесены, то есть если бы мы просто следовали за Христом туда, куда Он хочет, чтобы мы следовали за Ним. Мы во многом ушли далеко за пределы тех времен и обстоятельств, но в самом существенном мы все еще далеко отстаем от учения Христа. Как много называющих себя христианами людей, которые понятия не имеют, как трудно быть христианином, последователем Христа! Достаточно легко повторять вероучения и приводить себя в такое состояние ума, когда чудеса кажутся наиболее легкими.

СР.

Долгом апостолов и первых христиан в целом было выступать во имя единственного истинного Бога и доказывать миру, что их Бог не имеет ничего общего с идолами, которым поклонялись в Афинах и Эфесе. Долгом первых обращенных было отказаться от всякой верности своим прежним божествам, и если они не могли сразу заставить себя поверить, что богов, которым они поклонялись, вообще не существовало, они, естественно, склонялись к тому, чтобы приписывать им своего рода демоническую природу и проклинать их как порождение того нового принципа Зла, с которым они познакомились в доктринах ранней Церкви.... Через весь Сент - В трудах Августина и во всех трудах более ранних христианских богословов пронизывает тот же дух враждебности, который ослепляет их по отношению ко всему, что может быть хорошим, истинным и священным, и преувеличивает все плохое, ложное и порочное в древних религиях человечества. Только Апостолы и их непосредственные ученики осмеливаются говорить в ином и, без сомнения, более истинно христианском духе о старых формах богослужения.... Что может быть более убедительным, более могущественным, чем слова святого Павла в Афинах?

Наука о языке.

Те, кто верят, что Бог есть, и что Он сотворил небо и землю, и что Он правит миром Своим непрерывным провидением, не могут поверить, что миллионы человеческих существ, созданных подобно нам по образу Божьему, были во времена своего невежества настолько заброшены, что вся их религия была ложью, все их богослужение - фарсом, вся их жизнь - насмешкой. Честное и независимое изучение религий мира научит нас, что это было не так ... что нет религии, которая не содержала бы в себе крупинки истины. Более того, это научит нас большому; это научит нас видеть в истории древних религий более ясно, чем где-либо еще, *Божественное воспитание человеческой расы.*

Наука о религии.

Божественное, если оно вообще должно открыться нам, лучше всего проявит себя в нашем собственном человеческом облике. Как бы далеко ни было человеческое от Божественного, ничто на земле не ближе к Богу, чем человек, нет ничего на земле более богоподобного, чем человек. И по мере того, как человек растет от детства к старости, идея Божественного должна расти вместе с нами от колыбели до могилы, от благодати к благодати. Религия, которая не способна таким образом расти и жить с нами так, как растем и живем мы, уже мертва. Определенное и неизменное единообразие, столь далекое от того, чтобы быть признаком честности и жизни, всегда является признаком нечестности и смерти. Каждая религия, если она хочет стать связующим звеном между мудрыми и глупыми, старыми и молодыми, должна быть гибкой, должна быть высокой, глубокой и широкой; терпеть все, верить во все, надеяться на все, терпеть все. Чем больше это так, тем больше его жизненная сила, тем больше сила и теплота его объятий.

Лекции Хибберта.

ОТКРОВЕНИЕ

Истинное вдохновение - это и всегда было духом истины внутри, и это всего лишь другое название духа Божьего. Именно истина создает вдохновение, а не вдохновение создает истину. Тот, кто знает, что такое истина, знает также, что такое вдохновение: не только *феопневст*, вдуваемый в душу Богом, но и сам голос Бога, реальное присутствие Бога, единственное присутствие, в котором мы, как человеческие существа, можем когда-либо ощутить Его.

Автобиография.

В идее откровения нет ничего, что исключало бы прогресс, ибо какое бы определение откровения мы ни приняли, оно всегда представляет собой общение между Божественным, с одной стороны, и Человеческим, с другой. Давайте допустим, что Божественный элемент в откровении, то есть любая доля истины, содержащаяся в откровении, неизменна, однако человеческий элемент, получатель, всегда должен быть подвержен случайностям и немощам человеческой природы. Этот человеческий элемент никогда не может быть устранен ни в одной религии.... Игнорировать этот человеческий элемент во всех религиях - все равно что игнорировать глаз как получателя и определителя цветов света. Мы знаем о солнце больше, чем наши предки, хотя над ними светило то же самое солнце, что и над нами; и если астрономия извлекла пользу из своих телескопов, ... теология также не должна презирать все, что может усилить дальновидность человеческого разума в его стремлении обрести более истинное представление о Божественном. Завеса останется навсегда. Но, как и в любом другом стремлении, так и в религии, мы хотим все меньше и меньше тьмы, все больше и больше света; мы хотим, называйте это жизнью, или ростом, или развитием, или прогрессом; мы не хотим простого покоя, простого застоя, простой смерти.

Лекции Гиффорда, И.

Именно ощущение непреодолимой истины привело к принятию откровения. Но хотя вначале истина стала откровением, вскоре случилось так, что откровение должно было стать истиной. Когда мы видим, что это происходит во всех частях света, когда мы можем наблюдать психологический прогресс, который самым естественным образом приводит к вере в сверхъестественное вдохновение, вряд ли кто-то скажет, что историческое изучение религии может быть полезным для антиквара, но не может помочь нам решить животрепещущие вопросы дня.

Лекции Гиффорда, И.

Я верю только в одно откровение — откровение внутри нас, которое намного лучше любых откровений, приходящих извне. Почему мы должны искать Бога и слушать Его голос только вне нас, а не внутри нас? Где находится храм Божий или истинное царство Божье?

Жизнь.

Есть христианские мистики, которые не стали бы ставить внутреннее откровение или голос Бога в сердце настолько ниже внешнего откровения. Для тех, кто знает о присутствии Бога в сердце,

это откровение гораздо более реально, чем может быть любое другое. Они придерживаются того же мнения, что и Святой Павел, что человек в полном смысле слова является храмом Божиим и что Дух Божий обитает в нем, более того, они идут еще дальше, и как христиане, и как мистики они цепляются за веру в то, что все люди едины в Отце и Сыне, как Отец в Сыне, а Сын в Отце. В их сознании нет конфликта между христианской доктриной и мистической доктриной. Они одно и то же по характеру: одно передано через Христа на земле, другое передано через пребывающего в нас духа Божьего, который, опять же, есть Христос, рожденный внутри нас. Евангелие от Святого Иоанна полно отрывков, за которые цепляется христианский мистик и которыми он оправдывает свою веру в пребывающий в нем дух Божий, или, как он также называет это, рождение Христа в человеческой душе.

Лекции Гиффорда, II.

Я не могу связать какой-либо смысл с первобытным откровением или с изначальным знанием Бога. Познание Бога, безусловно, во все времена невозможно; человек может только доверять, он не может знать. Он может чувствовать Бесконечное и Божественное, он никогда не сможет классифицировать их или подчинить их знанию. Мне кажется, вопрос в том, как наше бессознательное отношение к Богу, которое должно быть здесь и никогда не может быть разрушено, постепенно становится все более и более осозанным; и это то, что лучше всего можно научиться понимать в истории различных религий мира — так много открытий, каждое из которых полно страданий и героических подвигов, все направлены к одному Полюсу, каждое должно оцениваться само по себе, ни одно, я полагаю, не заслуживает полного осуждения.

СР.

Предполагать, что каждое слово, каждая буква, каждая притча, каждая фигура были нашептаны авторам Евангелий, безусловно, абсурдно и зависит только от человека ... авторитет. Но истинное откровение, настоящая истина, как это уже было предвидено греческими философами, медленно принимаемая евреями, такими, как Филон и современники Иисуса, которой учили такие люди, как Климент и Ориген в древнегреческой Церкви, и, в конечном счете, реализованная в жизни Иисуса и запечатленная Его смертью, не является абсурдом: для каждого мыслящего христианина это вечная жизнь, или Царство Божье на земле, которое Иисус хотел установить и частично установил. Стать гражданином этого Царства - самое высокое, чего может достичь человек, но это достигается не просто через крещение и конфирмацию; это должно быть достигнуто в серьезном духовном конфликте.

Силезский конский табун.

РИГВЕДА

В Веде единственной из всех известных мне работ говорится о происхождении богосознания, по сравнению с которым Теогония Гесиода подобна изношенному созданию. Мы видим, как она растет медленно и постепенно, со всеми ее противоречиями, внезапными ужасами, изумлениями и триумфами. Как Бог раскрывает Свое Бытие в природе в ее порядке, в ее неуничтожимости, в вечной победе света над тьмой, весны над зимой, вечно

возвращающемся ходе солнца и звезд, так и человек постепенно вычленил из природы Бытие Бога, и после тщетных попыток найти тысячу имен для Бога, мы находим, что в *Веде* уже говорится: "Они называют его Индрой, Митрой, Варуной; затем они называют его Небесным, птицей с прекрасными крыльями; то, что есть Единое, они называют по-разному".... Вера в Бессмертие - это, так сказать, лишь обратная сторона богосознания, и то и другое изначально естественно для арийской расы.

Жизнь.

Естественные науки

Каждая истинная Наука подобна выносливому альпийскому гиду, который ведет нас из узких, хотя, может быть, и более мирных и очаровательных долин наших предвзятых мнений к более высоким точкам, на первый взгляд менее привлекательным, более того, часто разочаровывающим на какое-то время, пока после нескольких часов терпеливого и бесшумного восхождения мы не оглядываемся и не видим вокруг себя новый мир.

Чипсы.

Открылся новый горизонт, наши глаза видят далеко и широко, и по мере того, как мир под нами становится все шире и больше, наши собственные сердца, кажется, становятся все шире и больше, и мы учимся воспринимать далекое и все, что раньше казалось странным и безразличным, с более теплым признанием и более глубоким человеческим сочувствием; мы формируем более широкие концепции, мы постигаем высшие истины.

Чипсы.

То, что естественно, божественно; то, что сверхъестественно, - человеческое.

Лекции Гиффорда, И.

Человек - измеритель всех вещей; и что такое Наука, как не отражение внешнего мира в зеркале разума, становящееся с каждым поколением все более совершенным, все более упорядоченным, все более определенным, все более великим? Пытаться изучать природу, не изучая человека, так же невозможно, как изучать свет, не изучая глаз. Поэтому у меня нет опасений, что границы, на которых основан этот Колледж (Mason Science College), когда-нибудь станут настолько узкими, что исключат науку о человеке и науку о том, что создает человека, науку о языке и, что на самом деле одно и то же, науку о мышлении. И где мы можем изучать науку о мышлении, этот самый замечательный пример развития, как не в языках и литературе прошлого? Как нам воздать должное нашим предкам, кроме как позволив им отстаивать свое дело на их родном языке? Литературная культура может гораздо лучше обойтись без физической науки, чем физическая наука без литературной культуры, хотя нет ничего более удовлетворительного, чем идеальное сочетание того и другого.

Жизнь.

САМОСТЬ

Поскольку за различными богами природы в Индии наконец было открыто одно верховное божество, брахманы воображали, что за различными проявлениями чувств, мыслей и воли они также видят высшую силу, которую они называли Атма, или Самость, и интеллектуальные силы или способности которой были всего лишь внешними проявлениями. Это привело к философии, которая заняла место религии и признала в "я" единственное истинное существо, нерожденный и, следовательно, бессмертный элемент в человеке. Следующий шаг привел к признанию изначальной идентичности субъективного "Я" в человеке и объективного "Я" в природе и, таким образом, с индийской точки зрения, к решению всех загадок мира. Первая заповедь всей философии "Познай самого себя" превратилась в философии Упанишад в "Познай самого себя", или, если перевести это на религиозный язык, "Знай, что мы живем, движемся и существуем в Боге".

Лекции Гиффорда, И.

Смерть ребенка подобна вспышке Божественного ока, быстро отвернувшегося от зеркала этого мира, прежде чем человеческое сознание проснулось и подумало, что узнало себя в зеркале, часто только для того, чтобы на мгновение, когда оно закрывает глаза в последний раз, осознать, что то, что оно приняло за себя, было тенью или отражением его вечного "я".

Жизнь.

Человеку не нужно уходить в пещеру, потому что он нашел свое истинное "Я"; он может жить и действовать, как все остальные; он "живой, но свободный". Все остается точно таким же, за исключением ощущения неизменного, нетленного "я", которое возвышает его над феноменальным "я". Он знает, что на нем одежда, вот и все. Если мужчина этого не видит, если часть его одежды прилипает к нему, как сама его кожа, если он боится потерять свою индивидуальность, не будучи мужчиной вместо женщины, не будучи англичанином вместо немца, не будучи ребенком вместо мужчины, он должен ждать и работать дальше. Добрые дела ведут к спокойствию ума, а спокойствие ума - к истинному самопознанию. Неужели так мало быть только самим Собой, быть субъектом, который может сопротивляться, то есть воспринимать всю вселенную и превращать ее в свой объект? Можем ли мы желать большего, чем мы есть, смотреть на то, что пытается сокрушить нас, называть это силой, или злом, или как угодно еще?

Жизнь.

Впечатление, производимое на меня взглядом ребенка, который еще не осознает себя и окружающий мир, - это впечатление все еще нетронутой благочестивости. Только тогда, когда самосознание просыпается понемногу, через удовольствие или боль, когда дух привыкает к своим телесным покрытиям, когда человек начинает говорить, я и мир, чтобы вещи называть его,

после полного отделения человека от Божественного начала, только после длительной борьбы, что светистинного самосознания рано или поздно пробивается сквозь тучи земными подобиями, и опять же делает нас похожими на маленьких детей, которых есть Царствие Небесное'. В Боге мы живем и движемся и имеем наше бытие, то есть совокупность всей человеческой мудрости, и тот, кто не найдет его здесь, не найдет его в другой жизни. Все остальное, что мы узнаем на земле, будь то история природы или человечества, предназначено только для этой цели, чтобы повсюду показывать нам присутствие Божественного провидения и вести нас через знание истории человеческого духа к познанию самих себя, а через знание законов природы - к пониманию той человеческой природы, которой мы подчиняемся в жизни.

Жизнь.

На мой взгляд, рождение ребенка не является нарушением закона непрерывности, но именно на этом основании я должен признать предыдущее существование "Я", которое здесь рождается ребенком и которое привносит с собой в этот новый порядок вещей просто свое Самосознание и даже эту не развитую, но неразвитую потенцию во сне. Когда впоследствии ребенок пробуждается к самосознанию, это действительно является его воспоминанием о своем прежнем существовании. Помните, что "Я", которое оно осознает, по своей сути принадлежит не только этому миру, но и прошлому, а также будущему миру. Фактически, это составляет единственное отчетливое воспоминание каждого человека о прошлой жизни. Помимо этого, существуют смутные воспоминания о его прежнем существовании, а именно. множество предрасположенностей, которые каждый мыслящий человек обнаруживает в себе и которые не являются просто результатом впечатлений этого мира от так называемой *tabula rasa*. Если мы не начинаем жизнь как *tabula rasa*, мы начинаем ее как *tabula preparata*, как *лейкомата*, и независимо от цвета кожи, предрасположенности, таланта или темперамента, независимо от того, что есть необъяснимого в каждом человеке, он будет воспринимать или, возможно, помнить, как результат преемственности между его настоящей и прошлой жизнью.

СР.

Что же тогда мы называем Смертью? Отделение "Я" от живого тела. Если да, умирает ли тело, потому что "Я" покидает его, или "Я" покидает тело, потому что оно умирает? Какое отношение имеет жизнь к "Я"? Имеет ли "Я", которое какое-то время пребывает в живом теле, какое-то отношение к тому, что мы называем жизнью этого тела? Овладевает ли "Я" телом потому, что оно живет, или тело живет потому, что "Я" овладело им? Трудность возникает из-за нашего расплывчатого представления о *жизни*. Жизнь - это всего лишь способ существования. Существование возможно без того, что мы называем жизнью, а не жизнь без существования. Жить - значит быть способным впитывать, но кто или что способно? "Я" существует, оно разумно, способно к восприятию, воплощаясь. Это восприимчиво, потому что разумно, это концептуально, потому что восприимчиво. Трудность заключается в воплощении. Именно здесь вся философия становится смешной.

СР.

Знание принадлежит только нашему "Я", называйте это как хотите. Нервные волокна могли бы вибрировать так часто, как им заблагорассудится, миллионы и миллионы раз в секунду; они никогда не смогли бы вызвать ощущение красного цвета, если бы не было "Я" как приемника и осветителя, транслятора этих вибраций эфира; этого "Я", которое одно получает, одно озаряет,

одно знает, и о котором мы не можем сказать ничего, кроме того, что оно существует, что оно воспринимает и, как добавляют индийские философы, что оно благословенно, т.е. что оно само по себе завершённое, безмятежное и вечное.

Силезский конский табун.

Ничто вечное не может иметь начала, и не может быть бессмертной жизни после смерти, если наша истинная бессмертная жизнь не была реализована здесь, на земле. Индуистские философы называли тех, кто осознал свое истинное, бессмертное, вечное или божественное "Я", "свободными при жизни".

СР.

ПЕЧАЛЬ И СТРАДАНИЕ

Насколько таинственны все эти страдания, особенно когда они приводят к такой прострации, что должны утратить всю ту возвышающую силу, которую, как известно, во многих случаях проявляет страдание. Иногда кажется, что нужно погасить большой долг страданий, и что некоторые выбирают для того, чтобы заплатить большую, очень большую сумму, чтобы другие могли выйти на свободу. У нас есть свое собственное бремя, которое нужно нести, но это бремя, которое, кажется, облегчает перенос других вещей — оно укрепляет, даже когда кажется, что оно сокрушает. Но как можно вынести эту полную прострацию всех сил, из-за которой смерть должна казаться намного предпочтительнее жизни? И все же жизнь продолжается, и люди заботятся о сотне мелочей, и их сердца разбиваются, если они их не получают.

СР.

Такие испытания, через которые вам пришлось пройти, посланы не без цели, и если вы говорите, что они изменили ваши взгляды на жизнь, то такая перемена в характере, подобном вашему, может быть только предварительной переменной, более твердой верой в те истины, которые открылись тусклому взору человеческой природы, более сильной волей противостоять всякой лжи и искажению истины и более глубоким убеждением в том, что мы обязаны своей жизнью Тому, кто дал ее, и что мы должны сражаться в Его битве, когда Он призывает нас к этому.

СР.

Бог знает, что мы хотим дождя и бури не меньше, чем солнечного света, и Он посылает нам и то, и другое, насколько это соответствует Его любви и мудрости. Когда все рушится, Он поднимает нас. Но когда мы чувствуем себя совершенно раздавленными, покинутыми и одинокими, тогда мы ощущаем реальное присутствие нашего самого верного Друга, который, будь то в радостях или печалих, всегда зовет нас к Себе и ведет нас в тот истинный Дом, где мы найдем Его и в Нем все, что мы любили, вместе с Ним все, во что мы верили, и через Него все, на что мы надеялись и к чему стремились на земле. Наши разбитые сердца - это самый верный залог вечной жизни.

Жизнь.

Мы должны подчиняться, но мы должны чувствовать, что это великое благословение - быть способными подчиняться, быть способными доверять той бесконечной Любви, которая охватывает нас со всех сторон, которая говорит с нами через каждый цветок и каждого червяка, которая всегда показывает нам красоту и совершенство, которая никогда не портит, никогда не разрушает, никогда не расточает, никогда не обманывает, никогда не насмехается.

СР.

В этих испытаниях есть только одна помощь и одно утешение - знать, кем они посланы. Если человек знает, что без Него с нами ничего не может случиться, он не чувствует себя совершенно беспомощным, даже несмотря на величайшие ужасы этой жизни.

СР.

Как мало кто задумывается о том, что многие испытания и невзгоды могут обрушиться на нас в любой день. Человек живет так, как будто жизнь должна длиться вечно, и как будто мы никогда не должны расставаться с теми, кто нам больше всего дорог. Жизнь была бы невыносимой, будь иначе, но как мало человек подготовлен к тому, что такое жизнь на самом деле.

СР.

Почему в этом мире так много страданий? Я не думаю, что это сильно улучшает нас, и все же у этого должна быть своя цель. Все это слишком сложные для нас вопросы — мы подобны детям и даже больше, чем просто детям, когда задумываемся о них. Все, что мы знаем, это то, что там, где мы мельком видим дело рук Божьих, будь то в естественном или нравственном мире, оно настолько удивительно совершенно, настолько превосходит все наши меры, что мы чувствуем себя в безопасности, как на хорошем корабле, каким бы бурным ни было море. Во что бы мы ни верили, на что бы ни надеялись, чего бы ни желали, это будет намного превзойдено той Высшей Волей и Мудростью, которые поддерживают всех, даже нас, маленькие души.

СР.

Жизненные невзгоды неизбежны, но, несмотря ни на что, их трудно переносить. Им было бы еще труднее, если бы мы не понимали, что их цель - напомнить нам, что наша истинная жизнь не здесь, но что мы здесь в плавании, которое может быть спокойным или штормовым, и которое должно научить нас тому, чему должны научиться все моряки, - мужеству, настойчивости, доброте и, в конце концов, полному доверию к Высшей Силе.

СР.

Горе необходимо и полезно для людей; человек учится понимать, что каждая радость должна быть компенсирована страданием, что каждая новая нить, привязывающая наши сердца к этой жизни, должна быть снова разорвана, и чем туже она была завязана, тем острее боль от ее ослабления. Должны ли мы тогда ни к чему не привязывать свои сердца и спокойно и без сочувствия проходить через этот мир, как будто мы не имеем к нему никакого отношения? Мы не

могли и не должны так поступать. Сама природа вяжет первую связь между родителями и детьми, а также новые связи на протяжении всей нашей жизни. Мы здесь не ради награды, наслаждения безмятежным покоем или просто случайно, но для испытания, для улучшения, возможно, для наказания; ибо единственный союз, который может обеспечить счастье людей, союз между нашим "Я" и "Я" Бога, нарушен или, по крайней мере, затемнен нашим рождением, и высшая цель нашей жизни - снова обрести эту связь, всегда осознавать ее и крепко держаться за нее в жизни и в смерти. Это повторное открытие вечного союза между Богом и человеком составляет истинную религию для всех людей.

Жизнь.

Каждый носит в своей душе могилу утраченной надежды, но он прикрывает ее холодным мрамором или зелеными ветками. В печальные дни человеку нравится идти одному в этот Божий уголок души и плакать там, но только для того, чтобы вернуться полным утешения и надежды к тем, кто остался с нами.

Жизнь.

Жизненные невзгоды, как и все остальное, проходят, и чем больше тех, кто ждет нас за их пределами, тем легче расставаться с теми, кого мы оставляем позади.

Жизнь.

Горе - это сладкое воспоминание о том счастье, которое было.

СР.

Передо мной всегда стоит старая загадка: почему у меня... отняли? Человеческое понимание не дает ответа на этот вопрос, и все же я уверен настолько, насколько вообще могу быть уверен в чем-либо, что как бы то ни было, это хорошо, это лучше всего, чего я могу пожелать. Человек чувствует собственное невежество, почему того, что кажется таким правильным и естественным, не должно быть, и все же он знает, что этого не могло быть. Человек прячет голову в объятиях Высшей Силы, друга, Отца и больше, чем Отца. Подождите, и вы узнаете. Работайте, и вы сможете это вынести.

СР.

Люди думают, что горе - это боль, но это не так: горе, погружение в тихие воспоминания о том, что было, но чего больше нет, - это удовольствие, утешение, благословение.

СР.

Те, кто хотел бы утешить нас, попросив забыть наше горе и присоединиться к их счастливым сборищам, не знают, что такое утешение. Сердца, которые пострадали, имеют право на то, что мир может называть горем и печалью, но на самом деле это тихое общение с теми, кого мы любим и кого мы больше не можем найти среди смеха счастливых.

СР.

О чем мы можем молиться? Не об особых дарах, а только о Божьей милости. Мы не знаем, что хорошо для нас и для других. Что стало бы с миром, если бы все наши молитвы были

исполнены? И все же хорошо молиться, то есть жить во всех наших радостях и печалях с Богом, этим неизвестным Богом, с которым мы не можем рассуждать здраво, но которого мы можем любить и доверять. Человеческое страдание, внешнее и внутреннее, безусловно, является большой проблемой, и все же человек знает по собственной жизни, что даже самое тяжелое бремя было благословением. Душа должна быть изрезана бороздами, если она хочет принести плод.

СР.

На что рассчитано все наше счастье? Разве мы не всецело зависим от милости Божьей? Разве не было бы страшно прожить один день, если бы мы не знали, не видели и не ощущали Его Присутствие, Мудрость и Любовь, окружающие нас со всех сторон? Если мы однажды почувствуем это, то даже смерть, даже смерть тех, кого мы любим больше всего и кто любит нас больше всего, во многом утратит свой ужас: это неотъемлемая часть одной великой системы, из которой мы видим здесь лишь малую часть, и которая без смерти, без того моста, от которого мы видим здесь только первую арку, казалась бы простой насмешкой. Вот почему я сказал тебе, что это хорошо, что человеческое искусство не может продлевать нашу жизнь вечно, и в этом чувстве, я думаю, мы оба согласны. Я много чувствовал к тебе, больше, чем хотел сказать. Мы обучены по-разному, но все мы обучены для какой-то благой цели, и страдания, которым вы подверглись, для меня подобны глубокой вспашке, обещанию богатого урожая.

Жизнь.

В этом мире существует большое тайное братство, члены которого легко узнают друг друга без каких-либо видимых внешних признаков. Это банда скорбящих. Членам этого братства не обязательно носить траур; они даже могут радоваться вместе с радостными, и они редко вздыхают или плачут, когда их видят другие. Но они узнают и понимают друг друга, не произнося ни слова, как усталые странники, которые, взбираясь на крутую гору, обгоняют других усталых странников, останавливаются, а затем снова молча идут дальше, зная, что все они надеются увидеть такой же великолепный закат высоко в вышине. На их лицах отражается мягкий лунный свет; когда они говорят, вспоминается шелест листьев букового леса после теплого весеннего ливня, и когда лучи солнца переливаются тысячью цветов на каплях росы и впитывают их с зеленой травы, кажется, что небесный свет проникает сквозь слезы скорбящих, чтобы облегчить их и с любовью смахнуть поцелуями. Почти каждый рано или поздно вступает в это братство, и тех, кто вступает в него рано, можно считать счастливыми, ибо они узнают, пока не стало слишком поздно, что все, что человек называет своим, дано ему лишь на короткое время, и плоть их привязанностей не цепляется так глубоко и прочно за старые стены земного счастья.

Жизнь.

Мы не можем знать, мы не можем назвать Божественное и не можем понять его пути, проявляющиеся в природе и человеческой жизни. Мы спрашиваем, почему должны быть страдания и грех, мы не можем ответить на этот вопрос. Все, что мы можем сказать, это то, что такова воля. Однако некоторую помощь нашему человеческому пониманию может оказать

простое представление о том, какой была бы наша жизнь, если бы нам не была дана сила зла. Мне кажется, что в этом случае у нас, человеческих существ, таких, какие мы есть, никогда не должно было быть представления о том, что подразумевается под добром: мы должны были бы быть подобны птицам в воздухе, счастливее, может быть, но лучше - нет. Или, если бы страдание всегда предназначалось для плохих, мы все стали бы самыми хитрыми ангелами. Часто, когда я сталкиваюсь с трудностью, которая кажется неразрешимой, я провожу этот эксперимент и говорю: давайте посмотрим, что произошло бы, если бы было иначе. Тем не менее, я признаю, что на земле есть некоторые страдания, которые выходят за рамки всякого понимания, которые, кажется, не в состоянии устранить или смягчить даже самая истинная христианская любовь и милосердие. Это может научить нас только одному: тому, что мы слепы и что во тьме ночи мы теряем веру в Рассвет, который прогонит тьму, страх и отчаяние. Многие, без сомнения, могло быть сделано даже тем, что сейчас называется коммунизмом, но то, что раньше называлось христианством. И тогда возникает вопрос, сможет ли мир когда-нибудь снова стать истинно христианским. Я не осмеливаюсь называть себя христианином. За всю свою жизнь я едва ли встречал людей, которые заслуживали бы этого имени. И снова я говорю: давайте делать все, что в наших силах, все время зная, что все наше лучшее - сущий пустяк.

Жизнь.

ДУША

Название бессмертного элемента (в человеке) не было дано человеку как безвозмездный дар. Это должно было быть приобретено, как и имя Бога, в поте лица. Прежде чем человек смог сказать, что он верит в бессмертие своей души, он должен был обнаружить, что в человеке есть душа. Потребовалось такое же большое усилие, чтобы сформировать такое слово, как *анима*, дыхание, и придать ему значение бесконечного в человеке, как сформировать такое слово, как *дива*, яркий, и придать ему значение бесконечного в природе.

Гиффордские лекции, III.

Для нас два слова "тело и душа" настолько знакомы, что кажется почти ребячеством спрашивать, как человек впервые заговорил о теле и душе. Но что он имел в виду под душой? Что мы сами подразумеваем под душой? Подумайте о множестве значений, содержащихся в нашем слове душа. Наша душа может означать живую душу; она может означать душу чувствующую; она может означать вместилище страстей, хороших или плохих; она может означать орган мышления; и, наконец, бессмертный элемент в человеке. Вопрос, который мы должны задать, заключается не в том, как человек пришел к названию души, а в том, как он впервые заговорил о чем-то отличном от тела.

Гиффордские лекции, III.

Открытие души, первые попытки дать душе название повсюду начинались с простейших наблюдений за материальными фактами. Нельзя слишком часто повторять урок о том, что все

богатство наших самых абстрактных и духовных слов происходит от небольшого количества материальных или конкретных терминов.

Гиффордовские лекции, III.

Мы видим, что путь, который привел к открытию души, был указан человеку так же ясно, как и путь, который привел его к открытию богов. Главным образом дыхание, которое почти зримо покидало тело в момент смерти, натолкнуло на название дыхания, а впоследствии на мысль о чем-то дышащем, живом, воспринимающем, желающем, помнящем и думающем внутри нас. Сначала появилось название, название материального дыхания. Отбросив то, что казалось материальным даже в этом воздушном дыхании, осталась первая расплывчатая и воздушная концепция того, что мы называем душой.

Гиффордовские лекции, III.

Поклонение духам усопших, которое в различных формах было так широко распространено в древнем мире, не могло не приучить человеческий разум к мысли, что в человеке есть нечто такое, что заслуживает такого поклонения. Души усопших поднимались все выше и выше, пока, наконец, не достигли высшей ступени, которая существовала в человеческом разуме, а именно ступени божественных существ в древнем смысле этого слова.

Гиффордовские лекции, III.

Проблема объединения невидимого и видимого миров предстала в трех основных аспектах. Первой была проблема творения, или как невидимая Первопричина вообще могла соприкоснуться с видимой материей и придать ей форму и значение. Второй проблемой было отношение между Богом и индивидуальной душой. Третьей проблемой было возвращение души из видимого мира в невидимый, из тюрьмы ее смертного тела на свободу небесного рая. Индивидуальная душа, обитающая в материальном теле, является частью сотворенного мира, и поэтому вопрос о возвращении души к Богу тесно связан с вопросом о ее сотворении Богом или ее эманации из Него.

Лекции Гиффорда, IV.

Когда однажды было открыто изначальное единство земли и неба, человеческой и божественной природы, вопрос о возвращении души к Богу приобретает новый характер. Речь больше не идет о вознесении на небеса, приближении к престолу Божьему, экстатическом видении Бога и жизни в небесном Раю. Видение Бога - это скорее знание о божественном элементе в душе и о единственности божественной и человеческой природы. О бессмертии больше не нужно заявлять, потому что не может быть смерти для того, что является божественным и, следовательно, бессмертным в человеке. Есть вечная жизнь и вечный мир для всех, кто чувствует, что божественный Дух обитает в них, и таким образом стал детьми Божьими.

Лекции Гиффорда, IV.

Несомненно, душе в детстве должно быть трудно привыкнуть к человеческому телу, и проходит много лет, прежде чем она чувствует себя как дома. Затем какое-то время все идет хорошо, и душа едва ли осознает, что она спрятана в чужой одежде, пока тело не начинает слабеть и больше не может выполнять все желания души, и оно давит на нее повсюду, так что душа, кажется, теряет всякую внешнюю свободу и движение. Тогда можно хорошо понять, что мы жаждем уйти, и смерть - это истинное избавление. Бог всегда лучше знает, когда приходит нужное время.

Жизнь.

Давайте вспомним, что мы не знаем, чем была душа до этой жизни — нет, даже чем она была в первые годы нашего детства. И все же мы верим, основываясь на очень достоверных доказательствах, что то, что мы называем нашей душой, существовало с момента нашего рождения. Тогда какие у нас основания сомневаться в том, что это было еще до этого момента? Приписывать душе начало в наш день рождения было бы то же самое, что требовать от нее конца в день нашей смерти, ибо все, что имеет начало, имеет и конец. Если тогда, в отсутствие каких-либо других средств познания, мы можем прибегнуть к аналогии, не можем ли мы сказать, что с душой после смерти будет то же, что было здесь, и что душа после своего земного пребывания воскреснет снова, во многом так же, как она воскресла здесь? Это не силлогизм, это аналогия, а в космосе, подобном нашему, аналогия имеет право претендовать на некоторый вес в отсутствие каких-либо доказательств обратного.

Последние очерки.

Есть вопрос, которым, вероятно, задавалось каждое человеческое сердце: Если допустить, что душа не может без внутреннего противоречия быть смертной, будет ли эта душа самой собой, познает ли она саму себя и будет ли она знать других, которых она знала раньше? Ибо говорят, что следующая жизнь не стоила бы того, чтобы жить, если бы душа не вспомнила о себе, не узнала не только себя, но и тех, кого она знала и любила на земле. Здесь только аналогия может дать какой-то ответ: "Впредь все будет так, как было" - это не аргумент, к которому можно относиться с презрением, при отсутствии каких-либо доказательств обратного. Можно сказать, что наша душа здесь воскресла, не имея никаких воспоминаний о себе и об обстоятельствах своего прежнего существования. Но в нем есть сознание своей вечности, и представление о начале для него так же невозможно, как и представление о конце, и если бы души встретились снова после смерти, как они встретились в этой жизни, как они любили в этой жизни, не зная, что они встречались и любили раньше, была бы следующая жизнь настолько сильно отличной от той, какой была эта жизнь здесь, на земле, — была бы она настолько же совершенно невыносимой и действительно не стоила бы того, чтобы жить?

Последние очерки.

Когда душа однажды достигает такого единения с Богом, более того, когда она живет в постоянном присутствии Бога, зло становится почти невозможным. Мы знаем, что большинство злых дел, к которым склонна человеческая природа, возможны только в темноте. Перед глазами другого человека, особенно любимого существа, они сразу становятся невозможными. Насколько больше в реальном присутствии реального и по-настоящему любимого Бога, ощущаемого истинным мистиком не просто как фраза, а как факт? Пока между ним и Богом нет завесы, злые мысли, злые слова и злые поступки просто невозможны для того, кто ощущает

действительное присутствие Бога. Его больше не беспокоят вопросы, такие как, как был сотворен мир, как зло пришло в мир. Он удовлетворен Божественной Любовью, которая охватывает его душу; у него есть все, чего он может пожелать, вся его жизнь сокрыта через Христа в Боге, смерть поглощена победой, смертный стал бессмертным, ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни грядущее не могут отделить его душу от любви Божьей.

Лекции Гиффорда, IV.

ТЕОСОФИЯ

Это почтенное название (теософия), столь хорошо известное среди раннехристианских мыслителей как выражающее высшую концепцию Бога, доступную человеческому разуму, в последнее время было настолько незаконно присвоено, что настало время вернуть ему надлежащее функционирование. Следует раз и навсегда усвоить, что человек может называть себя теософом без ... веры в какие-либо оккультные науки и черную магию.

Лекции Гиффорда, IV.

В буддизме нет ничего эзотерического. Буддизм является полной противоположностью эзотерике — это религия для широких слоев населения, для бедных, страдающих, с которыми плохо обращаются. Будда протестует против самой идеи сохранения чего-либо в секрете. В брахманизме было гораздо больше этого эзотерического учения. Существовала кастовая система, которая лишала шудр, по крайней мере, многих религиозных привилегий. Но я утверждаю, что даже в брахманизме *нет такого понятия, как эзотерическая интерпретация Шастр*. Шастры имеют только одно значение, и все, кто был должным образом подготовлен образованием, имели к ним доступ. Есть несколько искусственных стихотворений, которые написаны так, что допускают два толкования. Они очень замечательны, но не имеют ничего общего с философскими доктринами. Опять же, есть эротические стихи на санскрите, которые объясняются как прославляющие любовь и союз между душой и Богом. Но все это прекрасно известно, в этом нет никакой тайны.

Жизнь.

ИСТИНА

Что требуется, так это умение анализировать доказательства и простая любовь к истине. Какую бы ценность мы ни придавали нашим собственным самым сокровенным убеждениям, есть нечто более сокровенное, чем все они, и это совершенное доверие к истине, если мы однажды ее увидели.

Последние очерки.

Истинное благоговение не состоит в том, чтобы объявить предмет, который нам дорог, непригодным для свободного и честного исследования; отнюдь! Истинное благоговение проявляется в обращении с каждым предметом, каким бы священным, каким бы дорогим для нас он ни был, с совершенным доверием, без страха и нелюбви; с нежностью и любовью, любыми средствами, но, прежде всего, с непоколебимой и бескомпромиссной верностью истине.

Наука о религии.

Теряем ли мы что-нибудь, если обнаруживаем, что то, что мы считаем самой ценной истиной, разделяют и поддерживают миллионы людей? Древние философы больше всего стремились подкрепить свою собственную веру в Бога единодушным свидетельством человечества. Они приложили величайшие усилия, чтобы доказать, что не существует расы, настолько деградировавшей и варварской, чтобы не верить во что-то божественное. Некоторые современные теологи, похоже, приписывают всем религиям, кроме своей собственной, заслугу в том, что они обладают чистой и истинной, вообще никакой концепцией Бога, совершенно забывая о том факте, что истина не перестает быть истиной оттого, что она принята повсеместно. Я не знаю ереси, более опасной для истинной религии, чем это отрицание того, что истинное представление о Боге доступно каждому человеку, фактически является общим достоянием человечества, как бы ужасно оно ни использовалось и не осквернялось христианскими и нехристианскими нациями.

Лекции Гиффорда, II.

Если Сравнительное богословие чему-то нас и научило, так это тому, что во всех религиях существует общий фонд истины, почерпнутый из откровения, которое не было ни ограничено одной нацией, ни чудесным в обычном смысле этого слова, и что даже мельчайшие совпадения между доктринами, более того, между внешними атрибутами различных религий, не обязательно сразу объясняться замаскированными заимствованиями, но могут быть объяснены другими, более естественными причинами.

Лекции Гиффорда, II.

Может ли быть что-либо выше и совершеннее истины? Возможна ли какая-либо религия без безоговорочного доверия к истине? Никто не знает, что значит верить, если не научился верить в истину, ради истины и только ради истины.

Гиффордовские лекции, III.

Может быть, и правильно остерегаться опасностей, реальных или воображаемых, пока это возможно. Но когда это уже невозможно, самое правильное - смело встретить врага лицом к лицу. Очень часто враг оказывается замаскированным другом. Мы не можем сильно ошибаться, если только будем предельно честны, но если мы однажды будем не совсем честны в некоторых вещах, то вскоре станем нечестными во многих вещах. В преподавании религии, даже Естественной религии, мы не должны смотреть ни направо, ни налево, но смотреть всем фактам прямо в лицо, чтобы увидеть, являются ли они фактами или нет, и, если это факты, выяснить, что они означают.

Гиффордовские лекции, III.

Некоторые люди говорят, что они не могут получить никакой помощи, никакого утешения от того, что они называют *только* духовным. *Только* Духовный — подумайте, что бы это *только* значило, если бы это вообще могло иметь какое-либо значение. С таким же успехом мы могли бы сказать о свете, что это всего лишь свет, и что то, чего мы хотим, — это тень, которую мы можем ухватить. До тех пор, пока мы знаем только тень, а не свет, который ее отбрасывает, реальна только тень, а не свет. Но когда мы однажды поворачиваем голову и видим свет, реальным и вещественным становится только свет, а не тень.

Гиффордовские лекции, III.

В Упанишадах мы находим то, что занимало мысли человека во все времена, что занимает их сейчас и будет занимать всегда — поиск истины, желание открыть Вечное, лежащее в основе Эфемерного, страстное желание найти в человеческом сердце уверенность в будущей жизни и попытку воссоединить узы, которые когда-то соединяли человеческое и божественное, истинное искупление между Богом и человеком.

Гиффордовские лекции, III.

Мы трудились много лет и были обеспокоены множеством вопросов, но каков же конец всего этого? Мы должны научиться снова становиться простыми, как маленькие дети. Это все, на что мы имеем право: ибо эта жизнь была задумана как детство наших душ, и чем больше мы стараемся быть теми, кем нам было предназначено быть, тем лучше для нас. Давайте использовать силы нашего разума с величайшей свободой и любовью к истине, но давайте никогда не забывать, что мы, как сказал Ньютон, подобны детям, играющим на берегу моря, в то время как великий океан истины лежит перед нами неоткрытым.

Жизнь.

Ничто так не нравится мне, как когда я встречаю мужчину, который отличается от меня; он всегда дает мне что-то, и за это я благодарна. Я вовсе не так безнадежен, как многие люди, которые воображают, что два непохожих друг на друга человека никогда не смогут прийти к взаимопониманию.... Почему люди различаются, учитывая, что все они начинали с одинаковой любви к истине и все находятся под влиянием одного и того же окружения? Что ж, часто они различаются потому, что один не осведомлен о фактах, которые другой знает и специально изучал.... Но в большинстве случаев люди отличаются друг от друга, потому что они свободно используют свои слова и потому что они смешивают разные темы вместо того, чтобы рассматривать их одну за другой.

Жизнь.

ВОЛЯ БОЖЬЯ

За всю свою жизнь я усвоил один-единственный урок: с нами ничего не может случиться, если на то не будет воли Бога. В жизни не может быть разочарования, если мы только научимся

подчинять свою волю воле Божьей. Давайте подождем немного, и для тех, чьи взоры обращены к Богу и вечности, самая долгая жизнь — это всего лишь короткое время, - давайте тогда подождем с верой, надеждой и милосердием: эти три пребывают, но величайшее из них - милосердие.

Жизнь.

Что бы ни происходило с нами, это всегда к лучшему для нас, даже если мы не сразу понимаем и воспринимаем это.

СР.

Несомненно, все упорядочено, и упорядочено в наших истинных интересах. Было бы страшно подумать, что что-либо, каким бы незначительным оно ни казалось, может случиться с нами без воли Бога. Если вы где-либо допускаете идею случайности или ничего не значащих событий, вся организация нашей жизни в Боге разлетается на куски. Мы сами не знаем, где окажемся, если не успокоимся в Боге и не воздадим Ему хвалу за все. Мы должны доверять Ему, посылает ли он нам радость или печаль. Если он посылает нам радость, давайте будем осторожны. Счастье часто посылается нам, чтобы испытать нас, и ни в коем случае не является доказательством того, что мы его заслужили. И печаль не всегда является признаком Божьего недовольства, но часто, нет, всегда, признаком Его любви и сострадания. Каждый из нас должен интерпретировать свою жизнь так, как только может, но мы должны быть уверены, что ее глубочайшая цель - вернуть нас к Богу через Христа. Смерть - это условие нашей жизни на земле, она возвращает творение к его Создателю. Существо стонет при виде смерти, но Бог не оставит нас в конце концов, Тот, кто никогда не оставлял нас с первого вздоха нашей жизни на земле. Если на то будет Его воля, мы можем жить, чтобы служить Ему здесь, на земле, долгие счастливые годы. Если Он заберет кого-то из нас, да будет прославлено Его имя. Мы живем в тени смерти, но эта тень не должна омрачать яркость нашей жизни. Это тень руки нашего Бога и Отца и залог более высокой, светлой жизни после смерти. Наш Небесный Отец любит нас больше, чем любой муж может любить свою жену, а любая мать - своего ребенка. Его рука никогда не причинит нам вреда, поэтому давайте всегда надеяться и доверять.

Жизнь.

Наши жизни находятся в руках Отца, который знает, что лучше для всех нас. Смерть мучительна для создания, но в Боге нет смерти, нет умирания; умирание принадлежит жизни и является лишь переходом в более совершенный мир, в который мы все идем, когда Бог призывает нас. Когда человек совершенно счастлив, тогда мысль о смерти часто пугает его, но даже это побеждается чувством и верой в то, что все так хорошо, как есть, и что Бог любит нас больше, чем даже отец и мать могут любить нас. Это прекрасный мир, в котором мы живем, но он прекрасен и по-настоящему является нашим домом только тогда, когда мы чувствуем близость Бога в каждый момент, полагаемся на Него и верим в Его любовь.... Когда приходит час расставания, мы знаем, что любовь никогда не умирает, и что Бог, который тесно связал нас в этой жизни, сведет нас вместе там, где больше не будет расставаний.

СР.

Наша встреча здесь, на земле, с теми, кого мы любили, была не наших рук дело. Мы не выбирали наших отца и мать, сестер и братьев. Мы даже не исследовали весь мир, чтобы найти своих друзей. Они тоже были более или менее даны нам, нам был дан выбор, и сфера выбора была определенной и ограниченной. Следовательно, мы, по-видимому, имеем право сказать, что они были предназначены для нас, а мы для них, и если мы не верим в случайность, то кто же есть, по чьей воле они могли быть предназначены для нас? Следовательно, если они когда-то были предназначены для нас Божественным Началом, а не нашей собственной волей, эта воля никогда не может измениться, и мы имеем право надеяться и даже верить, что *то, что было, будет*, и что мы снова встретим и полюбим тех, кого встретили и полюбили здесь. Это вера, и это утешение, но это большая вера и еще большее утешение, если мы закрываем глаза в твердом убеждении, что все, что будет, будет лучше для нас.

СР.

УДИВЛЕНИЕ

Мало найдется ощущений более приятных, чем удивление. Мы все испытывали это в детстве, в юности, в зрелом возрасте, и мы можем надеяться, что даже в нашей старости это расстройство ума не пройдет полностью. Если мы внимательно проанализируем это чувство чуда, то обнаружим, что оно состоит из двух элементов. Под удивлением мы подразумеваем не только то, что мы поражены или ошеломлены — я бы назвал это просто пассивным элементом удивления. Когда мы говорим "я удивляюсь", мы признаемся, что застигнуты врасплох, но к нашему чувству удивления примешивается тайное удовлетворение, своего рода надежда, нет, почти уверенность, что рано или поздно удивление прекратится, что наши чувства или наш разум восстановятся, схватятся с этими новыми выражениями или переживаниями, схватят их, может быть, узнают их и, наконец, восторжествуют над ними. На самом деле мы удивляемся загадкам природы, живой или неодушевленной, с твердой убежденностью, что у всех них есть решение, даже хотя сами мы, возможно, не в состоянии его найти. Удивление, без сомнения, возникает из невежества, но из особого рода невежества, из того, что можно было бы назвать плодородным невежеством; невежеством, которое, если мы оглянемся назад на историю большинства наших наук, окажется матерью всего человеческого знания.

Чипсы.

СЛОВА

То, что люди называют "простыми словами", на самом деле является памятниками самых ожесточенных интеллектуальных битв; триумфальными арками величайших побед, одержанных интеллектом человека. Когда человек придумал имена для тела и души, для отца и матери, и только тогда зародилось первое искусство в истории человечества. До тех пор, пока не появились названия добру и злу, Богу и человеку, не могло быть ничего, достойного названия

человеческого общества. Каждое новое слово было открытием, и эти ранние открытия, если их правильно понять, для нас важнее, чем величайшие завоевания царей Египта и Вавилона. Ни один из наших величайших исследователей не раскопал более великолепных дворцов, чем этимолог. Каждое слово - это дворец человеческой мысли, и в научной этимологии мы обладаем тем очарованием, с помощью которого возвращаем к жизни эти древние мысли.

Чипсы.

Разве понятие не может существовать без слова? Конечно, нет, хотя, чтобы опровергнуть все возможные возражения, мы можем сказать, что ни одно понятие не может существовать без знака, будь то слово или что-либо еще. И если меня спросят, существует ли сначала понятие, а затем появляется знак, я бы сказал, что нет: эти два явления одновременны, но в строгой логике о знаке, являющемся условием понятия, действительно можно сказать, что он стоит на первом месте. Через некоторое время слова могут быть отброшены, и именно тогда, когда мы пытаемся вспомнить старое слово, породившее нашу концепцию, мы начинаем представлять, что сначала появились концепции, а потом слова. Я знаю, как трудно это ясно увидеть. Мы настолько привыкли мыслить без слов, что с трудом можем осознать тот факт, что изначально никакая концептуальная мысль была невозможна без тех или иных знаков.

Лекции Гиффорда, И.

РАБОТАТЬ

Если вы нашли работу, которой готовы пожертвовать всю свою жизнь, и если вы верите в себя, другие поверят в вас, и рано или поздно работа, которая должна быть выполнена, будет выполнена.

Лекции Гиффорда, II.

Какими непрочными являются так называемые радости жизни — как мало в них того, что длится вечно. Получать удовольствие от выполнения своей работы — это жизнь, это то, что помогает нам двигаться дальше, хотя дорога иногда бывает очень трудной и утомительной — казалось бы, скорее в гору, чем под гору, и все же это под гору.

СР.

Отвращение к работе - это всего лишь другое название отвращения к долгу, пренебрежения к тем заповедям, которые скрепляют общество, пренебрежения заповедями Божьими.

Несомненно, в работе есть такая награда, что со временем она перестает быть неприятной и, подобно многим горьким лекарствам, становится любимой, но такой награды удостоивается только честный труд.

СР.

Работа - лучший целитель печали. В горе или разочаровании старайтесь усердно работать; это вас не подведет.

Автобиография.

Ни один здравомыслящий человек не должен беспокоиться о посмертной похвале или посмертном порицании. На сегодня достаточно того зла, которое они причинили. Наши современники являются нашими правильными судьями, наши сверстники должны отдавать свои голоса в великих академиях и ученых обществах, и если они в целом не недовольны тем немногим, что мы сделали, часто сталкиваясь с гораздо большими трудностями, чем знал мир, то почему мы должны заботиться о далеком будущем?

Автобиография.

Вкладывайте в свою работу все свое сердце или всю любовь. Нерешительная работа действительно хуже, чем ее отсутствие.

Последние очерки.

Большая часть лучшей работы в мире выполняется теми, чьи имена остаются неизвестными, кто трудится, потому что величайшее блаженство в жизни - это труд, и кто не требует никакой награды, кроме сознания того, что они расширили знания человечества и внесли свою лепту в окончательное торжество честности и истины.

Чипсы.

Истинное бессмертие (славы) - это бессмертие работы, проделанной человеком, которую ничто не может отменить, которая живет, работает и растет вечно. Для нас хорошо помнить и чтить имена наших предков и благодетелей, но для них, поверьте, высшей наградой была не надежда на славу, а их вера в себя, их вера в свою работу, их вера в то, что ничто по-настоящему хорошее никогда не может исчезнуть, и что Право и Разум в конце концов должны восторжествовать.

Чипсы.

Это дается немногим ученым только для того, чтобы иметь возможность посвятить все свое время и труд единственной теме, к которой они испытывают глубочайший интерес. Всем нам предстоит пройти жизненную битву, прежде чем мы сможем надеяться обрести тихую ячейку, в которой можно будет трудиться во имя учения и истины.

Чипсы.

Какой автор когда-либо произносил последнее слово, которое он хотел сказать, и которому не приходилось закрывать глаза, прежде чем он мог написать *Окончание* своего произведения?

Автобиография.

МИР

Нет другого христианского объяснения мира, кроме того, что Бог думал и произносил это, и что человек следует в жизни и мыслях мыслям Бога. Мы не должны забывать, что все наши знания и представления о мире - это опять же не что иное, как мысли, которые мы преобразуем в соответствии с законом причинности в объективную реальность. Именно эта непоколебимая зависимость от Бога в мыслях и жизни сделала Иисуса тем, кем Он был, и тем, кем мы могли бы стать, если бы только попытались, а именно: детьми Божьими.

Силезский конский табун.

Я не могу не видеть порядок, закон, разум или Логос в мире, и я не могу объяснить это простотой событиями, называйте их как хотите — выживанием наиболее приспособленных, естественным отбором или как угодно еще.

Последние очерки.

Подумайте только, каково это - верить в порядок вещей в мире, хотя поначалу это была не более чем вера в то, что солнце никогда не переступит своих границ. В этом была вся разница между хаосом и космосом, между слепой игрой случая и постижимым и, следовательно, разумным провидением. Сколько душ, даже сейчас, когда все остальное подвело их, когда они расстались с самыми заветными убеждениями своего детства, когда их вера в человека была отравлена, и когда кажущийся триумф всего эгоистичного, низменного и отвратительного заставил их отказаться от дела истины, праведности и невинности, как от того, за что больше не стоит бороться, по крайней мере в этом мире; сколько, говорю я, нашли свой последний покой и утешение в созерцании порядка мира, проявляющегося в неизменном движении звезд или раскрывающегося в неизменном движении солнца? количество лепестков, тычинок и пестиков самой маленькой незабудки. Сколько людей чувствовали, что принадлежать к этому космосу, к этому прекрасному порядку природы - это, по крайней мере, то, на что можно опереться, чему можно доверять, во что можно верить, когда все остальное потерпело неудачу. Для нас такое восприятие закона и порядка в мире может показаться очень незначительным, но для древних обитателей земли, у которых не было ничего другого, что могло бы их поддержать, это было всем, потому что, если однажды воспринять, если однажды понять, этого у них никогда нельзя было отнять.

Лекции Хибберта.

Мы должны научиться видеть смысл во всем. Без сомнения, мы не всегда можем видеть причину и следствие, и хорошо, что не можем. Совершенно верно, что мы не всегда получаем по заслугам. И все же мы должны верить, что знаем — только если бы мы знали это, вся структура мира была бы разрушена, во всем мире не было бы ни добродетели, ни порока, ничего, кроме расчета. Мы должны избегать путей, проложенных миром, потому что мы должны знать, что паровоз обязательно придет и покалечит нас. Таким образом, мир держится вместе, и по-другому быть не могло.

Жизнь.

В цветах для меня есть красота, тайна и святость, и когда я вижу, как они появляются и исчезают, никто не знает, откуда и куда, я спрашиваю, каких еще чудес мы хотим, — к какому лучшему, более прекрасному, более упорядоченному миру мы могли бы пожелать принадлежать, чем к тому, который нас окружает и поддерживает со всех сторон? Где здесь есть изъян или неисправность? Тогда чего нам бояться, если недостатки не находятся внутри нас, и мы не увидим благословения и остального, чем могли бы наслаждаться, если бы только доверяли Автору всей этой красоты, порядка и мудрости вокруг нас. Не быть счастливым в этом мире - совершенный грех, и сколько страданий, которые там есть, является делом рук людей или могло бы быть устранено людьми, если бы они только работали вместе на благо друг друга.

Жизнь.

Напечатано Т. И А. Констеблями, типографиями Его Величества в издательстве Эдинбургского университета.

СНОСКИ:

[1] Напоминаю читателю, что эти лекции были опубликованы в 1891 году, еще до того, как английские богословы достигли каких-либо общепринятых результатов в изучении дат различных частей Ветхого Завета. Сейчас было бы правильнее заменить "Пятикнижие" в приведенном выше предложении на "Ветхий Завет". Изложение современных взглядов на несколько периодов, к которым могут быть отнесены разные книги, см. Во Введении Канона Драйвера к литературе Ветхого Завета.

[2] Вестминстер.

Примечание переписчика:

Незначительные типографские ошибки исправлены без замечаний. Неточности и несоответствия в тексте сохранены в том виде, в каком они были напечатаны.

Страница 81: "В жизни нет *шансов*..." Переписчик вставил "is".